

Андрей Мелехов
22 июня: Никакой «внезапности» не было! Как Сталин пропустил удар

Текст предоставлен правообладателем
«22 июня: Никакой «внезапности» не было! Как Сталин пропустил удар»: Яуза-пресс;
М.: 2012
ISBN 978-5-995-50397-2

Аннотация

«Внезапно», «вероломно», «без объявления войны» – вот уже 70 лет кремлевская пропаганда повторяет этот сталинский миф, призванный объяснить и оправдать чудовищный разгром Красной Армии летом 1941 года. Новая книга от автора бестселлера «Козырная карта Вождя» не оставляет от этой лжи камня на камне, раз и навсегда доказывая: НИКАКОЙ «ВНЕЗАПНОСТИ» НЕ БЫЛО! Сталин заранее знал о скором нападении Гитлера, который к тому же официально объявил войну СССР в полном соответствии с международным правом. А значит, трагедии 22 июня нет и не может быть никаких оправданий!

Виктор Суворов не только рекомендовал издательству эту книгу, которая доказывает его открытия и развивает его идеи, но и написал к ней предисловие.

Андрей Мелехов

22 июня: Никакой «внезапности» не было! Как Сталин пропустил удар

Предисловие Виктора Суворова

Где-то на изломе веков один хороший приятель похлопал меня по плечу и выразил сочувствие: через пару лет грянет новое тысячелетие, и никого больше вопрос о начале Второй мировой войны интересоваться не будет.

Почему-то многим представлялось, что в новом веке у людей интересы будут совсем другими. Сам я, кстати, в этом тоже был твердо уверен, но ошибся, как и мой хороший приятель. Интерес к войне не угас. Наоборот, ярость сражений, накал страстей растут.

За первый десяток лет нового тысячелетия книг о начале войны выпущено столько, что упомянуть все, тем более – их прочитать, просто не получается. А второе десятилетие грозит быть еще более плодотворным. Среди массы публикаций о начале войны, среди этого мощного потока есть книги, которые пропустить нельзя. Одна из этих книг настолько выламывается из общего ряда, что мимо нее пройти мы все не можем и не имеем права.

Представляю: Андрей Мелехов «Большая война Сталина».

Меня лично книга потрясла объемом материала. Только тот, кто сам пробовал искать, находить, сортировать информацию о начальном периоде войны, способен оценить вклад Мелехова в наше общее дело. Ведь его книга – это энциклопедия! Где еще найти столько кропотливо собранного, с любовью по полочкам разложенного материала о том периоде? Ни Академия наук, ни Институт военной истории Министерства обороны за 70 лет, которые прошли с момента германского нападения, не сделали ничего подобного. А тут об армиях и корпусах, о дивизиях и бригадах, о генералах и штабах, о танках и самолетах, о пушках и снарядах, о количествах и качествах.

Но это первое впечатление. А когда вникаешь в тексты, то проникаешься еще большим уважением к человеку, исполнившему воистину титаническую миссию. Кто бы, например, додумался сверять переводы дневников Геббельса? Додумался Мелехов. И показал, как даже маленькие небрежности могут приводить к значительным искажениям исторической правды.

Книги Мелехова – не нудный академический трактат, а обстрел объекта с разных направлений перекрестным огнем. Одну и ту же ситуацию он показывает с точки зрения боевого командарма и с точки зрения артиста цирка, из вагона уходящего на войну эшелона и из кабинета Генерального штаба. И что удивительно: с командного пункта армии, которая тайно перебрасывается к границе, и с арены цирка, с приграничного аэродрома и из палаты тылового госпиталя открывается все та же картина. Описание судьбы женщины-стоматолога или артиллерийского лейтенанта объясняет нам гораздо больше, чем сто томов научных изысканий академических институтов.

Андрей Мелехов ставил перед собой почти непосильную задачу. Он ее успешно решил. Совершенно сознательно не берусь пересказывать его книгу. Ее надо читать. Ее аршином не измерить, глубин ее не исчерпать.

От автора

Данная книга является частью цикла «Большая война Сталина» – аналитического проекта, целью которого является понять, насколько соответствуют истине утверждения историка Виктора Суворова (Владимира Богдановича Резуна – бывшего офицера Главного разведывательного управления советского Генштаба, вынужденного бежать на Запад). Кратко напомню об основных положениях его работ:

– Сталин сделал все, чтобы привести к власти Гитлера и развязать новую Мировую войну; после взаимного истощения воюющих капиталистических хищников советский диктатор планировал напасть на фашистскую Германию и «освободить» Европу, совершив

со всем континентом то, что в итоге получилось сделать только с его восточной и центральной частью;

– напад первым, Гитлер случайно упредил Сталина на две недели: советский «День М» приходился на 6 июля 1941 года;

– неудачи начального периода войны – результат гигантского скопления советских войск перед границей и незаконченного развертывания перед началом агрессии (примерно половина советской группировки находилась на марше или в эшелонах, следовавших к западной границе);

– вопреки сочиненным советскими историками уже после войны сказкам, Красная Армия имела подавляющее количественное (а порой и качественное) превосходство в танках, самолетах и артсистемах. Хватало у нее и вполне подготовленного личного состава, а также грамотных молодых командиров. Вопреки устоявшемуся мнению, предвоенная чистка офицерского корпуса пошла ей на пользу, избавив от часто бездарных и полуграмотных «красных маршалов».

Самым, пожалуй, запомнившимся еще с детской поры тезисом советских историков для меня являлось утверждение о том, что нападение гитлеровской Германии на СССР было вероломным и абсолютно внезапным. Что, мол, лишь очень ограниченный круг лиц – включавший прежде всего И.В. Сталина – знал о секретных донесениях разведчиков-интернационалистов, но этим сообщениям не верил. Поэтому Страна Советов, занимавшаяся мирным строительством социализма, якобы не знала о предстоящем вторжении «ни сном, ни духом». Именно в результате этих ошибок не верившего своим собственным шпионам «вождя народов» Красная Армия будто бы и не ждала неприятностей со стороны немцев. Отсюда – разгром и отступление до Москвы, Ленинграда и Ростова. Предметом данной работы как раз и является рассмотрение исторической верности концепции «внезапности».

Часть первая «Внезапно?..»

Слово герою-десантнику

Беру в руки книгу воспоминаний **А.И. Родимцева**. К новому месту службы (5-я бригада 3-го воздушно-десантного корпуса Одесского военного округа) Герой Советского Союза и ветеран гражданской войны в Испании Родимцев прибыл 17 июня 1941 года. Отметим уровень боеготовности вверенной ему части: «вооружением, необходимой материальной частью и парашютами бригада была полностью обеспечена» («Твои, Отечество, сыны», с. 20). 18 июня 1941 года бригады корпуса проводили учения по выброске в Крым, в «районе города Джанкой» (там же, с. 23).

Позволю себе на минуту отвлечься и подчеркнуть, что воздушно-десантные войска являлись тогда и остаются сегодня сугубо наступательным родом войск. Статья о ВДВ в **Советской Военной Энциклопедии** начинается словами: «Воздушно-десантные войска (ВДВ), род войск, предназначенный для боевых действий **в тылу противника** ... Основные боевые свойства ВДВ: способность быстро достигать удаленных районов ТВД, наносить **внезапные** удары по противнику, успешно вести общевойсковой бой. ВДВ могут **быстро захватывать и удерживать** важнейшие районы **в глубоком тылу противника**, нарушать его государственное и военное управление, овладевать островами, участками морского побережья, военно-морскими и авиационными базами, содействовать **наступающим войскам** в форсировании с ходу крупных водных преград и быстром преодолении горных районов, уничтожать важные объекты противника» (том 2, с. 287). Как видим, обороне посвящена лишь одна фраза: «**захватывать и удерживать**».

ВДВ и морская пехота – самые агрессивные рода войск современных армий: отступать им часто просто некуда. В обороне ВДВ использовали лишь в исключительных случаях, для «затыкания дыр» – когда в момент кризиса в районе вражеского прорыва не имелось

обычных стрелковых частей, а также для проведения диверсий и отвлекающих действий (фактически без шанса выжить) на коммуникациях наступающего противника. Во время Великой Отечественной войны – в 1942 году под Вязмой и при форсировании Днепра в 1943-м – советских десантников использовали «по назначению» именно в ходе крупномасштабных наступлений. Красная Армия успешно применяла десанты в рамках классической «глубокой операции» и в 1945 году – при разгроме японской Квантунской армии. Немцы, американцы и англичане, также создавшие мощные воздушно-десантные силы, делали то же самое в ходе Второй мировой и Корейской войн. Армии основных воюющих государств применяли крупные соединения парашютистов для достижения успеха как при проведении фактически самостоятельных наступательных операций (Крит), так и в рамках стратегических ударов с использованием флота и всех родов войск (высадка на Сицилии и в Нормандии). «Экзотика» в применении десантников – вроде участия в борьбе с партизанами (Конго, Вьетнам, Афганистан), штурме городов (Чечня) и патрулировании «неспокойных» населенных пунктов (Ольстер, Ирак) – началась несколько позже.

Важно отметить и то, что в 30-х годах прошлого века СССР справедливо считался во всем мире **родоначальником** «крылатой пехоты» и неоднократно удивлял иностранных наблюдателей массовой выброской великолепно подготовленных парашютистов как на различных учениях (например, под Киевом в 1935-м и в Белоруссии в 1936 годах), так и в ходе боевых наступательных операций (Халхин-Гол). Согласно приложению № 8 книги **Р. Иринархова** «Красная Армия в 1941 году» накануне войны в РККА были сформированы пять воздушно-десантных корпусов численностью 10 400 человек (преимущественно тщательно отобранных добровольцев) в каждом. Интересно, что два из них – 2-й под командой генерал-майора Харитонов Ф.М. и 3-й – под началом генерал-майора Глазунова В.А. (в будущем – первый командующий советских ВДВ) – находились в распоряжении Одесского военного округа. 5-я бригада Родимцева и 212-я бригада полковника Затевахина (отличившаяся на Халхин-Голе) как раз и входили в отборный 3-й десантный корпус Глазунова. По одному корпусу ВДВ базировались в Прибалтике, Белоруссии и в Киевском Особом военном округе. Почему столь высокая концентрация полностью укомплектованных бригад десантников (20 800 отборных бойцов) имела место именно на южном фланге СССР? Где и как советские воздушно-десантные корпуса планировали «отражать агрессию» с помощью массовой выброски парашютистов в глубоком тылу врага, которую активно отрабатывали накануне войны? Об этом мы поговорим в следующей книге цикла, посвященной планам советского руководства. Пока же вернемся к вопросу о «внезапности» вскоре начавшейся войны.

Вот что говорит Родимцеву накануне войны начштаба 5-й воздушно-десантной бригады майор Борисов: «Тревога чувствуется даже в воздухе...» О том же толкуют друг с другом и собравшиеся в управлении Одесского военного округа «офицеры в полевой форме и с чемоданами в руках»: «Подняли по тревоге... Часть уже куда-то уехала... Товарищи поговаривают: может быть, война?» («Твои, Отечество, сыны», с. 24). И куда, интересно, уехала их часть? Не к румынской ли границе?.. А вот что отвечает Родимцеву на его вопрос о «скорой войне» генерал-полковник Черевиченко Я.Т. – командующий Одесским военным округом: «Для вас, конечно, не секрет, что фашисты продолжительное время сосредоточивают войска у нашей западной границы...» В общем, резюмирует герой войны в Испании, «явных признаков резкого изменения обстановки не было, но предчувствие чего-то недоброго упорно нарастало... С чувством внутренней напряженности и тревоги я возвратился в часть» (там же).

Заметим, что после начала войны 3-му воздушно-десантному корпусу так и не нашлось «воздушно-десантной» задачи. Почему? Потому что в обороне парашютисты превращаются в обычную – к тому же легковооруженную – пехоту. В этом качестве корпус и использовали начиная с середины июля, а на каком-то этапе его просто превратили в стрелковую дивизию. Следует подчеркнуть, что дивизия эта воевала хорошо (в частности, отличилась во время обороны Киева) и скоро стала гвардейской. То же самое справедливо и в отношении других

бывших десантных соединений РККА: сказывались тщательный отбор и прекрасная подготовка личного состава. Уже тогда ВДВ являлись армейской элитой. Недаром все без исключения воздушно-десантные соединения СССР в ходе войны стали гвардейскими.

Слово боевым генералам

Там же – в Одесском военном округе – накануне войны оказался и **Н.И. Крылов**, переведенный с Северного Кавказа в штаб Дунайского укрепрайона: «...перед войной у границы было не особенно спокойно. В июне обстановка на румынском берегу (а там – это не было секретом – находились и немецкие войска) стала настораживать...» («Не померкнет никогда», с. 14). «Пусть и не таким виделось начало будущей войны (интересно, а каким же оно виделось Н.И. Крылову?.. – *Прим. авт.*), пусть не ждали мы ее сейчас (а когда?..). Но все равно ведь знали – смертельной схватки с черными силами фашизма не избежать» (там же, с. 18). Хотя войны вроде и не ждали «сейчас», но, пишет Н.И. Крылов, «надо отдать должное и командованию Одесского военного округа. Перед самым нападением врага оно успело... перевести на запасные аэродромы авиацию, избежавшую благодаря этому больших потерь... А управление войсками округа было к этому времени перенесено на заранее (!) оборудованный полевой КП» (там же, с. 15). Чуть позже тогдашний замнаркома обороны Мерецков подскажет нам, что в результате проведенных прямо накануне войны «учений» в укрепрайонах на границе с Румынией оказались практически все войска Одесского военного округа. Интересно отметить, что Н.И. Крылов – который в одном из этих укрепрайонов как раз и служил – не упомянул об этом факте. Не упомянул он и о том, что «полевой КП» являлся командным пунктом уже не округа, а созданной на его базе ударной 9-й армии...

А вот что говорит **П.И. Батов**, буквально перед самой войной поставленный командовать 9-м стрелковым корпусом, находившимся в Крыму. В Крым он попал с Северного Кавказа (через Москву, где его проинструктировал сам нарком обороны Тимошенко) «неожиданно, перед самым началом войны... 20-го июня»: «Мы располагали убедительными данными о том, что крупные ударные группировки немецко-фашистских войск сосредоточиваются у западных границ нашей страны. Как говорится, уже пахло грозой...» («В походах и боях», с. 7). Почему-то Батов ни словом не упоминает о том, чем занимался вверенный ему 9-й корпус в самый канун войны. Позволю себе подсказать читателям: корпус Батова участвовал в крупномасштабных учениях по высадке десантов на чужих берегах. Поэтому, когда Батов утверждает, что во время московской встречи нарком Тимошенко «ни словом не обмолвился о том, каковы должны быть взаимоотношения с Черноморским флотом, что делать в первую очередь, если придется срочно приводить Крым в готовность как театр военных действий», он говорит правду. Вернее, ровно половину правды: он ни словом не упоминает о второй половине. Дело в том, что **к обороне** Крыма действительно никто и не думал готовиться. Все планы моряков, летчиков, пехотинцев и даже бойцов укрепрайонов Одесского военного округа (а также прочих приграничных округов) касались исключительно скорого начала **наступательных действий на чужой территории**. А все взаимодействие с морскими силами сводилось к усердной отработке, как вполне откровенно выразился тогдашний нарком ВМФ – адмирал **Н.Г. Кузнецов**, «более активных задач» – ведь «...предполагалось, что мы будем не только обороняться, но и наступать» («Курсом к победе», с. 334).

Быший флотский замполит **И.И. Азаров** говорит об этих весьма интересных маневрах с участием корпуса Батова гораздо более откровенно. Прочитую первые строчки его мемуаров: «На Черноморском флоте предстояло большое учение. Корабли должны были высадить в распоряжении «противника» крупный десант – целую стрелковую дивизию. Обычно флотские учения проводились осенью и по существу подытоживали боевую учебу. Черноморцы в шутку называли их «мандариновыми походами», потому что курс эскадры был неизменным – из Севастополя к кавказским берегам, где в это время накапливались горы фруктов. **В 1941 году привычный порядок был изменен. Учения начинались в**

первой половине июня. Откладывать их обстановка не позволяла (?)... Направляя на флотские учения группу политических работников, начальник Главного управления политической пропаганды Военно-Морского Флота армейский комиссар 2-го ранга И.В. Рогов пояснил: «Обстановка не дает нам никаких отсрочек (*что же за срочность такая была?! Торопились немцев с румынами спровоцировать?..* – Прим. авт.). Подозрительно ведет себя фашистская Германия, хотя у нас с ней договор о ненападении. Для вашего сведения: германские войска сосредоточиваются у наших границ, немецкие самолеты все чаще вторгаются в наше воздушное пространство. **Надо, чтобы моряки были готовы ко всему**» («Осажденная Одесса», с. 3—4). Из этого краткого пассажа становится понятно, что руководство флота (и уж тем более руководство Вооруженных Сил и политическое руководство СССР) прекрасно знало о сосредоточении германских войск на советской границе. Поскольку «откладывать обстановка не позволяла», то и «привычный порядок был изменен», а «моряки были готовы ко всему». Вопросы появляются, когда туго соображающий читатель (вроде меня) пытается сообразить, а к чему именно готовились советские моряки?.. Да еще и под присмотром вышедшего с ними в море руководителя учений – замнаркома Военно-Морского Флота адмирала И.С. Исакова (см. там же, с. 11)? Скажем, почему атаки **несуществующего** германского черноморского флота огромный советский Черноморский флот собирался отражать высадкой целых стрелковых дивизий **на чужих берегах**? Ладно, предположим, что таким образом собирались претворять в жизнь известный постулат о том, что «нападение – это самая лучшая оборона». В конце концов, именно с помощью мастерски проведенной десантной операции американцы в начале 50-х сумели коренным образом переломить ход Корейской войны... Но вот незадача: **как только немцы напали, о советском морском десанте на чужие берега намертво забыли**. Равно, впрочем, как и о воздушных десантах: помните мемуары Родимцева?.. Не найти ни слова в советской исторической литературе и о планах, которые отрабатывались во время этих загадочных предвоенных учений. Армейский комиссар Рогов назвал действия немцев «подозрительными». Позвольте, а как тогда могли назвать действия советских войск и флота испуганные румыны и встревоженные немцы?.. Они-то десятки тысяч человек по морю не возили... Да и самих немцев в Румынии было кот наплакал. Так или иначе то, что Батов ни словом не упоминает о длительных морских прогулках своих подчиненных в самый канун войны, само по себе наводит на определенные мысли...

Что же происходило в других военных округах? **И.И. Людников** сообщает: «Весной сорок первого года, за шесть месяцев до своей трагической гибели, Кирпонос (*будущий командующий Юго-Западным фронтом, а тогда – недавно назначенный командующим Киевским Особым военным округом.* – Прим. авт.) вызвал меня из Житомира (*там Людников командовал военным училищем.* – Прим. авт.) в Киев для назначения на должность командира дивизии. В мобилизационном (!) отделе штаба округа мне сказали: – Ваша дивизия вон в том углу, забирайте... Поднимаю с пола опечатанный мешок с надписью «200 сд. Почтовый ящик 1508». Содержимого в мешке немного. Кто-то даже пошутил: «Не шапка Мономаха...». Срок формирования дивизии был жестким. Вместе с командным составом прибывало пополнение бойцов из переменного состава. **Обычно их призывали на переподготовку после уборки урожая. Мы и этот факт расценили как признак приближающейся грозы**» («Дорога длиною в жизнь», с. 5). Отметим, что дело происходило примерно в **середине марта 1941 года** и что вновь сформированная 200-я стрелковая дивизия Людникова (31-го стрелкового корпуса) относилась ко «второй линии» – иначе говоря, находилась во втором эшелоне войск округа. И что номер «200» взяли не с потолка: процесс развития Красной Армии еще ранней весной 1941 года достиг такого масштаба, что число стрелковых и горнострелковых дивизий перевалило за две сотни – и это без учета мотострелковых (моторизованных) дивизий! Сей бурный рост требовал опытных командиров, которых, естественно, не хватало. Нехватку восполняли ускоренным продвижением по службе вчерашних комбатов, возвращением репрессированных комбригов и комдивов, а также использованием кадров, осевших в многочисленных военных училищах.

Интересно отметить, что во время немецкой оккупации здание житомирского училища Людникова использовал в качестве своего временного штаба начальник СС Генрих Гиммлер. Но вернемся к 200-й СД...

16 июня 1941 года этой **тыловой** дивизии директивой штаба округа предписали в полном составе, но без мобилизационных запасов **18 июня в двадцать часов** (иными словами, *скрытно, ночными маршами* . – Прим. авт.) выступить в поход и **к утру 28 июня** сосредоточиться в десяти километрах северо-восточнее Ковеля – то есть в непосредственной близости от советско-германской границы (там же, с. 6). Надо сказать, что 31-й стрелковый корпус, в состав которого была включена дивизия Людникова, еще до начала войны был переброшен с Дальнего Востока на Украину, где перешел в подчинение располагавшейся у самой границы 5-й армии под командованием генерал-майора танковых войск М.И. Потапова – еще одного героя Халхин-Гола. Отметим, что полученный дивизией приказ **не был связан с угрозой немецкого вторжения** . Иначе она выступила бы в поход **немедленно – 16 июня** , и война не застигла бы ее на марше – во время четвертого ночного перехода (днем пехотинцы отдыхали, чтобы соблюсти скрытность выдвижения к границе). «Целую жену и детишек, – вспоминает Людников, – я почти не сомневался, что уйду на войну...» Не сомневались и сами домочадцы: «проводить дивизию вышло все население городка. Самые горячие заверения, что идем на учение, не могли утешить наших матерей и жен. Предчувствие близкой войны их не обмануло» (там же, с. 6). Удивительное дело: предчувствие не обмануло тысячи жителей украинского городка и членов семей офицеров, а вот у товарища Сталина, который и направил дивизию Людникова к границе, его, получается, и не было?..

Приведу еще одно наблюдение Людникова, касающееся первых боев дивизии: «Перед войной 200-я дивизия пополнилась призывниками из недавно освобожденной Ровенской области, где вражеские лазутчики распространяли панические слухи, пугая малодушных непобедимостью немецкого оружия. Полк Алесенкова показал всем частям дивизии да и ее соседям, что не так страшен черт, как его малюют, что врага можно остановить, гнать и уничтожать» (там же, с. 8). Как видим, у командира 200-й дивизии и его «соседей» до первых боев имелись серьезные сомнения в надежности бойцов, являвшихся уроженцами Западной Украины. Позже мы увидим, что подобные сомнения в боеспособности собственных подчиненных мучали не только его и не только в отношении украинских новобранцев...

А.В. Горбатов за несколько месяцев до начала войны – вместе со многими другими репрессированными командирами – вдруг выпустили из концентрационного лагеря. Если верить бывшему генерал-лейтенанту НКВД **П.А. Судоплатову** – автору книги «Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930—1950 годы», «...**в общей сложности в строй вернулись около половины пострадавших от террора**» (с. 181). Едва не умершему от голода Горбатову дают путевку в санаторий – подлечиться и набрать вес – и в апреле 1941 года назначают на должность заместителя командира 25-го стрелкового корпуса 19-й армии, тайно перебрасываемой на Западную Украину с Северного Кавказа. Вот что, проводя его, говорит нарком обороны Тимошенко: «Видимо, мы находимся в предвоенном периоде...» («Годы войны», с. 257). Вновь отметим уровень укомплектованности соединения: «Я ознакомился с дивизиями. Они были полностью укомплектованы...» Как и все мемуаристы, Горбатов отмечает, что «ее (войну) ждали все, и не так уж много было среди военных людей, у которых теплилась еще надежда на то, что войны можно избежать. Однако когда было объявлено о внезапном нападении... это сообщение всех поразило...» Надо же: «все ждали», но «всех поразило»!

Как и у Людникова, у Горбатова еще до войны имелись нехорошие предчувствия в отношении слаженности и дисциплины его подчиненных. Правда, командира 200-й дивизии ждал приятный сюрприз: «западенцы» Людникова не только не удрали, но еще и разбили немцев. Горбатову повезло меньше: в первый же день боев (в середине июля) ему пришлось гоняться по полям за разбегающимися и бросающими оружие красноармейцами (которые тоже были призваны из запаса **накануне войны**) и ругать матом их растерявшихся

командиров.

К.В. Крайников, который перед войной служил во Львове заместителем командира 2-го кавалерийского корпуса по политической части, сообщает в отношении «внезапности» войны нечто похожее. **Весной 1941 года** в округ из Москвы прибыл «с ответственными поручениями» его приятель, будущий выдающийся танкист П.С. Рыбалко (служивший в то грозное время в Разведупре – нынешнем ГРУ). Тот сумрачно сообщил: «На переднем крае, можно сказать, находишься, на боевом направлении... Не исключено, что фашистская Германия может напасть на нас...» («Оружие особого рода», с. 5). Правда, в бой кавалеристу Крайникову пришлось вступить гораздо южнее – на советско-румынской границе, «куда в самый канун войны перебросили наш 2-й... корпус». Заметим по ходу, что там же – на границе с Румынией – помимо двух воздушно-десантных корпусов и кавалерийского соединения, находились и два механизированных корпуса Красной Армии – 2-й и 18-й, вместе насчитывавшие около 1000 танков.

Вторит своим боевым товарищам и **В.М. Шатилов**, который перед войной занимал должность начальника штаба 196-й стрелковой (тоже вновь сформированной) дивизии: «Теперь, когда от войны нас отделяют многие годы... особенно явственно видишь: партия и правительство были уверены в неизбежности военного столкновения с фашизмом и готовили страну к этому *(но, как показали события, «не доготовили».* – Прим. авт.). У западных границ, вблизи будущего (!) театра военных действий, разворачивались новые соединения Красной Армии. Одним из них и была 196-я Днепропетровская стрелковая дивизия» («На земле Украины», с. 4). Попутно отметим, что эта новая дивизия, находясь на Украине, входила в состав резерва Генштаба. И что бывший танкист Шатилов попал сюда на повышение из Прибалтики, из 28-й танковой дивизии 12-го мехкорпуса, где **уже в мае** «слухами о войне была полна приграничная Рига», а «определенность и конкретность» этих слухов «настораживала» (там же, с. 3). Кстати, о 28-й танковой мы еще поговорим...

Когда 196-я стрелковая дивизия ускоренным маршем прибыла на станцию Днепропетровск 23 июня, «там царило оживление. Почти непрерывно шли на запад эшелоны с войсками и боевой техникой». Мемуарист сообщает, что в вагонах пели песню – «Краснознаменная Дальневосточная». Это важное наблюдение: чтобы **уже 23 июня** через Днепропетровск «на запад шли эшелоны» с **Дальнего Востока**, их надо было сформировать, загрузить и отправить за несколько недель до этой даты. Это, впрочем, буквально в следующей строчке подтверждает и сам Шатилов: «Началась горячая подготовка частей дивизии к отправке на фронт. Мы потеряли счет времени, дни и ночи слились воедино, спали урывками, забывали порой поесть. Не простое и хлопотное это дело – сборы в дальнюю дорогу. Кажется, какое у солдата имущество: винтовка да вещевого мешок. А когда этих винтовок и мешков 17 тысяч, тогда как?» (там же, с. 6). Отметим в очередной раз: 17 тысяч вещмешков означали, что уже к началу войны еще одна **тыловая** – 196-я – стрелковая дивизия была полностью укомплектована по штатам (и даже сверх штатов!) военного времени. Попутно подчеркнем, что 196-я стрелковая дивизия входила в состав 7-го стрелкового корпуса, относившегося накануне войны к резерву Генштаба, и что она в составе этого корпуса была не единственная – в него входили также 116-я и 147-я стрелковые дивизии под командованием полковников Еременко Я.Ф. и Миронова К.И. Эти дивизии – тоже из «вновь сформированных» в рамках программы скрытой мобилизации, о которой мы поговорим позже. Именно этот корпус под командованием генерал-майора Добросердова К.Л. в начале июля 1941 года оказал поддержку группе командарма Лукина.

А вот что говорит о «внезапности» в своей книге еще один пехотинец – **И.И. Федюнинский**: «Вскоре... меня назначили командиром 15-го стрелкового корпуса. Но до вступления в должность послали на учебу в Москву, и в Ковель, где размещался штаб корпуса, я прибыл **в апреле 1941 года**, когда обстановка на нашей западной границе становилась все более напряженной... В начале мая я решил объехать части корпуса, познакомиться с командирами дивизий, полков, батальонов, проверить боевую готовность войск, уточнить на месте задачи частей и подразделений в случае развертывания боевых

действий на границе. На эту поездку пришлось затратить около месяца (как свидетельствует в следующей главе данной работы его боевой товарищ – танкист Рокоссовский, в этой «ознакомительной поездке», являвшейся на самом деле рекогносцировкой, Федюнинский был далеко не одинок. – Прим. авт.). Войска корпуса располагались в лагерях и военных городках километрах в сорока и более от границы... Дивизии содержались по штатам мирного времени. Подавляющее большинство солдат и младших командиров составляли старослужащие, неплохо подготовленные в военном отношении. Как раз в это время (!) проходили учебные сборы приписного состава – уроженцев западных областей Украины. Когда началась война, приписники были влиты в кадровые дивизии (так штаты мирного времени «легким движением руки» превратились в штаты времени военного. – Прим. авт.)... Пока я объезжал части и подразделения корпуса (то есть в течение мая), напряжение на границе нарастало. Вернувшись в штаб корпуса (начало июня), я позвонил командующему 5-й армией генералу-майору танковых войск М.И. Потапову. Попросил разрешения по два стрелковых полка 45-й и 62-й дивизий... вывести из лагерей в леса, поближе к границе, а артиллерийские полки вызвать с полигона. В этом случае войска будут находиться **в восьми километрах от границы** , в густом лесу (!) . Командарм, подумав, согласился» («На Востоке», с. 222).

Вчитайтесь, пожалуйста, в эти строки! Любой, кто когда-нибудь служил в армии, знает: если маневры закончены, а твою дивизию прячут в густых лесах у границы (кстати, как долго можно держать в этих самых лесах десятки тысяч военных со всем снаряжением и боевой техникой?), значит, происходит что-то экстраординарное. Даже если в армии вы не служили, но ходите в лес за грибами или на охоту, постарайтесь представить свою реакцию при обнаружении в этом лесу многих тысяч вооруженных до зубов, пахнущих костром и изгрызенных комарами военнослужащих! Обратите внимание и на то, как легко командарм разрешает подобные перемещения на расстоянии артиллерийского выстрела от границы с немцами, которых в то же время нельзя «провоцировать» под страхом сурового и неотвратимого наказания: «Подумав, согласился...» Смею заверить, вас, читатель: если бы такое – несогласованное с вышестоящими штабами – перемещение войсковых соединений произошло в СССР даже в относительно мирное брежневское время, ответственных за это ждали бы скорый суд, лагеря, а то и кое-что похуже. То же самое, кстати, справедливо и в отношении любой другой армии мира. Служившие в армии, скажите: часто ваши части бросали насиженные места и прятались в лесах? Любое скрытное санкционированное передвижение воинской части в мирное время – это верный признак заблаговременной подготовки к войне. Любое несанкционированное – это начало военного переворота. Вспоминаю канун советского вторжения в Афганистан: тогда – за месяц до его начала – мой одноклассник шепнул на перемене, что его отец, служивший летчиком в части военно-транспортной авиации, базировавшейся под Тулой, зачем-то оказался на границе с упомянутой страной...

Может, две дивизии корпуса Федюнинского собирались «обрушиться» на вторгнувшихся фашистов? Предлагаю вернуться к засевшему в приграничных лесах 15-му стрелковому корпусу в следующей книге цикла – когда речь пойдет о планах советского командования...

Стальная гвардия «ордена меченосцев»

До сей поры мы говорили о воспоминаниях десантников, кавалеристов и пехотинцев. Теперь обратимся к мемуарам представителей механизированных войск. **К.К. Рокоссовского** , как и А.В. Горбатова, «неожиданно» выпустили из концлагеря, подлечили в Сочи, и в конце 1940 года назначили командиром формируемого все там же – на Украине – 9-го механизированного корпуса. «Откровенно говоря, – признается прославленный военачальник, тактично умалчивая о своем неприятном знакомстве с ГУЛАГом, – мы не верили, что Германия будет свято блюсти заключенный с Советским Союзом договор – было

ясно, что она все равно нападет на нас... В мае новый командующий Киевским Особым военным округом М.П. Кирпонос провел полевою поездку фронтового масштаба. В ней принимал участие и наш мехкорпус, взаимодействуя с 5-й общевойсковой армией на направлении Ровно – Луцк – Ковель. В дни полевой поездки я ознакомился с приграничной местностью на направлениях вероятных действий корпуса и на других участках» («Солдатский долг», с. 8). Вновь заметим, что такие «поездки» у военных называются рекогносцировками, а производят их в районах предстоящих боевых действий. Запомним также, что каким-то чудесным образом начальники будущего выдающегося полководца **уже в мае** знали, на каких именно участках границы его корпусу придется «отражать» немцев, которые, как мы помним, «все равно нападут». Еще один важный факт – для тех, кто любит поговорить о недоукомплектованности советских мехкорпусов: даже недоформированный и находившийся в резерве фронта 9-й мехкорпус, располагавший на начало июня 300 танками (вместо 1031, положенных по штату), уже в мае планировал какие-то совместные действия с знакомой нам по воспоминаниям пехотного командира Федюнинского 5-й армией на западной границе. И что в составе этой армии уже имелся один механизированный корпус – 22-й – под командованием генерал-майора Кондрусева С.М., располагавшего на тот момент 746 танками. Вместе эти два соединения насчитывали бы 1046 танков – эквивалент полностью укомплектованного боевыми машинами мехкорпуса. Кстати, именно из штаба 5-й армии Рокоссовский и получал приказы после начала войны.

«Еще во время окружной полевой поездки, – пишет он, – я беседовал с некоторыми товарищами из высшего командного состава. Это были генералы И.И. Федюнинский, С.М. Кондрусев, Ф.В. Камков (*командиры соответственно стрелкового, механизированного и кавалерийского корпусов, входивших в состав 5-й армии. – Прим. авт.). У них, как и у меня, сложилось мнение, что мы находимся накануне войны с гитлеровской Германией ...*» (там же, с. 9). Готов биться об заклад, что Кондрусев с Федюнинским и Камковым (а также командиры других переброшенных на Украину мехкорпусов – Власов, Рябышев, Карпезо, Фекленко, Соколов, Чистяков и пр.) после таких «поездок» тоже хорошо знали, на каких участках придется сражаться их корпусам!

Рокоссовскому вторит и его коллега – Д.Д. Лелюшенко, которого в феврале 1941 года назначили командиром только что созданного 21-го механизированного корпуса Московского военного округа. Интересно, что формировали корпус не в Центральной России, а почему-то в районе Идрицы – Опочки (Псковская область) – на линии старых укрепрайонов, где Лелюшенко с нетерпением ждал получения новой бронетанковой техники – «мощных КВ и Т-34». «Примерно за месяц до начала войны, – пишет Лелюшенко, – будучи в Главном автобронетанковом управлении Красной Армии, я спросил начальника: «Когда придут к нам танки? Ведь чувствуем, гитлеровцы готовятся...» («Москва – Сталинград – Берлин – Прага», с. 12). Его успокоили: «Не волнуйтесь, – сказал генерал-лейтенант Яков Николаевич Федоренко. – По плану ваш корпус должен быть укомплектован полностью в 1942 году» (там же). «И все же, – признается Лелюшенко (который, к слову, по должности должен был знать об официально установленной очередности формирования мехкорпусов) – среди командиров и политработников корпуса росло беспокойство. Поговаривали о неизбежности войны с фашистами, несмотря на успокаивающее сообщение ТАСС от 14 июня 1941 г. Многие из нас понимали, что это сообщение **не для нас ...**» (там же). Совершенно верно: сообщение это было сочинено исключительно «на экспорт» – для внешнего, так сказать, употребления. Уже упоминавшийся ранее бывший генерал-лейтенант НКВД П. Судоплатов подчеркивает: «Интересно, что заявление ТАСС сначала было распространено в Германии и лишь на второй день опубликовано в «Правде» («Специоперации. Лубянка и Кремль. 1930—1950 годы», с. 197).

Упомяну одну, на мой взгляд, показательную нестыковку в повествовании прославленного военачальника: на странице 12 своих мемуаров он жалуется, что у него в корпусе лишь «98 устаревших БТ-7 и Т-26», а на странице 13 уже говорит о том, что «красноармейцы и младший командный состав частей овладевали **новой техникой** : учились

управлять танком, вести из него огонь, ремонтировать машину в полевых условиях, приближенных к боевым». Понятно, что «устаревшие» танки (кстати, БТ-7 был принят на вооружение Красной Армии в 1935 году) никак не могли за четыре недели, остававшиеся до войны, превратиться в новые. И что, таким образом, оказавшийся накануне войны за пределами своего «родного» Московского военного округа 21-й мехкорпус таки успел получить какое-то количество «мощных КВ и Т-34». По другим данным, уже на начало июня в корпусе имелось не 98 танков, а минимум 120. Вдобавок к ним он после начала войны получил 95 противотанковых орудий на механической тяге и два батальона БТ-7 с отборными экипажами, сформированными из преподавательских кадров Военной академии моторизации и механизации (позже – Военная академия бронетанковых войск). Эти БТ-7, кстати, были ничем не хуже легких танков чешского производства – Pz-35(t) и Pz-38(t), которыми и были преимущественно вооружены противостоявшие им дивизии 4-й танковой группы немцев.

Важно отметить, что вышеупомянутые 105 БТ-7 и два Т-34 из военной академии с экипажами, состоявшими из опытейших инструкторов, прибыли на подмогу 21-му мехкорпусу **уже 24 июня 1941 года** (см. с. 503 книги **Е. Дрига** «Механизированные корпуса РККА в бою»). Невиданная, скажу вам, оперативность: ведь война началась лишь **два дня назад** ! Даже в Кремле во время погрузки двух вновь сформированных батальонов в эшелоны (самое раннее – утром 22 июня) никак не могли знать о ждавшей Красную Армию катастрофе. Соответственно, не могли там принять и столь спорное решение – кинуть в топку войны лучшие танкистские кадры. Это, кстати, не единственный случай подозрительно скорого появления в приграничных округах элитных по сути бронетанковых подразделений, созданных на базе преподавательских кадров танковых училищ, располагавшихся в глубине СССР. Лично у меня создается впечатление, что это было частью плана по резкому «одноразовому» количественному и качественному усилению ударных частей РККА. И что этот довольно радикальный план начал осуществляться **еще до начала** войны.

Думаю, что и директива наркома обороны СССР от **16 мая 1941 года** об усилении дополнительным вооружением и техникой не успевших пока закончить формирование 19-го, 16-го, 24-го (КОВО), 20-го, 17-го, 13-го (ЗапОВО), 2-го, 18-го (ОдОВО), 3-го, 12-го (ПриОВО), 10-го (ЛОВО), 23-го (ОрОВО), 25-го (ХОВО), 26-го (СКОВО), 27-го (САОВО) и 21-го (МОВО) мехкорпусов до 1 июля 1941 года (с. 56 книги **Е. Дрига**) – часть того же плана. Согласно информации указанного автора на усиление мехкорпусов, в частности, должны были направляться 1200 76-мм орудий, 1000 45-мм противотанковых орудий, 4000 пулеметов ДП, которых хватило бы на 50 полков (24 76-мм, 18 45-мм орудий и 80 пулеметов в каждом). Для перевозки всего этого вооружения предполагалось выделить 1200 машин ЗИС и 1500 машин ГАЗ. Очевидно, что подобные мероприятия действительно должны были радикально повысить боеспособность мехкорпусов «второй очереди». Интересно, что закончиться они должны были к вполне определенной дате – **1 июля 1941 года** . Прошу обратить внимание на этот день: на него, как будет показано далее, завязывалось выполнение и многих других похожих планов и директив РККА и РКВМФ. Подчеркнем также, что ни малейшего военного смысла в усилении, скажем, 27-го мехкорпуса, находившегося на тот момент в далекой Туркмении (Мары, Кизил-Арват, Самарканд) не было бы, не существой планов его скорой переброски на западные границы СССР. А такие планы, как мы убедимся позже, претворялись в жизнь начиная с первой декады мая 1941 года. Попутно отметим, что, имея в виду уже запланированное неблизкое путешествие 27-го мехкорпуса с границы южной на границу западную, не было никакого смысла в поставке новой техники на «старое место» – в Среднюю Азию. Причитавшиеся ему танки, противотанковые пушки и автомобили соединения наверняка получало бы уже по прибытии в пока неизвестный даже его командиру конечный пункт назначения.

А вот еще один интересный факт: оказывается, как и Рокоссовский, Лелюшенко «**15 июня** по плану, разработанному штабом корпуса» приступил вместе со своими

командирами дивизий и полков «к рекогносцировке на даугавпилсском направлении». По всей видимости, корпус уже тогда предполагалось использовать в составе тайно созданной за **месяц до этого** 27-й армии под командованием генерал-майора Н. Э. Берзарина (в будущем – первого советского военного коменданта Берлина). Во всяком случае соединение Лелюшенко вряд ли смогло бы действовать в зоне ответственности упомянутой армии, если бы это было не так. «Карта полковника Воейкова (*командир 42-й танковой дивизии. – Прим. авт.*), – делится Лелюшенко, – вся была испещрена пометками: районы сосредоточения, будущие рубежи развертывания, предполагаемые позиции батарей, пути движения...» Иными словами, в случае начала войны 21-й мехкорпус должен был действовать гораздо западнее назначенного ему района формирования. Подчеркнем, что начальники Лелюшенко тоже оказались «провидцами» и **точно знали**, где его бойцам придется отражать «готовившихся немцев». Тем более удивительно, что свое выдвижение к Даугавпилсу соединение Лелюшенко начало не 22 июня, а со значительным опозданием – в 16 часов 25 июня. Почему? Что такого изменилось в предвоенных планах?.. Ведь нападение немцев, как писал Лелюшенко на странице 13, считалось «неизбежным»...

Теперь приведу свидетельство еще одного танкиста – **П.А. Ротмистрова**, который встретил войну тоже в Прибалтике, в должности начальника штаба 3-го механизированного корпуса, входившего в состав 11-й армии. «Командовал корпусом, – делится легендарный военачальник, – генерал-майор танковых войск А.В. Куркин – человек твердого характера и редкой работоспособности. С первых же дней у нас сложились хорошие взаимоотношения на основе единства взглядов по принципиальным вопросам обучения и воспитания войск, в оценке крайне накаленной к тому времени военно-политической обстановке в Европе, создавшей угрозу безопасности нашей страны. Оба мы были абсолютно убеждены, что недалеко то время, когда охмеленная легкими победами на Европейском континенте гитлеровская армия ринется на Советский Союз... **21 июня**, буквально за несколько часов до вторжения немецко-фашистских войск в Литву, к нам в Каунас прибыл командующий войсками Прибалтийского Особого военного округа генерал-полковник Ф.И. Кузнецов. Торопливо войдя в кабинет генерала Куркина, у которого я в то время был на докладе, он кивнул в ответ на наше приветствие и без всякого предисловия сообщил, как ударил:

– Есть данные, что в ближайшие сутки-двое возможно внезапное нападение Германии.

И хотя нас в последние дни не оставляло предчувствие этой беды, сообщение Кузнецова ошеломило.

– А как же Заявление ТАСС? – изумленно спросил Куркин. – Ведь в нем говорилось...

– Но ведь это внешнеполитическая акция, **которая к армии не имела никакого отношения**, – сказал командующий... Не надо сейчас заниматься обсуждением этих проблем. У нас есть свои достаточно важные. **Немедленно под видом следования на полевые учения выводите части корпуса из военных городков в близлежащие леса и приводите их в полную готовность**» («Стальная гвардия», с. 48—49).

Это описание предвоенных дней и часов является типичным. Здесь и «абсолютное убеждение» в близости германского нападения, и не оставлявшее автора в последние мирные дни «предчувствие этой беды», но одновременно и признание того, что известие вышестоящего начальства о том, что «предчувствия» оправдались, «ошеломило» и «изумило». Почему?.. А такое вот марксистско-ленинское диалектическое противоречие! Надо сказать, что сообщение о возможном нападении Германии и приказ на вывод войск «в леса», по-видимому, действительно сильно поразили Ротмистрова. Иначе он, думаю, вспомнил бы, что 3-й мехкорпус получил и начал выполнять это распоряжение несколько ранее, чем 21 июня 1941 года. Как и многие другие «приграничные» мехкорпуса различных советских округов (от Ленинградского до Одесского), его соединения были подняты по тревоге и скрытно переброшены практически вплотную к границе еще **17—20 июня 1941 года**. В деталях мы поговорим об этом в другой книге цикла «Большая война Сталина», посвященной планам советского руководства. Замечу также, что я сделал соответствующее Приложение № 2, в котором указывается, что происходило накануне войны с каждым

мехкорпусом Красной Армии: читатель сможет найти его в конце книги как в «сжатом», так и в «развернутом» виде.

То, что Ротмистров допустил в своих мемуарах серьезную неточность, подтверждает, в частности, более поздняя работа **Максима Коломийца** – «Сухопутные линкоры Сталина». М. Коломиец сообщает: «Первыми вступили в бой танки Т-28 5-й танковой дивизии (*в этой дивизии, к слову, Ротмистров и служил до начала мая 1941 года.* – Прим. Авт.), расположенной в Алитусе. Части дивизии **еще 19 июня** были выведены из военного городка и заняли оборону на восточной окраине города на правом берегу реки Неман. Поэтому, когда в 4.20 22 июня 1941 года немецкая авиация стала бомбить парки дивизии, **там уже никого не было** » (с. 146). Отметим, что, по странному стечению обстоятельств, покинув «летние лагеря», 5-я танковая дивизия расположилась не абы где, а в лесах возле мостов через пограничную реку, в бой за которые и вступила 22 июня при попытке немцев переправиться, но потерпела поражение.

Другой источник – Е. Дриг – дает еще более раннюю дату выхода 3-го мехкорпуса в приграничные леса: «**18 июня** все части корпуса были подняты по тревоге и выведены из мест постоянной дислокации... 21 июня 1941 года в дивизии вышел приказ о запрете жечь костры по ночам» («Механизированные корпуса РККА в бою», с. 135). В то тревожное время Ротмистров являлся начштаба 3-го мехкорпуса. Соответственно, приказ насчет костров должны были готовить на подпись Куркину он сам или его подчиненные. Интересно, как долго личный состав корпуса (порядка 36 тысяч человек) мог вместе с техникой сидеть в литовских лесах без костров и постоянного жилья? Это ведь не юг Франции...

«**18 июня 1941 года,** – подтверждает вышеупомянутую дату историк Р. Иринархов, – командующий Прибалтийским военным округом (*генерал-полковник Ф.И. Кузнецов.* – Прим. авт.) отдал устный приказ на выход первых эшелонов 8-й армии (трех стрелковых дивизий) в полевые районы обороны на государственную границу. Штабу армии было приказано к утру 19 июня расположиться в районе Бубяй... В полосе 11-й армии в районы обороны на границе было выведено по одному стрелковому полку и артиллерийскому дивизиону от 5-й, 33-й, 188-й, 126-й и 128-й стрелковых дивизий. **Соединения 3-го и 12-го механизированных корпусов тоже получили приказ на переход в районы, расположенные недалеко от государственной границы.** Таким образом, – суммирует перечисленные факты Р. Иринархов, – все отданные командованием Прибалтийского Особого округа распоряжения свидетельствуют о том, что его руководство было **прекрасно осведомлено о дате нападения Вооруженных Сил Германии ...**» («Красная Армия в 1941 году», с. 405).

Обобщим результаты нашего мини-расследования ситуации с «внезапностью» в 3-м мехкорпусе, находившемся в Прибалтике: 1) там прекрасно знали о предстоящей войне за несколько суток до ее начала: об этом было ясно сказано не местными жителями и не каким-нибудь подозрительным перебежчиком, а командующим округом генерал-полковником Кузнецовым (*пардон* : к тому времени он командовал уже **фронтом** !); 2) уже 18—19 июня дивизии корпуса покинули насиженные места и выдвинулись в приграничные леса; 3) мы поймали мемуариста – легендарного танкового генерала Ротмистрова – на откровенном дезинформировании своих читателей: ведь, судя по вполне точным ссылкам на Центральный архив Министерства обороны (см. с.47 его книги), он (и/или его «редакторы») имели доступ к тем же материалам, что и современные ученые-историки Е. Дриг, М. Коломиец и Р. Иринархов. Поэтому моя первоначальная надежда на то, что знаменитого полководца подвела память, рассеялась подобно утреннему туману над литовскими лесами – где и прятались танки его корпуса. Что они там – в этих лесах – делали? Почему Ротмистрову (или его «редакторам») понадобилось столь откровенно исказить факты? Каким образом – несмотря на своевременное приведение в состояние «полной боевой готовности» и подавляющее техническое превосходство над «внезапно» напавшими немцами – корпус потерпел сокрушительное поражение? Думаю, ответ ясен: **Куркин и Ротмистров действительно готовились к скорой войне. Но они совсем не готовились к отражению**

фашистского нашествия.

Весьма похожую картину предвоенных буден можно встретить и на страницах воспоминаний **К.С. Москаленко** («На південно-західному напрямі»), которого в мае 1941 года перевели из Одесского военного округа, где он служил начальником артиллерии 2-го мехкорпуса, в Киевский Особый военный округ. Там будущего командарма назначили командиром 1-й противотанковой артиллерийской бригады Резерва Главного командования (РГК). Забегу вперед – на страницу 23 его книги: к началу войны бригада была полностью укомплектована и сколочена, в ней насчитывались около 6000 человек личного состава («все как на подбор», «у большей части имелось среднее или незаконченное среднее образование», старшие и средние офицеры – «хорошо подготовленные», «с большим опытом командования»), 48 76-мм противотанковых и 72 85-мм зенитных орудий (эти орудия – прямые «потомки» грозных германских 88-мм зениток; как и немецкие аналоги, советские артсистемы были весьма эффективны против танков), 16 37-мм зенитных пушек и 72 крупнокалиберных пулеметов ДШК. Бригада являлась полностью механизированной и получила все причитавшиеся ей тягачи, трактора и автомашины. Не было у подчиненных Москаленко недостатка и в боеприпасах (в том числе и бронебойных: последнее он подчеркнул особо). Еще **1 мая 1941 года**, когда Москаленко находился в Бендерах и прощался с навещавшей его матерью, ему «подумалось»: «Хорошо, что она будет дома, в Донбассе, далеко от границы, за которой притаился враг. Я не знал, что война, которая скоро вспыхнет, докатится и туда...» (там же, с. 14). Иными словами, уже тогда – **в начале мая** – один из высокопоставленных офицеров 2-го мехкорпуса догадывался о **скором** начале войны и прекрасно знал, кто будет противником. И не мудрено! Вот что сообщает **Р. Иринархов** касательно происходившего накануне войны в соседнем 18-м мехкорпусе Одесского Особого военного округа: «**11—12 мая 1941 года** на совещании в штабе 18-го механизированного корпуса было четко сказано комкором П.В. Волохом: **с 22 по 28 июня Германия начнет военные действия**» (ссылка на Самсонова А.М. «Знать и помнить», 1989, с. 84) («Красная Армия в 1941 году», с. 419).

Правда, то, что «обороняться» его мехкорпусу придется **на своей земле**, Москаленко как-то даже в голову не пришло... В этих тревожных мыслях его еще более укрепил разговор с командующим КОВО М.П. Кирпоносом, состоявшийся **примерно 7 мая** – после короткого визита в Москву. «Знайте, – предупредил его командующий Киевским Особым военным округом, принимая поздравления по случаю нового назначения, – времени мало. Люди и техника находятся в дороге, часть из них уже на месте. Скоро вы получите все, чего не хватает для штатов военного (!) времени. Нужно сосредоточить внимание на боевой подготовке и форсировании формирования. Поспешите!» (там же, с. 16). Ему вторил и начштаба округа Пуркаев (к слову, бывший сотрудник ГРУ и советский военный атташе в Германии): «Группировка немецких войск на границе увеличивается. Их пограничники ведут себя нагло, дерзко» (там же, с. 17). Жаль, что Москаленко не расшифровал последние слова Пуркаева: в чем, интересно, заключалась «наглость» гитлеровских пограничников?.. Не задницы же они голые, в самом деле, показывали... Так или иначе, в Киеве Москаленко не задержался: даже не успев повидаться со старыми друзьями, только что назначенный командир противотанковой артбригады РГК «поспешил на запад» – в том же направлении, в котором, как можно легко заметить, перемещались накануне «внезапной» войны практически все упоминаемые нами мемуаристы. Проверьте сами: на восток – отражать возможное нападение не менее опасных, агрессивных и вероломных японцев – ехать никто даже не собирался. И Рихард Зорге тут ни при чем...

«Прибывали все новые эшелоны с людьми и боевой техникой, – вспоминает Москаленко последние предвоенные недели, – разгрузка проходила быстро, четко» (там же, с. 19). Начиная с 8 мая он чуть ли не каждый день встречался с уже знакомым нам командующим 5-й армией – М.И. Потаповым. Интересно, что бригада Москаленко вроде бы находилась в Резерве Главного командования и подчинялась напрямую Москве. Но, как и командир 9-го мехкорпуса Рокоссовский (находившегося в резерве округа), Кирилл

Семенович тесно общался с командованием вышеупомянутой 5-й армии. Это означает, что все они **уже в мае** знали, кто и под чьим началом будет действовать в ближайшем будущем. Это, несомненно, является ясным признаком заблаговременно готовившейся крупной операции: иначе Москва не стала бы заранее разбрасывать резервными соединениями.

В середине июня Москаленко узнал и то, где планируется использовать его подчиненных. **16 июня** его вызвал Потапов. Сначала оба военачальника обменялись откровенными мнениями по поводу опубликованного накануне «успокаивающего» Заявления ТАСС: оно, как мы помним, предназначалось для «лохов»-немцев. После чего командующий 5-й армией как бы между прочим посоветовал командиру артбригады прямого московского подчинения: «У тебя, Кирилл Семенович, части моторизованные, подбери хороших, грамотных в военном отношении людей и пошли на границу, пусть проведут рекогносцировку местности и проследят за немцами, их поведением. Да и для тебя это будет полезным: бригаде следует изучить местность на всем возможном фронте армии. Кто знает, что может произойти в будущем» (там же, с. 21). Далее следует совсем уж странная сцена: Потапов достает из сейфа секретную карту с нанесенным на нее расположением войск армии и демонстрирует ее в подробностях человеку, формально не имеющему к этой армии никакого отношения. После чего тот берет под козырек и высылает три разведывательно-рекогносцировочные группы к границе – в районы Любомль, Устилуга, Сокаля. Те докладывают, что на другом берегу Западного Буга наблюдается оживленное движение, отмечается работа таких же «разведывательно-рекогносцировочных» групп Вермахта, а немецкие саперы разбирают инженерные заграждения на границе. Вывод Москаленко: «У меня не осталось сомнений в том, что фашисты нападут на нас в один из ближайших дней. Так я и сказал командующему армией» (там же, с. 23). «Этот наш разговор, – делится Москаленко подробностями общения с вроде бы не имеющим к нему прямого отношения командармом, – произошел **20 июня**, когда Потапов снова вызвал меня к себе в Луцк». Во время этой беседы весьма возбужденный командующий 5-й армией даже не предложил гостю присесть. Так – стоя – он и передал приказ командующего округом, получившего, в свою очередь, соответствующий приказ наркома обороны: «вывести всю боевую технику в леса» (там же, с. 24). Как и большинство прочих советских мемуаристов, Москаленко объясняет этот странный приказ Тимошенко (его бригада **и так находилась в лесу** с самого начала формирования – **по приказу** все того же Потапова: предлагаю убедиться в этом, посмотрев на с. 18 его воспоминаний), отданный за два дня до начала войны, необходимостью устранения демаскирующих войска дефектов. Так или иначе, как и большинство иных моторизованных частей и соединений РККА, делавших в период с 17 по 21 июня ровным счетом то же самое (вспомним, скажем, мемуары Ротмистрова, писавшего приказы, запрещавшие танкистам его корпуса жечь костры в приграничных лесах), бригада Москаленко со всем хозяйством переехала из «леса в лес». Напомню приведенные несколько выше воспоминания Федюнинского, 15-й стрелковый корпус которого подчинялся все тому же «командарму-5» Потапову: полки его стрелковых дивизий направились туда же – в приграничные леса в восьми километрах от границы. Но сделали это чуть раньше, чем моторизованные части 5-й армии – **еще в начале июня**.

Зададимся следующим вопросом. Как пишут практически все советские мемуаристы, немецкие самолеты каждый день летали над местами расположения моторизованных и артиллерийских частей Красной Армии, во множестве скопившихся в приграничных округах. И вот в одно прекрасное утро германские летчики видят, что вместо аккуратно выставленных ровными рядами сотен танков, тысяч артиллерийских орудий и десятков тысяч автомашин остались лишь некрасивые пятна пожелтевшей травы. Огромные парки боевой техники исчезли буквально за одну ночь! И никаких пыльных столбов – от уходящих на восток колонн – не видно! Наоборот – в приграничных лесах вдруг стало еще теснее. И так – на всем протяжении советско-германской границы. Что в таком случае могли подумать гитлеровские генералы? К какому выводу должны были прийти? Да к такому же, что и Москаленко: «нападут в один из ближайших дней»! Таким своеобразным способом Красная

Армия выполняла приказы из Москвы: «не провоцировать» и не «поддаваться на провокации»...

Так или иначе, прозорливый командир бригады, «не имевший сомнений в нападении немцев в ближайшие дни», как-то забежался и забыл донести свои опасения до подчиненных. Об этом свидетельствует приведенный им же пассаж, описывающий первые часы войны: «Мы проскочили мимо аэродрома и прибыли в лагерь, к зданию, где размещался штаб. Я поднялся на второй этаж и забежал в комнату, в которой жил М.П. Земцов. Он улыбнулся и спросил: «Что, маневры начались? То-то слышу разрывы и стрельбу, но бригада в них участия не принимает, и поэтому тревогу я не объявлял» (там же, с. 25). Характерно, что Москаленко, который сам же и не сообщил офицерам бригады о своих гениальных догадках в отношении немецких намерений, «резко ответил»: «Какие к черту маневры! Война!» Судя по воспоминаниям упоминавшегося выше Горбатова, таким же «справедливым» и «вежливым» Москаленко оставался и на последующих этапах войны: служить под его началом было просто пыткой.

А вот еще один штрих по поводу короткого митинга, посвященного войне: в глазах некоторых подчиненных Москаленко видит «непонимание» и «боль» (там же, с. 27). Откуда могли взяться подобные эмоции у людей, многих из которых месяц назад тайно призывали из запаса и отправили на границу – готовиться к «скорой» войне (вместе с командирами, переведенными на казарменное положение)? Готовиться, как пишет Москаленко, «в любую погоду», «по 8—10 часов в день, а также по 2—3 ночных занятия в неделю» (там же, с. 18)? Что это за «непонимание»? Чего тут неясного? Как и ждали, напал страшный враг: его надо разбить и прогнать. Чего же проще?..

Слово «командарму-16»

До сей поры я цитировал преимущественно тех военачальников, которые накануне войны командовали бригадами, дивизиями и корпусами. Теперь обращусь к книге «Командарм Лукин», авторами которой стали **Виктор Муратов и Юлия Городецкая (Лукина)** – по-видимому, дочь легендарного военачальника. Первая глава книги называется «Скорый поезд №1». В ней дочь командарма описывает прощание Лукина с семьей на Киевском вокзале в Москве в «июньский день» 1941 года – по-видимому, **13 июня**, так как на следующий день в газетах появилось хорошо известное Сообщение (Заявление) ТАСС. Никогда не любивший подобных проводов Михаил Юрьевич в этот раз «сам попросил семью проводить его» (с. 3). «Генерал Лукин, – вспоминает его дочь, – был необычайно возбужден, даже пытался напевать: «Чтоб со скорою победой возвратился ты домой!». Его молодая супруга – Надежда Мефодиевна – «улыбалась, но на душе было тревожно...» «Ты едешь на войну? – прямо спросила она. Гудок паровоза и лязг буферов будто бы помешали ему расслышать ее слова. Вместо ответа он обнял жену:

– Держись, мамуся! Все будет хорошо.

– Ты не ответил мне.

Михаил Федорович поцеловал дочь:

– Береги маму, дочка...» (там же, с. 4—5).

Сразу подскажу читателю, каким образом командарм Лукин оказался на Киевском вокзале 13 июня 1941 года: его 16-я армия, совсем недавно находившаяся в Забайкалье – для защиты Монголии от Японии, – начиная с **26 мая** спешно перебрасывалась на Украину (там же, с. 20). Как видим, его домочадцы прекрасно понимали, куда направлялся муж и отец и почему он воодушевленно распевал про «скорую победу»... Кстати, 24 июня – через каких-то десять дней – он уже без надежды на эту самую скорую победу будет говорить бойцам: «Думаю, что на всех хватит этой проклятой войны. Гитлера, конечно, разобьем, но не так скоро...» (там же, с. 31). Командарм оказался прав: его ждали подвиги, раны, плен и ГУЛАГ...

Почему СССР хотел строить «большой флот» в Германии

Разговор о том, насколько «внезапным» оказалось немецкое нападение для советского Военно-Морского Флота, предлагаю начать издали — с конца 30-х годов. **Руслан Иринархов** в своей книге «РКВМФ перед грозным испытанием» рассказывает о некоторых действиях командования флота накануне войны. Так, еще «в 1939 году Комитет обороны при СНК СССР по представлению наркома ВМФ Н.Г. Кузнецова вынес решение о резком сокращении числа строившихся линкоров и тяжелых крейсеров, а **19 октября 1940 года** вышло постановление правительства о запрете на закладку новых кораблей этого класса» (с. 196). Казалось бы, вот они, наконец подтвержденные миролюбивые намерения СССР! Советский Союз отказывается от создания флота «больших морей»! Но не будем торопиться... «Чем было вызвано такое решение?» — спрашивает Р. Иринархов. На этот вопрос ответил сам нарком ВМФ Кузнецов: «Когда Гитлер в сентябре 1939 года напал на Польшу, очевидно, следовало сразу решать, как быть дальше с судостроительной программой. Строительство большого флота мы могли продолжать прежними темпами, **только будучи совершенно уверены в том, что война начнется нескоро. Коль скоро такой уверенности не было, а ее и не могло быть, дорогостоящую, отнимавшую массу ресурсов программу следовало немедленно свернуть.** Мы не внесли такого предложения. Считаю это своей ошибкой» («Накануне», с. 244).

Сожаления Кузнецова звучат несколько странно в свете информации, сообщенной Р. Иринарховым: тот ясно пишет, что именно по представлению наркома ВМФ правительство и приняло такое решение **еще в 1939 году**. Мало того, на следующей странице своих мемуаров Кузнецов фактически подтверждает сказанное Иринарховым: «Строительство крупных кораблей начало свертываться весной 1940 года... В тот период быстро увеличивалось производство всех видов наземного (!) вооружения — пушек, танков и т. д. Металла и мощностей не хватало. В связи с этим и решили временно прекратить постройку линкоров и тяжелых крейсеров. Коренной пересмотр программы произошел в октябре 1940 года, после чего стали строить лишь подводные лодки и малые надводные корабли — эсминцы, тральщики и т. д... Новые линкоры так и остались на стапелях» («Накануне», с. 245). Получается, что до подписания Пакта Молотова — Риббентропа и гитлеровского нападения на Польшу у Советского правительства и командования флота существовала уверенность в том, что уже заложенные линкоры успеют достроить до начала Большой войны (по словам Кузнецова, процесс строительства кораблей подобного класса в СССР занимал в среднем **три-пять лет**). А вот после подписания Договора о ненападении такая уверенность практически немедленно испарилась! Выходит, **трех мирных лет у Страны Советов больше не просматривалось!**

По словам Кузнецова, в Германии программа строительства «большого флота», рассчитанная до 1944 года (кстати, до этого срока у Гитлера и в мыслях не было воевать с Англией и Францией), включала «постройку 10 огромных линкоров, 4 авианосцев, 15 броненосцев (*так немцы называли тяжелые крейсера.* — Прим. авт.), 49 крейсеров, 248 подводных лодок. Но война разразилась раньше (*чем рассчитывал Гитлер!* — Прим. авт.), в 1939 году, и фашисты **практически ничего не успели сделать для усиления своего флота**» («Накануне», с. 274). На самом деле, они, разумеется, успели сделать многое, что и показали тяжелые потери британского флота, понесенные уже в начале войны. Да и советскому флоту Кригсмарине спуска не давали. «Практически ничего» — это по советским меркам... Знаменитый немецкий адмирал-подводник **Карл Дениц** («Десять лет и двадцать дней») называет похожие, но несколько иные цифры: «Была составлена долгосрочная программа строительства... флота, оформленная в так называемом плане «Z». Этот план предусматривал постройку до 1948 года следующих боевых кораблей: 1) 6 линейных кораблей водоизмещением по 50 000 тонн (помимо «Бисмарка» и «Тирпица»); 2) 8 (позже 12) броненосцев (*Panzerschiffe*) водоизмещением по 20 000 тонн; <...> 4) значительное количество легких крейсеров; 5) 233 подводных лодки. В **январе 1939** года Гитлер утвердил

этот план и потребовал выполнения его в **течение 6 лет** » (с. 47). Прошу обратить внимание на дату окончания программы – **1944 год**. До создания «большого флота» и Гитлер, и его генералы с адмиралами даже не помышляли об открытом столкновении с флотами Англии и Франции. «22 июля 1939 года, – пишет Дениц, – главнокомандующий от имени Гитлера сообщил собравшемуся на посыльном судне «Грилле» офицерскому составу подводных сил, что войны с Англией не будет, так как это было бы равнозначно *«Finis Germaniae»* (там же, с. 51). Эта информация о вполне здравом нежелании «бесноватого» ввязываться в новую мировую войну осенью 1939 года (что могло привести – и привело! – к «концу Германии») подтверждается и другими источниками. **Уильям Ширер** в своей книге «Взлет и падение III рейха» цитирует дневник командующего германским флотом **Эриха Редера**: «Сегодня началась война против Англии и Франции, война, **которой нам не следовало по прежним заверениям фюрера опасаться до 1944 года**. Фюрер до последней минуты уверял, что ее удастся избежать, **даже если для этого придется отложить решение польского вопроса** ... Что касается флота, совершенно очевидно, что он не оснащен в такой степени, чтобы вести большую войну против Великобритании... Силы подводного флота еще слишком малы, чтобы оказать решающее влияние на ход войны. Более того, надводный флот настолько уступает британскому по численности и мощи, что, даже если собрать его весь, он сможет лишь продемонстрировать, что моряки умеют погибать с честью...» (с. 640).

Отметим, что грандиозный план германского морского строительства был принят **после** советского: тот, по словам Кузнецова, был «представлен в правительство в начале 1938 года» («Накануне», с. 238). Советский адмирал не приводит конкретных данных ни о планируемом количестве крупных надводных кораблей, ни о сроках окончания советской программы, зато упоминает, что, скажем, подводных лодок всех категорий планировалось построить 378 – и это вдобавок к уже имевшимся. По словам Кузнецова, «к 1941 году» (то есть еще в 1940 году) в составе советского Военно-Морского Флота имелись 218 субмарин («Накануне», с. 279). Напомню, что немецкая шестилетняя программа «замахнулась» аж на 233 подлодки. На 1 сентября 1939 года весь подводный флот Германии насчитывал 56 единиц, а в «феврале 1941 года в строю осталось всего... 22 подводные лодки» (с. 56 книги Деница). «Это означало, – пишет германский историк **Иоахим Хофман** в своей книге «Stalin's War of Extermination. 1941—1945», – что Советские Вооруженные Силы обладали бо́льшим флотом подлодок, чем любая другая страна мира, имея **в четыре раза больше** субмарин, чем у ведущей морской державы – Великобритании» (здесь и далее перевод с английского мой, с. 33). Вдобавок же к этому и так впечатляющему подводному арсеналу (больше, чем у Германии, Англии и Франции, вместе взятых!) планировали построить еще несколько сотен субмарин. Теперь, думаю, понятно выражение Кузнецова по поводу предвоенных усилий немцев – «практически ничего» («Чего тут пить?!») ... Почему я заостряю на этом внимание? А вот почему: «Подводная лодка, – пишет в своих мемуарах гитлеровский адмирал-подводник, – менее всего пригодна для обороны: она очень уязвима в надводном положении (особенно от артиллерийского огня) и вдобавок относительно тихоходна... Но в то же время **подводная лодка представляет собой ярко выраженное тактическое наступательное средство** » («Десять лет и двадцать дней», с. 18). Иными словами, подлодка начала 40-х – эдакий аналог крейсерского танка БТ на суше или пикирующего бомбардировщика Ju-87 в воздухе. С сильным противником им связываться не с руки, но против уязвимых целей они подходили как нельзя лучше. Такое вот у СССР было «наступательное» миролюбие...

Но вот началась Вторая мировая война, и немцам пришлось принимать трудное решение. Выполнение только что начатого «плана Z» было прекращено. «В сентябре 1939 года, – пишет главный германский подводник, – главнокомандующий ВМС издал приказ, касавшийся кораблестроения. В соответствии с этим приказом программа строительства кораблей мирного времени отменялась. Новая программа при тех же сжатых сроках предусматривала постройку следующих кораблей:

1. Строительство новых подводных лодок различных типов согласно требованиям

командующего подводными силами.

2. Продолжение строительства линейных кораблей «Бисмарк» и «Тирпиц», крейсеров «Принц Ойген» и «Зейдлиц», а также авианосца «Цеппелин» (*крейсер «Зейдлиц» и авианосец «Граф Цеппелин» так и не вступили в строй. – Прим. авт.).*

3. Строительство новых эскадренных миноносцев, больших и малых катерных тральщиков, а также торпедных катеров» («Десять лет и двадцать дней», с. 129).

Итак, немцы поступили вполне логично и законсервировали строительство крупных надводных кораблей (за исключением уже почти достроенных и спущенных на воду). Вместо этого они сконцентрировали усилия на резком увеличении подводного флота, строительстве малых надводных кораблей и производстве наземных вооружений. **То есть сделали ровным счетом то же, что и пока не вступивший в Большую войну Советский Союз.** Правда, в действиях Сталина и Гитлера имелись и важные отличия...

Современный белорусский историк **С. Захаревич** в своей книге «Босфорский поход Сталина» приводит весьма интересный факт: оказывается, «в 1939-м СССР хотел купить у Германии не один тяжелый крейсер, а целую эскадру – 1—2 линкора и 3 тяжелых крейсера» (с. 188). Это косвенно подтверждает и тогдашний военно-морской нарком Кузнецов на странице 244 своих мемуаров: «В конце 1939 года в Германии был куплен крейсер «Лютцов» (*тяжелый крейсер водоизмещением 14 500 тонн, переименован в «Петропавловск», затем – «Таллин»; так и не был достроен; в ходе войны использовался в качестве плавучей батареи, после войны пущен на слом. – Прим. авт.).* Согласно **И. Буничу**, в 1940 году советский военный атташе вел в Берлине переговоры о покупке тяжелого крейсера «Зейдлиц» («Фатальная ошибка Сталина», с. 409). Уильям Ширер делится еще более интригующей информацией: оказывается, помимо крейсера «Лютцов», Советский Союз должен был получить еще и проектную документацию на самый современный тип линкора – знаменитый «Бисмарк». А кроме этого еще и «тяжелые морские орудия и другое оборудование, а также примерно 30 самолетов новейших марок, в том числе истребители «Мессершмитт-109» и «Мессершмитт-110» и пикирующие бомбардировщики «Юнкерс-88»... дизельные двигатели, корабли, станки и образцы немецкой артиллерии, танков, взрывчатых веществ, оснащение для ведения химической войны и т. д.» («Взлет и падение III рейха», с. 685).

«Что за чертовщина!» – вполне резонно заметит читатель, только что узнавший из книги Р. Ириархова, **что в том же 1939 году правительство СССР «заморозило» программу создания своих собственных линейных кораблей и крейсеров.** Что это могло бы значить?.. С. Захаревич на основании приведенной им информации делает следующий неожиданный вывод: «таким образом, в 1939-м Германия для Сталина еще не являлась противником даже в ближайшей перспективе», а «...его главным противником предстояло стать объединенному флоту Антанты» («Босфорский поход Сталина», с. 188).

Осмелюсь оспорить это утверждение: «Становилось уже очевидным, – пишет о кануне начала «Большой войны» адмирал Кузнецов, – что опасность войны в Европе нарастает и что **фашистская Германия – наш наиболее вероятный противник.** Мне кажется, не случайно именно в это время вышли на экраны сразу получившие большое признание фильмы: «Александр Невский» – о героической борьбе русских людей против тевтонских рыцарей и «Профессор Мамлок» – о звериной сути гитлеровского фашизма» («Накануне», с. 209). Адмирал абсолютно прав: случайно в сталинском СССР делали разве что детишек и «товары народного потребления». Если бы Иосиф Виссарионович действительно решил, что Гитлер теперь «друг навек», то не отдал бы **19 августа 1939 года** – еще до подписания московских договоров с Риббентропом и начала Второй мировой – распоряжение о многократном (более чем в два с половиной раза за неполных два года) увеличении **сухопутных** сил Советского Союза. Хочу сделать одно смелое предположение: если бы С. Захаревичу попались на глаза оба, казалось бы, взаимоисключающих друг друга факта, касавшиеся строительства линкоров и тяжелых крейсеров, то он скорее всего сделал бы несколько иной вывод.

Поясню: по размерам отвлекаемых ресурсов (металл, высококвалифицированные конструкторы, инженеры и рабочие, электроэнергия, подготовка и экипировка команды,

«расходные материалы») один-единственный тяжелый крейсер – это приблизительный эквивалент нового оборонного завода, тепловой электростанции или нескольких полностью оснащенных танковых дивизий. Значение для СССР подобных кораблей в ходе войны с Германией было весьма относительным. Это, собственно, показал и весь ход Великой Отечественной: ни один из тяжелых кораблей Красного ВМФ, на которые были потрачены огромные деньги, ни разу не использовался по «прямому назначению» – для борьбы с крупными надводными кораблями противника или нарушения его стратегических морских коммуникаций. В лучшем случае советские крейсера поддерживали своим (не всегда метким) огнем морские десанты. Также они перевозили войска и грузы в осажденные Одессу и Севастополь, а позже осуществляли их эвакуацию. Фактически всю войну они добросовестно (и часто героически) выполняли задачи по поддержке действий сухопутных армий. **Никаких самостоятельных задач советский флот «больших морей» не получал и не решал**. Линкоры РКВМФ вообще все время стояли на приколе и использовались в качестве плавучих батарей в ходе обороны военно-морских баз – Севастополя и Ленинграда. Там – у причальных стенок – их порой и топили немецкие пикировщики. Действительно же линкоры и тяжелые крейсера на западных морских театрах могли понадобиться Сталину лишь в тот момент, когда речь зашла бы об «освобождении» эксплуатируемого капиталистами рабочего люда Великобритании. На этот случай в советских «шарашках» и самолет удивительный проектировали – **стратегический пикирующий бомбардировщик**. К слову, такой же странный самолет (и для тех же целей – топить английские линкоры с крейсерами на их базах в Соединенном Королевстве) делали и в Германии. Правда, в отличие от советского, германский проект «бомбардировщика А» практически довели до ума – и получился He-177 «Грейф» (см. с.120—127 книги Дэвида Дональда «Боевые самолеты Люфтваффе»). Этот же самолет, к слову, предназначался и в качестве носителя германской атомной бомбы (там же).

В общем, тут я с С. Захаревичем полностью согласен: Иосиф Виссарионович прекрасно понимал, «кто в море хозяин». Судя по всему, вождь всех народов имел неплохое представление о Крымской войне XIX века: соответствующее исследование о коварстве англичан – «Крымская война» – написал и опубликовал в 1941—1943 годах неоднократно обласканный вождем советский историк академик Е. Тарле. Эту книгу, кстати, я рекомендую всем любителям российской истории: в ней пытливый читатель сможет найти множество параллелей с современностью. Там и «происки Запада», и «кольцо врагов», и воровство со мздоимством, возведенные в ранг государственной политики, и запуганные соседи, и желчный самодержец, безуспешно борющийся с им же выстроенной косной системой, при которой «наверх» выбираются исключительно тихие ворюги и громкие ничтожества. Хорошо помнил о Крымской войне и, по его собственному признанию, даже готовился в 30-х годах к повторению «крымского» сценария адмирал Кузнецов. Иного рационального объяснения, кроме планировавшейся в течение долгого времени войны с Антантой, нельзя найти и факту превращения Севастополя в неприступную морскую крепость. От кого его собирались защищать с помощью сверхтяжелых орудий – от немцев?.. Но у них в ту пору – когда проектировались и строились мощнейшие форты – и флота практически не было! А если бы таковой и имелся, ему было бы тяжело попасть в Черное море. Он, кстати, там и во время Великой Отечественной отсутствовал... Австрийский историк Эрнст Топиш написал по поводу советского кораблестроения следующее: «Только недавно стало известно, что в качестве составной части военной экспансии Сталин в 1935—1936 годах одобрил программу строительства военного флота, которая была призвана превратить Советский Союз в самую могущественную морскую державу к 1947 году. Этот план был совершенно очевидно направлен против Англии и США, являвшихся оплотом мирового капитализма и служивших главным препятствием на пути Москвы к мировому господству. В качестве операционной базы для этой чудовищной армады понадобилось бы атлантическое побережье Европы. Для достижения Атлантики Германия сначала должна была быть использована как таран против западных держав, а затем отброшена в сторону. Однако германский Вермахт нарушил этот

план и не позволил добиться полного успеха в его воплощении» (« Stalin's War of Extermination. 1941—1945», с. 13). В общем, товарищ Сталин действительно не делал особых различий между «освобождением» английских и германских рабочих: они все были одинаково дороги его большому и доброму сердцу. С течением времени он разобрался бы со всеми извергами-эксплуататорами. Но **не сразу со всеми** – на это бы силенок не хватило даже у могучих РККА и РКВМФ, а **по очереди**. В этом, собственно, и нужно искать ключ к так называемой советской политике «борьбы за мир», столь усердно претворявшейся в жизнь «самым миролюбивым государством планеты» накануне Второй мировой. Политику эту, к слову, проводили столь хитро, что Большая война началась гораздо раньше, чем рассчитывали **все** первоначально вступившие в нее государства. И началась **без участия СССР**, руководство которого тем не менее **сознательно подтолкнуло** маньяка Гитлера к нападению на Польшу: это я продемонстрирую во второй части данной работы.

Так вот: когда Сталин одной рукой прекращал программу строительства флота «больших морей» в СССР, а другой – заказывал те же линкоры и крейсеры в Германии, то он поступал совершенно логично. С одной стороны, советская военная промышленность могла сосредоточить усилия на создании гораздо более полезного в войне с германцем подводного флота (и так, к слову, немало) и стремительном наращивании сухопутного потенциала. Все это, напомню, открыто признал и адмирал Кузнецов. Шутка ли – за каких-то два года оснастить тридцать механизированных корпусов, десятки новых стрелковых дивизий, сотни артиллерийских и авиационных полков! С другой же стороны, окажись Гитлер сотоварищи чуть более глупыми, и тогда немецкой промышленности пришлось бы тратить дефицитные ресурсы на строительство линкоров и крейсеров для своего «злейшего друга». Которые, кстати, **так или иначе попали бы в руки Сталина в целости и сохранности после предстоявшего вскоре «освобождения» Германии**.

В одной из своих книг Виктор Суворов попытался раскрыть загадку огромной интенсивности поставок советского сырья и продовольствия Германии в мае – июне 1941 года. Казалось бы, зачем, зная как минимум с начала апреля о набирающем обороты немецком развертывании на Востоке, Сталин гнал сверхплановые эшелоны с зерном и нефтью своему будущему противнику? Да еще и в ситуации, когда сами немцы откровенно «тянули резину» с ответными поставками... Резун-Суворов пришел к вполне, с моей точки зрения, логичному выводу: таким образом руководство СССР сознательно «загружало» германские железные дороги, ограничивая тем самым и так скромные возможности Вермахта (на тот момент в Германии было **меньше паравозов, чем во время Первой мировой войны**) по перевозке войск в наиболее важный момент. Но, сказав «А», Владимир Богданович не произнес «Б». Дело в том, что все эти горы сырья, передаваемые Германии, Сталин вполне мог считать «своими»: после внезапного советского удара все эти богатства вновь оказались бы в его руках – вместе с достроенными и недостроенными военными и гражданскими кораблями...

Допускаю также, что самый выдающийся партийный деятель всех времен и народов вполне мог планировать активное участие «освобожденных» гитлеровских моряков и их флота в ударе по другому общему вековому врагу – спрятавшейся на своих островах спесивой Великобритании. В конце концов заставил же Иосиф Виссарионович служить себе ненавидевших его прибалтов, западных украинцев, поляков, румын и болгар! Все они – пусть и без всякого восторга – шли под немецкие пули в 1944—1945 годах в составе либо советских, либо «национальных» соединений и армий. А «благородным» англичанам и «честным» американцам пришлось засунуть свои гордость и принципиальность подальше и согласиться на советизацию Польши (ради защиты которой, напомню, Англия с Францией и вступили в войну) и других восточноевропейских стран, а также выдать на съедение Сталину десятки тысяч казаков-белогвардейцев и членов их семей...

Почему Гитлер все же продал Сталину тяжелый крейсер «Лютцов»? Скорее всего осенью 1939 года «бесноватый» действительно переоценил крепость советско-германской дружбы «против Англии», да и ресурсов, как мы знаем, у немецких судостроителей на все не

хватало. Не стоит забывать и о других не очень логичных поступках фюрера: например, когда уже в ходе подготовки к войне с СССР – осенью 1940 года – будущему противнику передавались образцы самых современных танков и самолетов. Мое личное мнение: так проявлялись столь свойственные Гитлеру чрезвычайная самоуверенность, авантюризм и одно весьма пагубное пристрастие – постоянно бросать вызов судьбе. Но вернемся к разговору о том, насколько внезапным оказалось фашистское вторжение для руководства рабоче-крестьянского ВМФ...

Советский флот накануне войны, или «неожиданность, которую ждали»

Вновь обращаюсь к воспоминаниям адмирала Н.Г. Кузнецова. Как он уже говорил, подписание Пакта Молотова – Риббентропа отнюдь не сбило его с панталыку. «После подписания договора, – рассказывает он, – состоялся прием в Екатерининском зале Кремля. Я на приеме не присутствовал, мне рассказал о нем В.П. Пронин, возглавлявший в то время исполком Моссовета. Риббентроп, войдя в зал, приветствовал присутствовавших обычным фашистским жестом – выбросив вперед вытянутую руку с восклицанием «Хайль Гитлер!». Сталин улыбнулся и ответил насмешливо церемонным поклоном. За обедом Сталин явно не хотел оказаться возле гитлеровского посланца и попросил В.П. Пронина сесть рядом с ним. Прием проходил натянуто, в холодно вежливом тоне» («Накануне», с. 215). Положим, тут товарищ Пронин несколько «соврамши»: согласно другим источникам, главный коммунист планеты поднимал тосты за здоровье отсутствовавшего фюрера германской нации, а Риббентроп явно не заметил этой самой «холодной вежливости». Наоборот, он был в полном восторге от оказанного ему теплого приема и впоследствии утверждал, что в ходе вечеринки чувствовал себя как дома – словно среди «товарищей по партии». Вот что на этот счет сообщает английский историк **Лоренс Риз** в своей книге «World War II. Behind Closed Doors. Stalin, the Nazis and The West»: «Атмосфера, – писал Андор Хенке, германский дипломат, присутствовавший на встрече после подписания договора в качестве переводчика, – которая и так уже была очень приятной, стала просто сердечной. Сталин и Молотов были самыми гостеприимными хозяевами, которых только можно представить. Правитель России наполнял бокалы гостей, предлагал им сигареты и даже помогал им прикуривать» (здесь и далее перевод с английского мой). Первый тост, который перевел Хенке, был поднят Сталиным: «Поскольку я знаю, как германский народ любит своего фюрера, я хочу выпить за его здоровье!» (с. 18). Он же, судя по воспоминаниям фотографа Гитлера Хофмана, поднял и другой тост – «за себя, родного»: «Давайте выпьем за нового антикоминтерновца – Сталина!» (там же). На упоминаемом Прониным приеме в Кремле он вообще представил Берию Риббентропу следующим экстравагантным образом: «А это мой Гиммлер! Тоже ничего: с работой справляется!» (там же, с. 32). Мне, честно говоря, трудно представить, чтобы подобную шутку в отношении ближайшего соратника в присутствии министра иностранных дел другой страны позволил себе «бесноватый» Гитлер...

Но главное заключается в другом факте, подтвержденном партаппаратчиком Прониным: «Когда Риббентроп покинул помещение и остались только свои люди, Сталин сказал: «Кажется, нам удалось провести их» («Накануне», с. 215). Правда, в изложении других свидетелей (например, Хрущева), Сталин проявлял свои эмоции гораздо более бурно и чуть ли не кричал хвастливо что-то вроде: «Надул Гитлера! Надул!» Эта деталь тем более важна, поскольку проявление чувств было для Сталина – чрезвычайно скрытного и сдержанного человека – почти неслыханным делом. Так или иначе из воспоминаний Кузнецова сразу становится ясно, что **официальное замирение с Гитлером совсем не означало, что войны с Германией ждать более не приходилось**. Разумеется, Сталин, по собственному признанию адмирала, не делился с ним своими тайными планами («когда надо будет, поставят в известность и вас»). Но нарком все же обладал доступом к достаточно большому количеству источников информации (включая данные разведки, зарубежные газеты и журналы, публикации советских военных ученых и пр.), чтобы делать собственные

выводы и руководствоваться ими в своей деятельности на посту наркома ВМФ. Эти внутренние ощущения наркома переросли в уверенность уже в июне 1940 года – на этапе советской аннексии Бессарабии: «Положение на Черноморском флоте больше не вызывало беспокойства. С германским флотом – **вероятным будущим противником** – он не соприкасался» («Накануне», с. 230). И это при том, что, как пишет сам же Кузнецов, Гитлер приказал **начать разработку плана нападения на СССР** только на совещании в ставке **22 июля 1940 года** (там же, с. 273) – спустя несколько недель после описываемых событий (и находясь под очень большим впечатлением от них). Явный же «перелом в отношениях с Германией», – признается адмирал на с. 274, – начал ощущаться лишь в конце 1940 года. Примерно тогда же Кузнецов приказал – «на свой страх и риск» – соорудить и бетонный бункер-убежище для наркомата ВМФ. Не от английских же бомбардировщиков он собирался в нем прятаться: они тогда и до Берлина-то едва долетали. Да и не он один комфортабельным убежищем обзавелся: таковое, например, появилось к началу войны и у ПВО Москвы...

Позаимствую еще несколько цитат из воспоминаний бывшего наркома флота Н.Г. Кузнецова, относящихся к теме «внезапности»:

«К началу 1941 года к нам стали просачиваться сведения о далеко не мирных намерениях Гитлера. Сперва сведения эти были скудными, потом они стали носить более разносторонний и в то же время определенный характер... Сводки Генштаба и донесения с флотов приносили тревожные вести... Думал ли об этом Сталин? Конечно, думал. Полагаю, **что у него было твердое убеждение, что война неизбежна, что она обязательно (!)** вспыхнет на западе или на востоке. А возможно, в одно и то же время и там и тут. Недаром же наши войска сосредоточивались одновременно и на западе и на востоке. И тут и там укреплялись границы. Да и перемещения крупных военачальников в конце 1940 года (*Гитлер утвердил директиву «Барбаросса» лишь 18 декабря 1940 года. – Прим. авт.*) и в начале 1941 года тоже говорят о подготовке к войне «на два фронта». **Вообще же подготовка к возможному военному конфликту началась значительно раньше и проводилась последовательно с огромным напряжением сил**» («Накануне», с. 277—278).

«**В конце января 1941 года**, – продолжает вспоминать адмирал, – из разговора с начальником Генерального штаба К.А. Мерецковым я понял, что в Наркомате обороны озабочены положением на границах. Готовилась очень важная директива, нацеливающая командование округов и флотов на Германию как на самого вероятного противника в будущей войне. Директива вышла **23 февраля**» (там же, с. 289). Важно отметить, что «положение на границах» в начале 1941 года могло вызывать «озабоченность» разве что у самих немцев: они еще не начинали всерьез развертывание сил для нападения на СССР, а вот темп сосредоточения соединений Красной Армии в приграничных округах неуклонно нарастал начиная с осени 1939 года.

«В то время (*январь 1941 года. – Прим. авт.*), – делится Кузнецов, – я взял себе за правило собирать в отдельной папке все мелкие, но подозрительные факты поведения немцев, чтобы при случае докладывать Сталину. **О более крупных фактах мы сразу же докладывали письменно**» (там же, с. 289).

«Июнь с первых же дней был необычайно тревожным, буквально не проходило суток, чтобы В.Ф. Трибуц не сообщал мне с Балтики о каких-либо зловещих новостях. Чаще всего они касались передвижения около наших границ немецких кораблей, сосредоточения их в финских портах и нарушений нашего воздушного пространства...» (там же, с. 293).

Заметим, что то же самое могли сказать в отношении подчиненных Кузнецова и будущие противники: накануне войны советская флотская авиация (у немцев, отметим, таковой просто не было) развила бурную активность. Сам же адмирал сообщает о проводившихся в то время очень необычных учениях Черноморского флота с уже упоминавшимся выше 9-м стрелковым корпусом Батова. Чем они были необычны? Это рассказывает сам прославленный адмирал: «Чем ближе шло дело к войне, тем больше внимания уделялось взаимодействию флота с войсками приграничного Одесского военного округа. Именно отработке такого взаимодействия было посвящено и последнее,

закончившееся в канун войны, учение. **Правда, на нем отрабатывались более активные задачи, поскольку предполагалось, что мы будем не только обороняться, но и наступать ...** Хотя флот вернулся с учения за сутки до войны и в море оружие на кораблях находилось в полной боевой готовности, **тема учения не соответствовала обстановке, которая могла возникнуть с началом военных действий ...»** («Курсом к победе», с. 334). Если у читателя возникли трудности с расшифровкой этого нагромождения эвфемизмов, то попробую помочь: **прямо перед началом войны Черноморский флот отрабатывал самую что ни на есть наступательную (читай: агрессивную) десантную операцию по захвату чужих берегов**. Собираясь в «гости» советские военные могли или к румынам (цели – порт Констанца, нефтяные скважины Плоешти), или к туркам (цель известна еще со времен царизма – проливы). Как мы помним, помимо флота и ударных пехотных частей, к десантированию готовился в Крыму и воздушно-десантный корпус Родимцева. Не думаю, что подобную операцию могли в то время планировать в отношении Босфора и Дарданелл: слишком большим было бы расстояние для перелета самолетов с десанниками. Поэтому напрашивается вывод: готовился захват объектов в Румынии. Интересно и то, что, в отличие от других западных флотов СССР, Черноморский флот и в ходе учений, и после них находился в «предвоенной» готовности № 2. Участник учений И.И. Азаров свидетельствует о том, что происходило **18 —20 июня 1941 года** – после окончания маневров: «К бортам кораблей, стоявших на рейде и у причальных стенок, портовые буксиры подводили баржи с топливом и боеприпасами» («Осажденная Одесса», с. 11). Иначе говоря, и после учений моряки-черноморцы не спешили расслабляться и явно готовились к новым боевым походам и к скорому объявлению готовности № 1... Ход «последних учений» Черноморского флота пристально отслеживали и немцы с румынами: соответствующую запись можно найти в дневниках начальника немецкого Генштаба **Ф. Гальдера**. Так, **13 июня 1941 года** он сделал следующую запись: «Из Румынии сообщают о скоплении кораблей, которые находятся в боевой готовности, юго-западнее Одессы...» («Военный дневник», с. 574). В связи с этим интересно отметить, что Гальдер, в отличие от Йодля и Кейтеля, довольно скептически относился к вопросу о «советской угрозе». Поэтому все его записи на этот счет заслуживают особого интереса.

«В главном морском штабе, – продолжает Кузнецов, – мы вели график, по которому ясно было видно, что немецкие суда все реже заходят в наши порты. Кривая, круто падавшая к нулю, наводила на мысль о плане, составленном заранее и осуществляемом с типично немецкой пунктуальностью... Как нам стало известно, немецкий военно-морской атташе фон Баумбах обратился к своему начальству за разрешением выехать в командировку на родину. Все это нельзя было считать случайным стечением обстоятельств» («Накануне», с. 295). Адмирал абсолютно прав: упомянутый им график – классический пример того, как работают аналитики вообще и военные аналитики в частности. Именно таким элегантным образом из горы казалось бы не имеющих самостоятельной ценности фактов правильно обученные люди способны делать далеко идущие и порой очень точные выводы. Пример, приведенный Резуном-Суворовым – с биржевыми ценами на баранину (и, соответственно, овчины), которые не падали или, наоборот не росли в связи с отсутствием к ним интереса со стороны безалаберного руководства Вермахта, не планировавшего зимние операции в России, – по сравнению с вышеуказанным выглядит гораздо менее убедительным.

Из той же серии и следующий факт: «Совсем незадолго перед тем (22 июня 1941 года. – *Прим. авт.*) мне попался на глаза обзор иностранной печати и сводки ТАСС. Самые разные газеты писали о близкой войне между русскими и немцами. **Не могли же все они сговориться!**» (там же, с. 297). И вновь Кузнецов совершенно прав: такой уровень дезинформации (со стороны «provokatorov»-англичан или «подстрекателей»-американцев) – когда абсолютно независимые друг от друга издания (включая, скажем, японские, итальянские и турецкие) пишут одно и то же – **просто невозможен**. Надо учитывать, что мировую прессу не смогли сбить с толку и масштабные дезинформационные мероприятия Геббельса, усиленно распространявшего противоречивые слухи, призванные замаскировать

развертывание Вермахта у восточных границ Рейха и отвлечь внимание журналистов «утками» о якобы идущих мирных переговорах и предстоящем визите Сталина в Берлин. На это постоянно жалуется в своих дневниковых записях и сам Геббельс. В связи с этим предлагаю обратить внимание на его дневниковую запись от 13 июня 1941 года («The Goebbels Diaries. 1939—1941», с. 406). А вот что написал по этому поводу уже упоминавшийся флотский замполит И.И. Азаров: «Мы знали, что английская печать всюду трубит о возможном нападении Германии на Советский Союз, и расценивали это **не только как далеко идущий ход воюющей страны по отношению к своему противнику ...**» («Осажденная Одесса», с. 7). Иначе говоря, «брехней» британские предупреждения совсем не считали...

«В те дни, – вспоминает Кузнецов, – когда сведения о приготовлениях фашистской Германии к войне поступали из самых различных источников, я получил телеграмму военноморского атташе в Берлине М.А. Воронцова. Он не только сообщал о приготовлениях немцев, но и называл **почти точную дату начала войны**. Среди множества (!) аналогичных материалов такое донесение уже не являлось чем-то исключительным. Однако это был документ, присланный официальным и ответственным лицом. По существовавшему тогда порядку подобные донесения автоматически направлялись в несколько адресов. Я приказал проверить, получил ли телеграмму И.В. Сталин. Мне доложили: **да, получил**» (там же, с. 294). «Для меня, – подводит итог Кузнецов своему собственному разговору о «внезапности», – бесспорно одно: И.В. Сталин не только не исключал возможности войны с гитлеровской Германией, напротив, **он такую войну считал весьма вероятной и даже, рано или поздно, неизбежной**» (там же, с. 295). Заметим попутно, что именно М.А. Воронцов (который, занимая пост флотского атташе в Германии, являлся вдобавок кадровым разведчиком) появился в кабинете Сталина для доклада вечером 21 июня – вместе с гораздо более высокопоставленными военными и политическими функционерами СССР.

Как уже упоминалось, Р. Ириархов в своей книге «РКВМФ перед грозным испытанием» привел хронологическую подборку действий Советского Военно-Морского Флота накануне «внезапного» нападения немцев.

Так, **26 февраля 1941 года**, продублировав соответствующий документ Генштаба от 23 февраля, Главный морской штаб издал директиву, в которой **«четко указывалось», что противником следует считать коалицию государств во главе с Германией (Румыния, Финляндия, Венгрия, Швеция и Италия)**. В связи с этим стоит отметить, что советское командование было в курсе секретных переговоров, в ходе которых Германия пыталась убедить Швецию если не вступить в войну, то по крайней мере предоставить возможность использовать свою территорию немецкими войсками. Шведы действительно разрешили транзит немецких войск.

В феврале – мае 1941 года на всех флотах были проведены проверки с целью повышения боевой готовности. Отметим, что подобные проверки были проведены и во всех остальных Вооруженных Силах СССР. Считаю, что это был своего рода последний предвоенный «смотр» Вооруженных Сил.

В начале мая Главный морской штаб конкретизировал задачи флотов и флотилий в соответствии с уточненными планами прикрытия государственной границы (которые, к слову, так и не были утверждены Москвой: большевикам было не до обороны!).

24 мая 1941 года из базы Лиепая, находившейся вблизи госграницы, «в связи с возможностью войны» ряд соединений и кораблей были переведены в дальние базы и порты. Подчеркнем также, что сами по себе «ошибочные» перебазирование части сил Балтийского флота в «при-фронтовую» Лиепая и передача речных боевых кораблей из Днепровской флотилии в Пинскую и Дунайскую являлись ярким свидетельством наступательного характера приготовлений советского ВМФ: иначе и то, и другое просто не имели смысла.

Со второй половины мая 1941 года на флотах было введено постоянное несение дозоров подводными лодками и надводными кораблями, были усилены ближние дозоры на подходах к своим базам. Фактически **началось предвоенное развертывание сил флота**.

Интересно, что развертывание немецкого Кригсмарине началось позже: «Действия немецкого флота, – свидетельствует Кузнецов, – против нашего Балтийского фактически начались за несколько дней до войны. Фашистские подводные лодки (*по словам Деница, всего их против СССР было развернуто 18 штук; особых успехов они не достигли.* – Прим. авт.) были высланы на позиции к нашим берегам по меньшей мере за два дня» («Курсом к победе, с. 321). Иными словами, немецкие субмарины оказались в Балтийском море только 19—20 июня 1941 года.

Для ускорения ввода в строй строившихся береговых батарей было приказано ставить их не на бетонные основания, как раньше, а на деревянные (!) . Понятно, что подобную «халтуру» могли делать исключительно в преддверии скорых военных действий.

Строившиеся аэродромы включались в число действующих еще до полного завершения работ. На них сразу размещались авиационные части. Вновь отмечу: шло сосредоточение ударной авиации вдоль линии границы.

14 июня 1941 года Главный морской штаб приказал Балтфлоту добавить к действующим дозорам патрулирование устья Финского залива, а в ночное время – и Ирбенского пролива. Напомню читателю, что в этот день в СССР было опубликовано «миролюбивое» Заявление ТАСС. **16 июня 1941 года** дежурство в Ирбенском проливе становится постоянным.

19 июня 1941 года народный комиссар ВМФ Кузнецов перевел Балтийский и Северный флоты в оперативную готовность № 2 . Черноморский флот, проводивший учения по высадке морского десанта, уже находился в этой степени готовности. При ней штатный состав сил боевого ядра флота оставался на кораблях и в частях, которые должны были принять все необходимые запасы и привести в порядок материальную часть, в штабах устанавливалось дежурство руководящего состава, усиливалась воздушная разведка и корабельные дозоры. Короче говоря, это – **предвоенная готовность** . Тогда же – 19 июня – флоты получили команду готовить к выходу в море подводные лодки с задачей отражения возможного нападения кораблей противника на базы. В данном случае, учитывая, что подводный флот уже занимался «патрулированием» с мая месяца, речь идет об **окончании предвоенного развертывания** .

20 июня 1941 года Главный морской штаб приказал командованию Балтийского и Северного флотов провести воздушную разведку и установить наличие десантных средств в портах Финляндии. В дальнейшем продолжать вести непрерывное авиационное наблюдение за обстановкой в этих портах. Таким образом, адмиралы Кузнецов и Исаков приказали не просто нарушать воздушное пространство Финляндии, а делать это «с особым цинизмом» – **непрерывно, практически «вися» над ее портами** . Попутно отметим, что 20 июня Финляндия открыто объявила о призыве резервистов, фактически начав всеобщую мобилизацию: об этом, в частности, говорится в дневниках Геббельса («The Goebbels Diaries. 1939—1941», с. 419).

В тот же день – **20 июня** – нарком РКВМФ адмирал Кузнецов приказал топить «опасно приближающиеся» корабли противника и сбивать его слишком увлекшиеся самолеты. Эта информация особенно интересна в свете якобы душивших советских военных приказов не открывать огня и «не поддаваться на провокации». В своей книге «Козырная карта Вождя» я писал о том, что тогда же аналогичный приказ – «Сбивать всех!» – получили и военные округа.

«Днем **21 июня** , – подсказывает уже знакомый нам флотский замполит И.И. Азаров, – начальник разведотдела штаба флота (*Черноморского.* – Прим. авт.) полковник Д.Б. Намгаладзе сообщил мне и Бондаренко, что **английское радио открытым текстом передало сообщение: фашистская Германия в ночь на 22 июня готовит нападение на СССР ...**» («Осажденная Одесса», с. 14).

В 23.37 минут 21 июня 1941 года по флоту была объявлена оперативная готовность № 1 (при ней корабли, авиация, береговые соединения и части вскрывают «красные пакеты» с инструкциями на случай войны и приводятся в одночасовую готовность к выходу в море).

Интересна и информация на этот счет, которую привел в своей книге «Барбаросса – воздушная битва: июль – декабрь 1941» историк **Кристер Бергстром** :

– **19 июня 1941 года** советской зенитной артиллерией были обстреляны немецкие бомбардировщики Ju-88 над полуостровом Рыбачий и северо-западнее Мурманска. В том же районе старший лейтенант Василий Воловиков на истребителе И-153 «Чайка» из 72-го смешанного авиаполка ВВС Северного флота атаковал немецкие бомбардировщики He-111 и Bf-110, но был, в свою очередь, атакован «мессершмиттами» Bf-109 и ушел от них в облака (здесь и далее перевод с английского мой, с. 74);

– **20 июня 1941 года** огнем советской зенитной артиллерии над полуостровом Рыбачий обстрелян еще один бомбардировщик Ju-88: убит бортинженер унтер-офицер Йозеф Хаузенблас (Josef Hausenblas), ставший, пожалуй, первым убитым в ходе советско-германского конфликта (там же).

Таким образом, Германия и СССР еще не начали войну, но самолеты обоих государств уже без всякого стеснения летали над стратегическими объектами друг друга и стран-сателлитов, вели воздушные бои и подвергались полновесному воздействию зенитной артиллерии. О какой же внезапности может идти речь?..

Это подтверждает и сам командующий Северным флотом **А.Г. Головкин** : «...война, развязанная немецким фашизмом в Европе, все ближе придвигалась к нашим государственным границам... Ни у кого из нас, кто размышлял над обстановкой и присматривался к поведению гитлеровцев, не было уверенности, что мы доживем до лета без войны» («Вместе с флотом», с. 14). Прославленный адмирал даже главу своей книги так и назвал: **«Неожиданность, которую ждали»** . Если Головкин не думал «дожить до лета без войны» еще весной 1941 года, то что же он должен был думать, прислушиваясь к стрельбе своих собственных зениток, паливших по немецким самолетам-нарушителям 19—20 июня? Ведь снаряды советской зенитной артиллерии рвались буквально над его головой... А то и думал: «Они (немцы. – Прим. авт.) сами же в течение нескольких суток, предшествовавших началу войны, дали нам понять, что **нападение совершится если не с часу на час, то со дня на день** » (там же, с. 19). Или вот еще одна цитата – в отношении «визита» немецкого самолета-разведчика **17 июня** : «Моментально все стало ясно – **начинается война** . Иначе на такое нахальство – пройти над главной базой флота – даже гитлеровцы бы не отважились» (там же, с. 20). Отметим: **«ясность» наступила за пять дней до начала войны**. В связи с этим примечательно и другое откровение флотоводца, касающееся **21 июня** : «Просмотрел за чаем вечернюю сводку. Привлекли внимание данные **воздушной разведки** . В течение дня были обнаружены: на подходах к губе Петсамо тральщики; в самом порту, на рейде, пятнадцать тральщиков; на рейде Варде – транспорт; в Перс-фиорде – транспорт... В общей сложности за сутки из Петсамо вышли восемь транспортов и вошли в гавань три транспорта, два рыболовных траулера, один сторожевой катер» (там же, с. 24). Данный пассаж из книги боевого адмирала означает, что немцы имели ничуть не меньше оснований обижаться на наглость соседа: **советские самолеты буквально сутками, сменяя друг друга, «висели» в чужом воздушном пространстве и столь же откровенно контролировали обстановку в гаванях противника !**

Потрясающий архивный документ за подписью адмирала Кузнецова приводит современный историк **Марк Солонин** в своей работе «Три плана товарища Сталина». «Особого внимания, – пишет Солонин на с. 57 сборника «Правда Виктора Суворова. Окончательное решение», опубликовавшего статью, – заслуживает следующий документ. **4 июня 1941 г.** нарком ВМФ Н. Кузнецов направляет заместителю Председателя СНК (т. е. заместителю Сталина) Н. Вознесенскому докладную записку №1146. Гриф секретности документа: «совершенно секретно, особой важности». И это действительно документ особой важности для историка – в нем впервые рядом со словосочетанием «военное время» появляются абсолютно конкретные даты:

«Представляю при этом ведомость потребности наркомата ВМФ по минно-торпедному вооружению **на военное время с 01.07.1941 по 1.01.43**. Прошу Ваших указаний об

увеличении выделенных количеств минно-торпедного вооружения, учитывая, что потребность в них на 2-е полугодие 1941 в/г составляет 50% от общей потребности на период до 01.01.43 г.» (ГАРФ ф. Р-8418, оп. 25, д.481, л. 32—33).

Говоря об истинных планах советского руководства, с потрясающей ясностью раскрываемых в этой совершенно секретной (и, заметим, вполне рутинной) бумаге, любопытно отметить, что ориентировочная продолжительность загадочной войны – **ровно полтора года**. И что в первые ее шесть месяцев, приходящихся на второе полугодие 1941 года, планируется израсходовать **половину** запрошенных мин и торпед. Это – план **войны не оборонительной, а «молниеносной»**. Будет крайне интересно проследить судьбу этого пока избежавшего уничтожения документа, имея в виду объявленную Президентом России «оцифровку» и открытие соответствующих архивных фондов. Если же послание уже умершего адмирала расстрелянному после войны Вознесенскому так переживет это мероприятие, то любопытно, как идеологические подручные нынешнего Российского руководства собираются объяснять его суть в свете объявленной борьбы с «переписыванием истории»... Из всего сказанного советскими флотоводцами становится ясно: для РКВМФ немецкое нападение никак не могло быть «неожиданным» или «внезапным». К морской войне с немцами давно готовились, ее планировали, ее ждали. **Флот, ПВО морских баз и морская авиация фактически уже вели боевые действия еще до начала Великой Отечественной войны. И об этом написано в мемуарах советских адмиралов, изданных в советское же время.**

«Субботний день 21 июня, – пишет Кузнецов, – прошел почти так же, как и предыдущий, полный тревожных сигналов с флотов. Перед выходным днем мы обычно прекращали работу раньше, но в этот вечер на душе было беспокойно, и я позвонил домой: «Меня не жди, задержусь...» («Накануне», с. 297). Жена адмирала, разумеется, «не удивилась»... И так, нарком ВМФ обеспокоен настолько, что в субботу вечером решает не идти домой, а остаться «ждать у моря погоды» в своем кабинете. Между прочим, его подчиненные (включая и Головкин) после демонстративных посещений театров и прочих культурно-развлекательных заведений тоже идут не к женам, не в баню и не к любовницам, а сидят в кабинетах и напряженно читают разведсводки. И это все – **еще до звонка наркома обороны Тимошенко, раздавшегося лишь в «11 вечера 21 июня»**! Просто медиумы какие-то советским флотом командовали! За этим звонком следует визит в расположенный по соседству Наркомат обороны и разговор с Тимошенко и Жуковым. Первый извещает о возможном нападении Германии, второй – показывает проект знаменитой своей невинностью «предупреждающей» директивы – «не поддаваться на провокации!». Без каких-либо признаков удивления, страха или других эмоций Кузнецов приводит флоты в состояние **полной боевой готовности** и с сознанием честно выполненного долга садится ждать дальнейшего развития событий. Примерно в 3.15 часа ночи из штаба Черноморского флота, наконец, сообщают: «Началось!». И вот, после всего этого напряженного ожидания «сами-знаете-чего», Кузнецов пишет: «И хотя всем ходом событий я в какой-то степени морально был подготовлен к возможному нападению фашистской Германии на нашу Родину, это известие **ошеломило** меня» («Курсом к победе», с. 318). Вот-те на: еще один «ошеломленный»! А что же вдруг произошло с даром предвидения, хладнокровным ожиданием войны и сверхсекретным требованием Вознесенскому от 4 июня 1941 года – «шлите побольше мин, да торпеды не забудьте»?..

Загадочное сочетание: с одной стороны, полная уверенность в неминуемой, скорой и долгой войне, с другой – «ошеломленное» состояние, последовавшее за ее давно вроде бы предсказанным началом... Воспоминания самых различных советских военачальников и флотоводцев чуть ли не дословно повторяют друг друга. Предлагаю читателю ради интереса посчитать, сколько раз слова «ошеломленный», «пораженный» и «изумленный», употребленные в указанном контексте, встречаются в процитированных мной мемуарах советских военных! Орден «ошеломленных» меченосцев во главе с «потрясенным» магистром-вождем – И.В. Сталиным!

Слово репортерам New York Times

Помня о том, как внимательно читал адмирал Кузнецов зарубежную прессу накануне войны, я решил последовать его примеру. Благо, что архив американской **New York Times** доступен каждому желающему через Интернет. Свой поиск я сознательно ограничил периодом с 1 января по 22 июня 1941 года: иначе, подозреваю, пришлось бы писать отдельную книгу. Потратив десять долларов и два часа времени, я убедился в том, что советский флотоводец не зря вчитывался в подготовленные референтами отчеты...

Так, еще **14 января 1941 года** американская газета опубликовала материал, озаглавленный «Soviet-Nazi Clash on «Spheres» seen/Massing of Border Troops by Both Nations Reported After Molotoff's Berlin Visit». В моем переводе это звучит приблизительно следующим образом: «Советы и нацисты столкнулись в борьбе за сферы влияния/После берлинского визита Молотова появились свидетельства концентрации войск обеих сторон на границе». Ссылаясь на югославские (словенские) источники, издание, в частности, сообщало, что «визит советского премьера М. Молотова в Берлин ознаменовал первое и самое значительное охлаждение в отношениях между Рейхом и Россией... Герр Гитлер и Герр фон Риббентроп не только отвергли требования г-на Молотова (*касающиеся, в изложении газеты, дополнительных территориальных претензий в Западной Польше. – Прим. авт.*), но даже отказались рассматривать их в качестве темы для переговоров...» Упомянутый берлинский визит Молотова состоялся в ноябре 1940 года. В ходе него Советский Союз выдвинул целый список «хотелок» в качестве условий присоединения к «оси» фашистских и прогермански настроенных государств. Но требования эти (о них мы поговорим в следующей части данной работы) показались Гитлеру столь чрезмерными и наглыми, что он на них так никогда и не отреагировал. «После прохладного прощания, – констатирует американское издание, – господин Молотов отбыл в Москву... В течение десяти дней после визита Молотова, согласно австрийскому генералу, проинформировавшему наш источник в Словении, Рейх начал переброску огромного количества свежих соединений в Западную Польшу. С тех пор дополнительные дивизии были переброшены из оккупированных стран Западной Европы в бывшую Польшу и Северо-Восточную Румынию... По словам генерала, повторенным нашему корреспонденту сегодня, «на востоке постепенно собирается колоссальная армия»...» Получается, что даже если бы у СССР в Европе не было целой армии шпионов, уже спустя два месяца после берлинского визита Молотова и каких-то три недели после принятия Гитлером плана «Барбаросса», простая инвалютная подписка на New York Times могла бы помочь советским руководителям узнать о зловещих приготовлениях, начатых Гитлером на западных границах Страны Советов.

8 апреля 1941 года New York Times откомментировала знаковую передовицу в газете Шведской компартии, опубликованную через день после начала немецкого вторжения в Югославию. Напомню, что агрессия последовала за антигерманским путчем, руководители которого поспешили заключить договор о дружбе с СССР. Название материала – «Soviet-Reich Ties Called Disturbed/ Communist Party Paper in Sweden Says Balkan Attack «Complicates Relations»/It Stresses New Pact/Stockholm and London Note Added Evidence of Moscow Anger at Nazi Move» – я перевел следующим образом: «Связи между Советами и Рейхом «омрачены»/Газета Шведской коммунистической партии говорит о том, что агрессия на Балканах «осложнила отношения»/Недавно заключенный пакт подвергается серьезному испытанию/В Стокгольме и Лондоне отмечают очередное свидетельство гнева Москвы, вызванного действиями нацистов». Справедливо отмечая, что шведская «Ny Dag» являлась на тот момент единственной оставшейся в континентальной Европе газетой Коминтерна и, соответственно, представляла собой своеобразный заграничный рупор Москвы, американское издание констатировало, что «острая редакционная статья» шведских коммунистов, в которой говорилось, в частности, о «гибнущих женщинах и детях»,

«миролюбивом правительстве Симовича» и «давней заинтересованности Советского Союза в сохранении мира на Балканах», прямо предупреждала о том, что германская агрессия против балканских государств «осложнит отношения между двумя странами». «Многие обозреватели, – писала New York Times, – считают вполне возможным, что заключение советско-югославского пакта стало поворотным пунктом в отношениях Германии и СССР». Таким образом, уже **в начале апреля 1941 года** всем, включая и советское руководство, заказавшее шведским товарищам соответствующую «предупреждающую» статью, было понятно, что **нормальным отношениям с Германией наступил конец**.

3 мая 1941 года появляется еще одна заметка за подписью корреспондента в Турции Зульсбергера (C.L. Sulzberger): «German-Soviet Strain Increasing, Diplomatic Circles in Turkey Hear/Nazis in Romania Are Said to Encourage Territorial Plans/Officers Scoff at the Russian Army/Turks Speed Defence». Соответственно, мой перевод заголовка – «Напряжение в советско-германских отношениях усиливается, сообщают дипломатические круги в Турции/Нацисты якобы поощряют территориальные претензии Румынии/Офицеры невысокого мнения о русской армии/Турки усиливают оборонительные приготовления». Корреспондент американской газеты, в частности, сообщал: «Немецкие офицеры часто говорили мне, что они ожидают пройти через советские боевые порядки как «нож сквозь масло», отрезать западные и южные территории (СССР. – Прим. авт.) и вынудить противника к скорому заключению мира. Русские, всегда знавшие о подобных стремлениях, продолжают концентрировать войска... в Бессарабии, Буковине и Польше. Сегодня Турция ускорила оборонительные приготовления, чтобы обезопасить себя от нападения со стороны любого агрессора».

Между прочим, **20 июня 1941 года** New York Times сообщила, чем увенчались эти самые «приготовления»: Турция и Германия заключили пакт о ненападении, а германский представитель заявил, что «реакции со стороны Советской России пока не последовало». О реакции самих немцев говорит заголовок: «GREAT VICTORY» («Великая победа»), – так называл действительно важное дипломатическое достижение Германии сам Гитлер. Поскольку одной из упоминавшихся выше «хотелок» СССР в ноябре 1940 года было оказание совместного советско-германо-итальянского давления на Турцию с целью принудить ее разрешить советские военные базы в проливах, вышеупомянутый германо-турецкий пакт означал откровенно высказанное «*Nein!*».

В начале лета материалы газеты становятся все более тревожными. **15 июня 1941 года** печатается заметка Д. Бригхэма (Daniel T. Brigham) со следующим красноречивым названием: «Clash Is Expected Soon/Germans Are Expected to Attack Soviets First in Poland» («Столкновение ожидается в ближайшем времени/Считается, что немцы сначала нападут на Советы в Польше»). Еще **14 июня 1941 года** Бригхэм продиктовал по телефону в редакцию из Берна: «Местные дипломатические круги считают, что давнее соперничество между Россией и Германией достигло критической точки и что политические и военные события возможны в любой момент. Имеющиеся свидетельства указывают на военное столкновение – возможно, вдоль русско-германской разделительной линии в Польше – в течение следующих десяти дней». «В течение следующих десяти дней!» И ведь не обманул же ушлый газетчик! Но дальше будет еще интереснее: «...последние немецкие требования, по сообщению дипломатов нейтральных стран, включают *отход как минимум половины советских войск к востоку от границы; перебазирование военно-воздушных группировок из Брест-Литовска и Львова; увеличение поставок советского бензина, нефти и зерна, а также допущение немецких контрольных комиссий для наблюдения за отводом русских войск...*»

Скажу честно: я никогда ранее не слышал о факте подобных переговоров между СССР и Германией накануне войны. И это неудивительно: судя по дневникам Геббельса, слухи о якобы ведущихся «мирных переговорах» распускало именно его ведомство. С другой стороны, окажись эти слухи правдой, то ничего невероятного в этом не было бы. Если бы Гитлер и Сталин действительно стремились к сохранению мира между двумя странами, то

они просто обязаны были в какой-то момент начать подобные – официальные или секретные – консультации. Как известно, «плохой мир лучше хорошей войны». Тем более что именно таким образом они и должны были поступить (и до недавнего времени поступали) в соответствии с буквой и духом Пакта Молотова – Риббентропа. Если же к миру они более не стремились (а похоже, что именно так оно и было), то общение с будущим противником на тему концентрации войск обеих сторон у границы могло по крайней мере позволить выиграть время и держать руку «на пульсе» событий.

Оставив за скобками активность ведомства Геббельса, **приведенный Бригхэмом «немецкий список» вполне можно рассматривать в качестве переданного, как порой водится, через нейтралов (вспомним написанную под диктовку Москвы статью в шведской газете) германским предупреждением**. Мало того, судя по некоторым шагам советского военного командования в самый канун войны – например, демонстративному снижению уровня боеготовности войск 21 июня в западных округах – Сталин вполне мог подавать «ответные сигналы». Впрочем, сигналы эти **могли предназначаться не Гитлеру, а кому-то еще** : об этом речь идет в книге «Козырная карта Вождя», посвященной некоторым историческим загадкам того времени. «Русский ответ на это, – писал далее корреспондент New York Times, – ... заключался в наращивании войск вдоль линии, начинающейся на границе Восточной Пруссии и Литвы и заканчивающейся в северной Бессарабии, со 105 дивизий до 160. По обратную сторону границы немцы, как говорят, только что закончили сосредоточение 143 дивизий и нескольких воздушных соединений. На севере Прибалтики русские якобы сосредоточили 25 дивизий, оснащенных новейшей техникой... Силы на рубеже Днестра были значительно усилены в течение последних десяти дней...»

Точность указанных американским репортером данных поражает: несколько преуменьшая общие силы первого стратегического эшелона СССР, он тем не менее вполне корректно оценивает группировку советских войск в Прибалтике и дает весьма точную цифру общего количества немецких дивизий. Скажем, Гудериан в своих воспоминаниях говорит о 145 германских соединениях, сосредоточенных для нападения на СССР. Легко заметить и то, что приведенные американцем цифры весьма похожи (и даже аналогичны) данным, из которых исходил накануне вторжения германский Генштаб, имевший довольно точную информацию о силах Красной Армии в полосе шириной примерно 300 километров от границы и практически ничего не знавший о ситуации в глубине СССР. Именно о 160 советских дивизиях идет речь и в германской Ноте об объявлении войны, переданной Москве через неделю – 22 июня: еще 10 дивизий первого стратегического эшелона Красной Армии немцы, по всей видимости, проворонили. Это заставляет предположить, что «утечка» нейтралам была допущена **немцами**. И что сделано это было **сознательно, по их собственной инициативе**. Я не верю в то, что это было сделано Геббельсом: во-первых, в его дневниках на этот счет ничего нет (а он бы не удержался и обязательно похвастался!), а во-вторых, какой смысл был ему и его подчиненным болтать о реальной силе германской группировки вторжения? Министру народного просвещения и пропаганды Рейха ставилась совсем иная задача: любым путем заморочить всем головы выбросом самых различных «уток» и слухов и способствовать внезапности германского удара. Интригует и то, что вышеупомянутая заметка корреспондента в Швейцарии появилась **на следующий день** после опубликования той же газетой знаменитого Сообщения ТАСС, предназначенного – по убеждению многочисленных советских мемуаристов – для «внешнего употребления» и призванного усыпить немецкую бдительность.

Вот его полный текст:

«Сообщение ТАСС

Еще до приезда английского посла в СССР г. Криппса в Лондон, особенно же после его приезда, в английской и вообще иностранной печати стали мушкетироваться слухи о «близости войны между СССР и Германией». По этим слухам: 1) Германия будто бы предъявила СССР претензии территориального и экономического характера, и теперь идут переговоры между

Германией и СССР о заключении нового, более тесного соглашения между ними (*отметим, что и Сообщение ТАСС тоже упоминает о загадочных «переговорах».* – Прим. авт.); 2) СССР будто бы отклонил эти претензии, в связи с чем Германия стала сосредоточивать свои войска у границ СССР с целью нападения на СССР; 3) Советский Союз, в свою очередь, стал будто бы усиленно готовиться к войне с Германией и сосредоточивает войска у границ последней.

Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необходимым, ввиду упорного муссирования этих слухов, уполномочить ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении развязывания войны (*подобное выражение – «расширение развязывания», а также использование словосочетания «эти слухи» три раза в одном предложении – по моему мнению, свидетельствуют о непосредственном участии Сталина в написании данного документа: это довольно типичный пример свойственного ему косноязычия.* – Прим. авт.).

ТАСС заявляет, что:

1) Германия не предъявляла СССР никаких претензий и не предлагает какого-либо нового, более тесного соглашения, ввиду чего и переговоры на этот предмет не могли иметь места;

2) по данным СССР, Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям;

3) СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными;

4) проводимые сейчас летние сборы запасных Красной Армии и предстоящие маневры имеют своей целью не что иное, как обучение запасных и проверку работы железнодорожного аппарата, осуществляемые, как известно, каждый год, ввиду чего изображать эти мероприятия Красной Армии как враждебные Германии, по меньшей мере, нелепо».

Сразу отметим, что, согласно советской **«Истории Второй мировой войны»**, в тот же день, когда ТАСС (то есть Сталин) поливал на весь мир грязью английского посла в Москве, «...министр иностранных дел Англии А. Иден пригласил к себе 13 июня советского полпреда И. Майского и по поручению премьер-министра заявил, что если в ближайшем будущем начнется война между СССР и Германией, то английское правительство готово оказать полное содействие Советскому Союзу своей авиацией на Ближнем Востоке, отправить в СССР военную миссию и развивать с ним экономическое сотрудничество» (том 3, с. 352).

Если учесть, что в Германии Сообщение/Заявление ТАСС, подчеркивавшее, в частности, что «никаких требований Германией не предъявлялось», было распространено вечером **13 июня**, то **немецкое требование об отводе советских войск от границы, переданное через «дипломатические круги» в Швейцарии на следующий же день, вполне могло являться той самой публично переданной «претензией» советскому правительству, которую оно «не получало»**. Как уже упоминалось выше, бывший генерал-лейтенант НКВД П. Судоплатов в своих воспоминаниях пишет следующее: «Окончательное решение о нападении на СССР Гитлер принял **14 июня 1941 года**, на следующий день после того, как немцам стало известно заявление ТАСС о несостоятельности слухов о германо-советской войне. Интересно, что заявление ТАСС было распространено в Германии и лишь на второй день опубликовано в «Правде» (с. 197).

Вполне возможно, что, прочитав, несомненно, подготовленное с участием Сталина публичное послание, Гитлер действительно решил, что откладывать нападение больше нельзя и отдал Вермахту приказ выйти на исходные рубежи для атаки. Надо отметить, что сегодняшним аналогом этого странного диалога через мировые печатные издания могло бы послужить общение государственных лидеров на темы войны и мира через... Интернет.

Любопытно, что **Виктор Суворов** вообще считает 13 июня более важной датой, чем 22-е, полагая, что именно в этот день Советский Союз прошел «точку невозврата» в своих приготовлениях к войне. Об этом, в частности, говорится в его статье «Так кто же планировал напасть на кого в июне 1941 года: Гитлер или Сталин?», опубликованной в рамках его докторской программы в британском «Journal of the Royal United Services for Defence Studies» еще в 1985 году. По мнению Резуна, после 13 июня огромной массе войск, переброшенной и перебрасываемой к западным границам, был лишь один путь – на Запад. Суворов считал, что возвращение во внутренние округа нескольких миллионов человек и целых гор военной техники парализовало бы железнодорожную систему СССР еще на несколько месяцев, а это, в свою очередь, привело бы к экономическому коллапсу. Оставаться же в приграничных лесах десяткам дивизий было тоже не с руки: у них не было условий ни для жизни, ни для хранения десятков тысяч единиц техники, ни для боевой учебы. Если Суворов прав в отношении «точки невозврата», то приходится сделать вывод о том, что Гитлер и Сталин практически одновременно – **в период с 12 по 14 июня 1941 года** – приняли окончательные решения о нападении друг на друга.

В целом же Заявление ТАСС было совершенно неискренним. Маршал **А.М. Василевский**, служивший в ту тревожную пору заместителем оперативного отдела Генштаба Красной Армии, сообщает в своих мемуарах следующее: «27 мая Генштаб дал западным приграничным округам указания о строительстве в срочном порядке полевых командных пунктов, а 19 июня – вывести на них фронтовые управления Прибалтийского, Западного и Киевского особых военных округов. Управление Одесского округа по ходатайству окружного командования добилось (!) такого разрешения ранее. **12—15 июня** этим округам было приказано вывести дивизии, расположенные в глубине округа, ближе к государственной границе...» (с. 119). Его слова подтверждает **И.Х. Баграмян**, являвшийся в ту пору заместителем начальника штаба Киевского Особого военного округа: «**15 июня** мы получили приказ начать с **17 июня** выдвижение всех пяти стрелковых корпусов второго эшелона к границе. У нас уже все было подготовлено к этому. Читатель помнит, что мы еще в начале мая по распоряжению Москвы провели значительную работу: заготовили директивы корпусам, провели рекогносцировку маршрутов движения и районов сосредоточения. Теперь оставалось лишь дать команду исполнителям. Мы не замедлили это сделать. На подготовку к форсированному марш-маневру корпусам давалось от двух до трех суток. Часть дивизий должна была выступить вечером 17 июня, остальные – на сутки позднее. Они забирали с собой все необходимое для боевых действий. В целях скрытности двигаться войска должны были только ночью ...» («Так начиналась война», с. 77). В свете этих откровений трудно удивляться, что семьи офицеров и жители украинского городка, провожавшие одну из этих тыловых дивизий (200-ю сд Людникова), считали, что те идут на войну... Воспоминания Василевского и Баграмяна прямо свидетельствуют о том, что до или одновременно с опубликованием «успокаивающего» Заявления ТАСС тыловые соединения (второй эшелон) советских приграничных округов получили приказ готовиться к выдвижению непосредственно к границе. О том, что это выдвижение действительно имело место, говорят воспоминания командиров этих дивизий – в частности, того же Людникова.

Теперь поговорим о втором стратегическом эшелоне Красной Армии. Согласно официальной «Истории Краснознаменного Уральского военного округа», именно **утром пятницы 13 июня** – за несколько часов до опубликования Заявления ТАСС в Германии – началась погрузка в эшелоны 22-й Уральской армии под командой генерал-лейтенанта Ф.А. Ершакова (с. 104). Конечная точка специально запутанного маршрута – западные границы

СССР. В тот же день – **13 июня** – отбыл на Украину из Москвы и генерал-лейтенант М.Ф. Лукин, лишь накануне узнавший о конечном пункте назначения своей 16-й армии, перебрасываемой на Запад такими же замысловатыми петлями из Забайкалья **начиная с 26 мая**. Наконец, как сообщают Москаленко, Лелюшенко и прочие мемуаристы, **15 мая – 6 июня** командиры механизированных соединений западных округов практически одновременно приступили к рекогносцировке маршрутов дорог в непосредственной близости к границе. Уже **18 —19 июня** полученные ими сведения пригодились в деле: практически все боеспособные мехкорпуса были подняты по тревоге и, «забрав все необходимое для боя», направились все туда же – к границе с Германией и Румынией.

Но вернемся к анализу сообщений американских газетчиков в то тревожное предвоенное время. Не могу не повторить уже высказанное ранее мнение: даже без имевшейся в распоряжении СССР самой мощной и эффективной в мире шпионской сети советское руководство вполне могло судить о масштабе и срочности германской угрозы по статьям в зарубежных газетах, опубликованным за неделю до немецкого нападения. Если же кто-то в Германии (**а это совсем необязательно был Гитлер**) действительно выдвигал конкретные требования, и по этому поводу реально шли секретные, до сих пор никому неизвестные переговоры, то в таком случае советская сторона, что называется, «из первых рук» знала бы: агрессия может начаться в любую минуту. В конце концов совсем недавно в подобных ситуациях побывали Польша, Финляндия, Румыния и страны Прибалтики.

То, что у Гитлера имелись основания не доверять довольно топорно составленным «миролюбивым» намекам «замечательного грузина», подтверждает опубликованная New York Times **16 июня 1941 года** очередная заметка корреспондента в Турции Зульсбергера, озаглавленная «All Soviet Troops Reported Called/But Russians Deny a General Mobilization/Nazi Forces Have Left Balkans». Я перевел заголовок следующим образом: «Все советские резервисты призваны/Но русские отрицают проведение всеобщей мобилизации/Силы нацистов покинули Балканы». Зульсбергер передал в редакцию, в частности, следующее: «Анкара, Турция, **15 июня** – Румынские источники сообщили сегодня вечером, что Россия объявила всеобщую мобилизацию и отменила все отпуска для резервистов. Несмотря на то, что эта новость, похоже, известна и венгерским дипломатическим кругам, мы не можем ее подтвердить. Британские военные источники сообщили, что «это вполне возможно, но мы об этом пока ничего не знаем»... Русские источники опровергают эту информацию. Вполне возможно, что германские агенты распространили этот слух в Бухаресте и Будапеште, чтобы оправдать присутствие огромного количества нацистских войск в Восточной Европе... В течение последней недели Советский Союз перебросил большие силы на запад из азиатской части России и сосредоточил около 155 дивизий на своей европейской границе. По имеющейся информации, немцы завершили вывод своих войск из Греции, Болгарии и большей части Югославии...» Вновь выскажу свое мнение по поводу очередного упоминания количества советских дивизий: источником подобной информации могли быть **лишь данные германского Генштаба**. Никто другой, в отсутствие информации от высокопоставленных руководителей СССР (что я пока исключаю), не смог бы даже приблизительно оценить силы первого советского стратегического эшелона.

18 июня 1941 года в New York Times появляется аналитическая статья за подписью Юджина Ковача (Eugen Kovacs), озаглавленная «Reich and Russia Set to Fight/ Massing of Opposing Troops Began When Poland Was Devided by Them/Soviet Fears Increasing/Moscow Takes Counter-Steps After Each New Threat by German Armies» («Столкновение Рейха и России неизбежно/Сосредоточение противостоящих друг другу войск началось после раздела ими Польши/Москва предпринимает контрмеры после каждой новой угрозы со стороны Германских вооруженных сил»). Оглядываясь на события, последовавшие за разделом Польши, Ковач (по всей видимости, журналист левой ориентации, симпатизировавший СССР – таких в ту пору было немало) придерживался той точки зрения, что все эти два года – аннексируя Прибалтику, оккупируя Бессарабию и Буковину –

Советский Союз всякий раз всего лишь отвечал на очередной враждебный шаг Германии. Правда, он в то же время подтвердил, что после оккупации «своей» половины Польши в сентябре 1939 года, СССР оставил принимавшие в ней участие войска там же – на своей западной границе.

В тот же день – **18 июня 1941 года** – газета опубликовала материал другого своего корреспондента в Анкаре – Рэя Брока (Ray Brock), озаглавленный «Reich-Soviet War Is Thought Nearer/Sources in Turkey Told Nazis Will Attack to Get Ukraine and Drive to Iran» («Предполагается, что начало войны Рейха и Советов приближается/Источники в Турции сообщают, что нацисты нападут, чтобы отнять Украину и вторгнуться в Иран»). В статье, переданной по телефону, говорилось буквально следующее: «Анкара, Турция, **17 июня** . Русско-германская ситуация стремительно ухудшается, сообщили сегодня вечером обычно хорошо информированные дипломатические и военные источники. В некоторых кругах растет убеждение в том, что ныне проходящие секретные переговоры между Берлином и Москвой (*очередное настойчивое упоминание о загадочных «переговорах», факт проведения которых был официально опровергнут ТАСС четыре дня назад!* – Прим. авт.) – всего лишь дипломатическая уловка немцев в преддверии нападения и блицкрига. Германские круги в Турции открыто говорят о скоро грядущей «сенсации», прозрачно намекая, что речь идет о военной или дипломатической победе над Советами. В связи с этим интересно отметить, что большинство местных военных обозревателей считают, что **со стороны Германии надо ожидать мер военного характера** ... Эти источники сегодня подтвердили, что Россия и Германия вскоре окажутся в состоянии войны, в ходе которой немцы будут пытаться заполучить доступ к продовольствию и военным материалам, а также **географически обезопасить себя от атаки русских с тыла в момент попытки вторгнуться на Британские острова** . Они пояснили, что Россия предприняла проходящие ныне переговоры (!) с Рейхом в попытке выиграть время. Они же говорят, что Германия согласилась на проведение переговоров, чтобы **под их прикрытием завершить сосредоточение войск в Румынии, Польше и Восточной Пруссии для нанесения удара** . Анкара и Стамбул полны необоснованных слухов. Так, сегодня в 5 часов вечера одну из стамбульских газет осаждали телефонными звонками читатели, пытаясь получить подтверждение информации о том, что **германские войска уже пересекли русскую границу (!)...**»

Подведем итоги «блиц-анализа» **всего лишь девяти заметок всего лишь одной газеты пока еще нейтральной страны** , опубликованных в течение пяти с половиной месяцев, предшествующих началу Великой Отечественной войны. Без всякого преувеличения можно сказать, что **весь мир** знал следующее:

1. В ноябре 1940 года СССР и Германия не договорились о принципиальных вопросах раздела мира: с точки зрения Гитлера, советское руководство потребовало слишком много. За этим последовали неуклонное ухудшение отношений и наращивание сил обеих сторон на всем протяжении их общих границ, а также на советско-румынской границе.

2. Советско-германские отношения прошли «точку невозврата» в апреле 1941 года – когда СССР поддержал антигерманский путч в Югославии, а Германия оккупировала эту страну и начала экспансию на Балканы, одновременно категорически отвергнув претензии СССР к Румынии, Болгарии, Турции и самой Германии.

3. Уже в мае 1941 года всем было понятно, что начало немецкой агрессии (а именно Германия рассматривалась всеми в качестве «сильной» стороны, планирующей нападение) – это вопрос времени.

4. В середине июня 1941 года стало ясно, что германское нападение может состояться «в течение десяти дней». Неизбежность агрессии была столь очевидной, что уже 17 июня одна из стамбульских газет допустила «фальш-старт» и опубликовала недостоверную информацию о переходе немцами советской границы.

5. Наблюдатели расценивали якобы проходившие в те дни секретные переговоры между Германией и СССР как дипломатическую уловку немцев, призванную выиграть время для завершения подготовки к агрессии.

6. Все высшее советское политическое и военное руководство было в курсе вышеперечисленных фактов, которые практически полностью подтверждались и колоссальным массивом разведывательной информации (о чем будет сказано позже). Судя по воспоминаниям адмирала Кузнецова, занимавшего в то время должность наркома ВМФ, на основе полученных данных правильные выводы делались как минимум частью упомянутого руководства.

Писатель и поэт

Заглянем в дневники известного писателя **К. Симонова** : «**Двадцать первого июня** меня вызвали в Радиокomiteт и предложили написать две антифашистские (!) песни. Так я почувствовал, что война, которую мы, в сущности, все ждали, очень близка. О том, что война уже началась, я узнал только в два часа дня. Все утро 22 июня писал стихи и не подходил к телефону. А когда подошел, первое, что услышал: война. Сейчас же позвонил в Политуправление...» («100 суток войны», с. 5). Между прочим, написанием соответствующих новой ситуации песен занимались не только в Москве, но и в Берлине. После целой недели доработок Геббельс в своих дневниках 30 июня 1941 года с облегчением констатирует: «Новая песня для России (*прим. автора: на тему войны с СССР*) готова. Музыкальная аранжировка Шульце лучше, чем у Нилия. Так что выбрали первого. Анакер и Тислер спорят по поводу авторства текста. Я заставил их достичь компромисса...» («The Goebbels Diaries. 1939—1941», с. 438). Но вернемся к дневнику Симонова...

Из последующих пояснений автора дневника становится ясно, что приближение войны он чувствовал давно и обостренно: «За месяц до войны, **16 мая 1941 года**, мне пришлось участвовать в обсуждении этой пьесы (*«Парень из нашего города»* . – Прим. авт.) в Доме актера. Пьеса была неровная, с большими слабостями, но на обсуждении меня больше хвалили, чем ругали, видимо, потому, что главные герои пьесы были военные (*наверное, про будущих персонажей тоже в Радиокomiteте подсказали* . – Прим. авт.), **уже воевавшие и, если надо, готовые снова сражаться люди** . Появление таких людей на сцене тогда встречалось с особым сочувствием, и в этом тоже сказывалась тревожная атмосфера времени, ожидание вот-вот готовой разразиться войны, о которой, как мне вспоминается, тогда много думали, хотя и не часто говорили вслух... На этот раз после обсуждения пьесы я сказал, отвечая выступавшим: «Что бы вы ни писали, не надо забывать о том, что если не в этом году, так в будущем нам предстоит воевать. Нам скоро воевать!» («100 суток войны», с. 298). Удивительные прозорливость и смелость в высказываниях! Впрочем, не надо забывать, что цитируемый писатель был молодым, да ранним – орденоносцем и любимцем товарища Мехлиса – одного из самых преданных, доверенных и свирепых сталинских подручных. Добавим, что в июне 1941 года двадцатипятилетний Симонов с десятками собратьев по перу вернулся со специальных сборов для «творческих работников» в Кубинке, где их обучали азам военного дела и по окончании присвоили военные звания. Поэтому, услышав о начале войны, новоиспеченный «военный интендант» принялся звонить не в родные «Известия», а в Политуправление. Интересно, кто-нибудь слышал о подобных военных сборах для корреспондентов в какой-либо другой стране мира?..

Чтобы получить более ясное представление, откуда К. Симонов и прочие творческие работники СССР черпали вдохновение (а заодно и немалые материальные блага), процитируем секретное послание германского посла в Москве графа Шуленбурга от 6 сентября 1939 года (сборник **«Канун и начало войны»**): «...неожиданное изменение политики Советского правительства после нескольких лет пропаганды, направленной... против германских агрессоров, все-таки не очень хорошо понимается населением. Особенные сомнения вызывают заявления официальных агитаторов о том, что Германия больше не является агрессором. Советское правительство делает все возможное, чтобы изменить отношение населения к Германии. Прессу как подменили. Не только прекратились все выпады против Германии, но и преподносимые теперь события внешней политики

основаны в подавляющем большинстве на германских сообщениях, а антигерманская литература изымается из книжной продажи и т. п... При анализе здешних условий важно принять во внимание, что прежде Советское правительство всегда искусно влияло в желаемую ему сторону на свое население, и в этот раз оно также не скупится на необходимую пропаганду» (с. 153). В общем, как становится понятным из комментария посла Шуленбурга, после всех его антифашистских усилий Советскому правительству, конечно, придется потрудиться над вдалбливанием сути новых международных реалий в головы своего туго соображающего населения. Тем не менее новые «*камераден*» обязательно справятся и с этой задачей! Любопытно отметить, что та же проблема «разъяснения» неожиданных поворотов внешней политики Рейха волновала и германское руководство. Во всяком случае Геббельс неоднократно высказывал в своих дневниках озабоченность этим вопросом накануне германского вторжения. Прошло всего два года после официального замирения с германцем, и Советское правительство задалось целью растолковать своему народу логику очередного разворота своего внешнеполитического курса на сто восемьдесят градусов. Как тут Оруэлл не вспомнить: «Мир – это война»...

Кино на страже Родины

Найденная мной в Интернете интереснейшая статья В.А. Невежина «**Речь Сталина 5 мая 1941 года и апология наступательной войны**» проливает дополнительный свет на источник «прозорливости» молодого да раннего писателя К. Симонова. Российский историк, в частности, сообщает, что еще в **марте 1941 года** «прошло совещание у начальника Главного управления политической пропаганды (ГУПП) Красной Армии А.И. Запорожца. На нем присутствовали кинорежиссеры С. Эйзенштейн, Г. Александров, сценаристы В. Вишневский, А. Афиногенов и др.». Уж и не знаю, какой информацией поделился с ними политупровец Запорожец, но в ходе указанного форума деятели культуры предложили создать... «Оборонную комиссию Комитета по делам кинематографии при СНК СССР». Специально указываю архивные источники, использованные В. Невежиным: РГАЛИ, ф. 1038, оп.1, д.2183, л. 91—93; РЦХИДНИ, ф. 17. оп. 125, д.71, л.103.

Первое заседание комиссии состоялось **13 мая 1941 года**. «Вс. Вишневский, – пишет автор, – оставил краткие записи о нем. Среди записей имеется и такая: «Обстановка. Дело идет явным образом к войне (РГАЛИ, ф. 1038, оп.1, д. 2183, л. 95 об.). На следующий день он направил в ЦК ВКПБ (б) записку о мобилизационных (!) мерах в Комитете по делам кинематографии и о плане выпуска (!) оборонных фильмов 1941—1942 гг. Как явствует из краткой записки Вишневского по ходу заседания 13 мая, до представителей Оборонной комиссии этого комитета была доведена задача готовить фильмы о действиях различных родов войск Красной Армии против вероятных противников, то есть немцев... Писатель называл также темы «полнометражных сценариев о будущей войне», которые, считал он, можно было экранизировать. Среди них: «**Прорыв укрепленного района у германской границы**», «**Парашютный десант в действиях против них (укрепленных районов)**», «**Действия нашей авиации. Дальние рейды и пр.**», «**Рейды танков и конницы во взаимодействии с авиацией**» (там же, д. 1459, л. 4). Еще один возможный сценарий Вишневского – «**Форсирование рек (Сан, Висла и пр.)**», которые, как совершенно правильно подсказывает В. Невежин, являлись пограничными. Не ищите упоминаний о подобных фильмах – вроде «Форсирования Днепра войсками СС» в дневниках Геббельса: даже в фашистской Германии отношения между правительством и «творцами» были все же более деликатными!

Тогда же – 13 мая 1941 года – В. Вишневский сделал дневниковую запись о сути знаменитой речи И. Сталина перед выпускниками военных академий в Кремле **5 мая 1941 года** (полная стенограмма этой откровенно милитаристской и агрессивной речи пока так и не найдена): «СССР начинает идеологическое и практическое наступление». От себя партийный писатель добавил: «**Впереди – наш поход на Запад. Впереди – возможности, о**

которых мы мечтали давно» (РГАЛИ, ф. 1038, оп.1, д. 2079, л. 31).

Специально отвлекусь, чтобы вспомнить про антифашистские кинофильмы, о которых писал в своих мемуарах адмирал Кузнецов: «...в упомянутых проектах директивных материалов можно найти также список кинофильмов, рекомендованных к показу **только среди красноармейцев**. В их числе – снятые с проката по соображениям политического порядка **после подписания Пакта Риббентропа – Молотова** антифашистские ленты «Профессор Мамлок» и «Семья Оппенгейм» (РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 27, л. 63). И именно эти фильмы, судя по дневниковой записи Вс. Вишневого от **2 июня 1941 г.**, начали демонстрировать в воинских частях». Выходит, что антифашистские фильмы про проф. Мамлока и семейство Оппенгеймов советским гражданам крутили до подписания Московских договоров в августе 1939 года. Потом эти фильмы положили на полку, и вновь они оказались востребованы **весной 1941 года – но уже исключительно для военнослужащих**.

В. Невежин сообщает, что этот новый поворот советской пропаганды «...уже в мае 1941 г. был замечен германской стороной. Немецкая агентура докладывала, что пропагандистская и воспитательная работа в частях Красной Армии ведется в духе наступательных военных действий против Германии... В июне 1941 г. информация такого рода наряду с данными о подготовке СССР к мобилизации, переброске к границе новых частей Красной Армии, развертывании военно-патриотической работы продолжала поступать в Берлин». Любопытно, что, судя по дневниковой записи Вс. Вишневого от 21 мая 1941 года, уже с конца апреля ровно тем же самым – антисоветской пропагандой – начали заниматься и немцы. То же, свидетельствует В. Невежин, сообщал в Москву из Берлина и корреспондент ТАСС (он же резидент разведки) И.Ф. Филиппов.

Приведенные В. Невежиным фрагменты дневников Вс. Вишневого – лишь часть обильно цитируемых им архивных материалов. В целях экономии читательского времени (полностью эту статью вы можете прочитать сами в Интернете – что я, кстати, настоятельно рекомендую) обращаю ваше внимание лишь на выводы автора: «Текстологическое изучение указанных материалов показывает, что в них **нет и намека на то, что страна и Красная Армия должны готовиться к отражению агрессии**. Наоборот, везде и всюду, где было возможно, составители директивных документов ЦК ВКП(б), УПА и ГУПП неоднократно подчеркивали (и этот акцент усиливался дублированием одних и тех же положений и тезисов в различных директивах), что **при необходимости СССР возьмет на себя инициативу первого удара, начнет наступательную войну с целью расширения «границ социализма»**. При этом всячески преувеличивалась возможность Красной Армии осуществить данный замысел. Подчеркивалось, что она является не инструментом мира, а инструментом войны, осуждались имевшие место «пацифистские» тенденции. Таким образом, как бы отменялось неоднократно поднимавшееся на щит в прежней пропаганде «условие»: «если враг осмелится напасть, то... СССР ответит двойным ударом»... **На первый план выдвигалась возможность и необходимость нанесения Красной Армией упреждающего удара**».

Как Ортенберг с Мерецковым ездили на войну

Вот как звучат первые строки книги воспоминаний редактора «Красной звезды» Д. Ортенберга :

«Иногда меня спрашивают:

– Ты на войну когда ушел?

– Двадцать первого июня.

– ?!

Да, это было так...» («Июнь – декабрь сорок первого», с. 5).

На самом деле «это было» совсем не так: Ортенберг на войну не уходил, а разил фашистов пером – из сытого московского далека. Тем не менее, как и воспоминания его

«боевого» товарища – К. Симонова, дневниковые записи Ортенберга, посвященные июню 1941 года, представляют определенный интерес. Так, **утром 21 июня** ответственного работника наркомата Госконтроля (контора небезызвестного Мехлиса) «...вызвали в наркомат Обороны и сказали, что группа работников наркомата во главе с маршалом С.К. Тимошенко выезжает в Минск. Предупредили, что и я поеду с ней. Предложили отправиться домой, переодеться в военную форму и явиться в наркомат» (там же). Тут я прерву изложение товарища Ортенберга, чтобы подчеркнуть: не на того человека он тогда работал «начальником штаба» (по его собственному выражению), чтобы его вот так, запросто, вдруг вызвали в чужой наркомат и «предложили» отправиться домой (!) за военной формой. То есть, конечно, военные сборы в Кубинке Ортенберг незадолго до этого прошел и звание военинтенданта получил (как Симонов и десятки других мастеров пера), но входил-то он в свиту не наркома обороны Тимошенко, а другого достойного члена «ордена меченосцев» – доверенного сталинского палача Мехлиса. И если бы заместителю этого нового Малюты Скуратова попробовал давать приказы кто-то помимо него и самого «магистра» – товарища Сталина, то у зарвавшегося «партайгеноссе» несомненно возникли бы большие проблемы. Можно смело предположить, что Д. Ортенберг не удивился субботнему вызову к военным лишь по одной причине: он был заранее согласован со многими инстанциями и являлся крохотной частичкой какого-то большого советского плана. Спустя несколько месяцев после написания этих строк я узнал о еще одном удивительном «совпадении». Дело в том, что и сам могущественный шеф Ортенберга – Лев Мехлис – тоже подался «под знамена» прямо накануне войны. В тот же день – 21 июня 1941 года – Сталин назначил его начальником Политупра Красной Армии! Получается, что и он в один момент превратился в формального подчиненного наркома обороны Тимошенко. Не думаю, впрочем, что военные питали какие-либо иллюзии по поводу действительного статуса доверенного сталинского порученца, которого приставили к ним не в подчинение, а для надзора и понукания. Но вернемся к воспоминаниям Ортенберга...

«Через час, а может быть, и меньше, оказываюсь в приемной наркома обороны (*то, что он явился именно в эту приемную, говорит о высоком номенклатурном статусе Ортенберга* . – Прим. авт.). Там полным-полно военного народа. С папками, картами, заметно возбужденные. Говорят шопотом. Тимошенко уехал в Кремль. Зачем – не знаю. Ничего, кроме тревоги, мне не удастся прочитать на его лице» (там же). Как расценить прочтенное? Может, получив неопровержимые свидетельства о предстоящей агрессии Германии, высшее политическое и военное руководство страны наконец привело в действие соответствующие тайные планы? В конце концов таковые обязательно существуют – на всякий случай – в любом царстве-государстве. И вот – пошли звонки... Абсолютно логично было бы предположить, что одних доверенных борзописцев решили тут же – не дожидаясь нападения – усадить писать антифашистские стихи. А других – еще более доверенных и проверенных – придать в персональные идеологические помощники наркому обороны и отправить обоих на заранее созданный Западный фронт – встречать супостата. Но не тут-то было!

«Около пяти часов утра, – пишет Ортенберг, – нарком вернулся из Кремля. Позвали меня:

– **Немцы начали войну. Наша поездка в Минск отменяется.** А вы поезжайте в «Красную звезду» и выпускайте газету...» (там же, с. 6). Вот-те на: «Иди отсюда, газету выпускай...» Оказывается, что вся суeta утром 21 июня в приемной министра обороны оказалась «пшиком»! Ортенбергу не понадобилась военная форма – по крайней мере не в этот день. Выходит, **как только страшный враг вторгся на территорию СССР**, надобность для наркома обороны и его идеологического помощника Ортенберга ехать в Минск и встречать фашистских гадов грудью на святой белорусской земле **тут же отпала** ... Но самое интересное заключается не в этом: еще до начала войны страсть к внезапным поездкам в направлении западной границы одолела не только Ортенберга и наркома обороны Тимошенко.

Несостоявшийся «освободитель» милитаристской Финляндии **К.А. Мерецков** накануне войны являлся заместителем вышеупомянутого маршала Тимошенко. Еще весной 1941 года он смог убедиться в том, что на западных границах страны, оборонять которую ему поручили, не все ладно. Вот что он пишет: «Весной 1941 года я был на учениях в Ленинградском военном округе, которым командовал генерал-лейтенант М.М. Попов. Поездку в ЛВО я считаю успешной. Командный состав поставленные задачи решал правильно. Войска готовились (*к чему?! – Прим. авт.*) хорошо. Затем отправился в Киевский Особый военный округ. В конце мая начальник оперативного отдела штаба округа И.Х. Баграмян доложил мне обстановку. **Дело приближалось к войне. Немецкие войска сосредоточивались у нашей границы.** Баграмян назвал весьма тревожную цифру, постоянно возрастающую. Прежде чем доложить в Москву, я решил еще раз все перепроверить. Поехал во Львов, побывал в армиях округа. **Командармы в один голос говорили то же самое (!)**. Тогда я лично провел длительное наблюдение с передовых приграничных постов и убедился, что германские офицеры вели себя чрезвычайно активно... из Киева я отправился в Одессу, где встретился с начальником штаба округа генерал-майором М.В. Захаровым. Выслушав его подробный доклад, из которого явствовало, что и здесь, на границе, наблюдается тревожная картина, я вместе с ним поехал к румынскому кордону. Смотрим мы на ту сторону, а оттуда на нас смотрит группа военных. Оказалось, что это были немецкие офицеры» («На службе народу», с. 198). Надо же: «Привет, коллеги!»

В Одесском округе по указанию замнаркома Мерецкова «было проведено учение механизированного корпуса. Корпус был введен в порядке тренировки в пограничный район, да там и оставлен» (там же, с. 200). По-видимому, речь идет о «введении» 2-го мехкорпуса под командованием генерал-лейтенанта Новосельского Ю.В., который до недавнего времени находился в подчинении Генштаба, а перед началом войны был включен в состав **явно ударной по своему составу 9-й армии**. Действительно, зачем гонять танки туда-обратно, бензин да солянку жечь, моторесурс расходовать! Пусть там – возле границы – и остаются! Туда же – к границе – «во время учения» выводится и 48-й стрелковый корпус под командой давнего знакомого Мерецкова – Р.Я. Малиновского. Разумеется, и этот корпус остался в пограничном районе. Пехоте туда-сюда мотаться еще труднее: ноги-то не казенные! В ходе «учений» посланец наркомата обороны «с радостью увидел, что дальновидный начальник уже подготовил корпусной командный пункт». Какое-то, значит, революционное чутье подсказало будущему маршалу Малиновскому, куда его соединение будет выдвигаться в ближайшем будущем: тоже, наверное, на рекогносцировки ездил – как его коллеги из Киевского военного округа... Из этой длинной цитаты следует, что как минимум заместитель народного комиссара обороны СССР, инспектировавший готовность Вооруженных Сил к выполнению какой-то большой задачи партии и правительства, смог лично убедиться в неминувости приближающейся войны. Причем, как стало ясно, **приближалась она с не той стороны, откуда ее планировали начать советские военные**. В этом Мерецков смог убедиться на всех будущих фронтах – от границы с Финляндией до границы с Румынией. Как следует из его слов, после подтверждения правильности информации говорящих одно и то же генералов в округах, он еще в **конце мая** доложил об этом своему прямому начальнику – товарищу Тимошенко. Так что и для наркома обороны никакой «внезапности» в нападении Вермахта, по идее, быть просто не могло. Мало того, вместе с С.К. Тимошенко он **за неделю до начала войны** побывал и на приеме у И.В. Сталина. «Оба они, – подчеркивает Мерецков, – отнеслись к докладу очень внимательно» и даже приказали «дополнительно проверить состояние авиации, а если удастся (!) – провести боевую тревогу» (там же).

После этого Мерецков вновь «немедленно» вылетел на границу – в Западный Особый военный округ. Правда, вся его кипучая деятельность никакого результата не принесла, хотя «тревога прошла удачно», а «истребители... и бомбардировщики быстро поднялись в воздух и проделали все, что от них требовалось». Но, видно, не то от них «требовали»: спустя всего лишь неделю немцы разбомбили авиацию округа в пух и прах. Да так, что ее командующий

И.И. Копец 23 июня застрелился – как и обещал накануне войны. Пока Мерецков **второй раз за четыре недели** инспектировал приграничные округа, он вновь и вновь убеждался, что «...Германия сосредоточивает свои силы». «Я вылетел в Москву», – пишет замнаркома обороны, – где «ни слова не утаивая, доложил о своих впечатлениях и наблюдениях на границе наркому обороны» (там же). Нарком почему-то не убоился гнева якобы не хотевшего и слышать о фашистской угрозе вождя народов: «С.К. Тимошенко при мне позвонил И.В. Сталину и сразу же выехал к нему, чтобы доложить лично». Каков результат доклада? А вот какой: «Было приказано по-прежнему на границе порядков не изменять, чтобы не спровоцировать немцев на выступление» (там же, с. 201). Лично я нахожусь в недоумении: неужели переброшенные, как следует из слов самого же Мерецкова, по его собственному приказу к границам два корпуса – десятки тысяч военнослужащих, сотни танков и орудий, тысячи автомобилей и повозок – это не «провоцирующие» действия? А что же тогда «провокация» – в советском, так сказать, понимании?..

А как воспринимать следующее признание Мерецкова? «М.П. Кирпонос (*командующий Юго-Западным фронтом* . – Прим. авт.), – пишет он, – отнесся к делу очень серьезно, отдал распоряжение о занятии полевых позиций в пограничных укрепрайонах Киевского Особого военного округа и начал подтягивать войска второго эшелона. В Москву поступило сообщение об этом. Передвижение соединений из второго эшелона было разрешено (*его не просто разрешили, а приказали готовить еще в начале мая; приказ же осуществить выдвижение к границе поступил 15 июня. Об этом, в частности, рассказал Баграмян* . – Прим. авт.), но по указанию Генштаба войскам КОВО пришлось оставить предполье и отойти назад. До рассмотрения сходной инициативы (!) Одесского военного округа дело не дошло. В результате на практике войска этого округа были в канун войны, можно считать, **в боевой готовности** , чего нельзя сказать о войсках Киевского и Западного Особых военных округов» (с. 202). Уважаемый читатель, вы в этих мерецковских (или кто там их на самом деле «редактировал») откровениях что-нибудь понимаете? Сталин приказывает военным: на границе «**ничего не менять**» и «**не провоцировать немцев на выступление**» . Они же, «отнесясь к этому серьезно», **двинули войска первого эшелона прямо к самой границе и начали «подтягивать» туда же тыловые корпуса второго эшелона** ! После этого военных не стали расстреливать за нарушение приказов вождя, а всего лишь ласково попросили «отойти назад». Правда, судя по мемуарам других военнослужащих Красной Армии, служивших в том самом первом эшелоне приграничных округов, отошли они совсем немножечко – километров на пятьдесят. При этом на границе с Румынией войска так и остались на самом кордоне – в укрепрайонах «линии Молотова», что фактически означало **приведение их «в боевую готовность»**, а также по сути **занятие исходных рубежей для атаки** . Так о какой же тогда «внезапности» столько лет твердила советская пропаганда?! Бред какой-то...

Но перейдем теперь к тому, что сталинский «освободитель» К.А. Мерецков делал в ночь с 21 на 22 июня 1941 года: «Меня вызвал к себе мой непосредственный начальник, нарком обороны, находившийся последние дни в особо напряженном состоянии. И хотя мне понятна была причина его нервного состояния, хотя я своими глазами видел, что делается на западной границе, слова наркома непривычно резко и тревожно вошли в мое сознание. С.К. Тимошенко сказал тогда:

– **Возможно, завтра начнется война!** Вам надо быть в качестве представителя Главного командования в Ленинградском военном округе. Его войска вы хорошо знаете и сможете при необходимости помочь руководству округа. Главное – не поддаваться на провокации... В случае нападения сами знаете, что делать» (там же, с. 205). Как тут не вспомнить воспоминания Ортенберга, что и сам вышеупомянутый Тимошенко тоже собирался выдвигаться в Западный Особый военный округ – который он тоже неплохо знал. Что же произошло дальше? Мерецков со свитой выезжает в Ленинград, по радио слышит, что – как и обещал Тимошенко – началась война. Прибыв в «город Ленина», он пытается изображать кипучую деятельность, а «утром второго дня войны» получает приказ срочно

вернуться в Москву (к слову, там его арестовали по подозрению в измене, искалечили в ходе допросов «с пристрастием», но потом почему-то отпустили – командовать дальше). А как же помощь руководству округа? А как же помощь его начальника – Тимошенко – округу Западному? Судя по скоро развернувшимся в Белоруссии катастрофическим событиям, она бы там очень даже пригодилась! Но... враг напал, и представители военной верхушки тут же решили, что в Москве они нужнее! На Юго-Западный фронт в первой половине дня 22 июня отправился только начальник Генштаба Г.К. Жуков, который тоже был «хорошо знаком» с КОВО – так как еще полгода назад им командовал. Там он пробыл ровно четыре дня и уже вечером 26 июня прибыл обратно в Москву: видно, успел дать все ценные советы – наступать, наступать и еще раз наступать... В итоге самый могучий военный округ СССР (*милъ пардон* : к началу войны он уже был превращен во **фронт** . – Прим. авт.) был наголову разбит в приграничных сражениях в течение одной недели.

В заключение этой главы приведу очередное откровение адмирала Кузнецова, во многом объясняющее внезапную тягу к путешествиям, охватившую представителей высшего военного руководства за считанные часы до начала войны: «Мне думается, – делится с читателем прославленный адмирал, – неправильной была просуществовавшая всю войну система выездов на фронты представителей и уполномоченных Ставки. **Обычно их посылали на тот или иной фронт перед крупными операциями...** » («Накануне», с. 266). К этим словам мне более добавить нечего: действительно, «операция» намечалась «крупная»...

Слово артисту цирка

18 ноября 1939 года будущий великий клоун **Юрий Никулин** был призван в Красную Армию («Почти серьезно», с. 62). Там же оказались и многие его друзья, окончившие в тот год среднюю школу. От упоминает, что соответствующий указ недремлющего Советского правительства вышел еще весной 1939 года – задолго до начала Второй мировой. Заметим, что Никулину в ноябре еще не исполнилось восемнадцати и что подобный призыв семнадцатилетних мог происходить лишь в чрезвычайных обстоятельствах – скажем, в случае уже начавшейся войны. Подчеркнем также, что опасаться Советскому Союзу тогда нужно было разве что Японии. Каких-то три месяца назад был подписан Пакт Молотова – Риббентропа, а Вермахт после разгрома Польши концентрировал войска на Западе. Впрочем, партия и правительство, видно, все же боялись «северного соседа» – могучей военной державы Финляндии, планировавшей вероломно нарушить подписанный с СССР договор о ненападении. Когда в ночь с 18 на 19 ноября (за одиннадцать дней до начала Зимней войны) призывников привезли в Ленинград, им объяснили: «На границе с Финляндией напряженная обстановка, город на военном положении». Войны еще нет, но в Ленинграде «кругом тишина, лишь изредка проезжали машины с тусклыми синими фарами (*признак широкомасштабных мероприятий по светомаскировке* . – Прим. авт.). Мы еще не знали, что город готовится к войне. И все нам казалось романтическим: затемненный город, мы идем по его прямым красивым улицам...» (там же, с. 65). Что ж, подготовка не пропала даром: очень скоро «собрали нас в помещении столовой, и политрук батареи сообщил, что Финляндия нарушила нашу границу и среди пограничников есть убитые и раненые... Через два часа запылало небо, загремела канонада: это началась артподготовка. В сторону границы полетели наши бомбардировщики и истребители» (там же). Заметим: это советская авиация полетела бомбить финские города, а не наоборот. По поводу «нарушения границы» Геббельс в своих дневниках 28 ноября 1939 года написал следующее: «Большевики утверждают, что финны обстреляли их территорию: **ха-ха-ха!** » («The Goebbels Diaries. 1939—1941», с. 56). Отметим, что в ту тревожную пору министр пропаганды и просвещения Рейха относился к «большевикам» так же, как и его любимый фюрер – с доверием, благодарностью и уважением, а потому и его комментарии носят вполне одобрительный характер.

Ну да ладно, к распоясавшейся финской военщине мы еще вернемся в другой книге

данного цикла, а пока отметим другой, более относящийся к теме 22 июня параграф из книги Никулина: «Замкомандира полка по политчасти был у нас замечательный человек, батальонный комиссар Спиридонов. Он часто приезжал к нам на батарею (*Никулин служил в зенитной батарее войск ПВО под Ленинградом* . – Прим. авт.). Говорил всегда спокойно, с какой-то особой мерой такта, доверия, уважения. Мы его любили... В **начале апреля 1941 года** он, приехав к нам и собрав всех вместе, сказал:

– Товарищи! В мире сложилась тревожная обстановка. Вполне возможно, что в этом году... нам придется воевать. Я говорю это не для разглашения, но думается, что войны нам не избежать. Наш враг номер один – Германия» («Почти серьезно», с. 87).

Отметим, что просто так батальонному комиссару в Красной Армии (как и творческому работнику К. Симонову) ничего «думаться» не могло. Если бы еще за месяц до описанного разговора он заявился к простым бойцам с подобными соображениями, то о его душевных беседах было бы живо доложено куда надо и тов. Спиридонов встретил бы Великую Отечественную не в городе Ленина, а где-нибудь по дороге на Колыму – по статье за «антигерманскую пропаганду». Недаром же Юрий Никулин сообщает: «Все мы с удивлением и недоверием слушали Спиридонова. Как же так? Только что с Германией мы подписали договор о ненападении, и вдруг разговор о близкой войне». Как тут не вспомнить уже знакомое нам донесение графа Шуленбурга! Легко представляется: проходит еще месяц-два, и политрук вновь собирает взволнованных подопечных, чтобы объявить об очередной провокации еще одного соседа: «Товарищи мои, братья и сестры...» И полетели на запад бомбардировщики с истребителями...

Вернусь на минуту к мемуарам адмирала Кузнецова, который предлагает несколько иную версию всеобщей замполитовской активности в апреле 1941 года: «**В конце апреля или в самом начале мая** ко мне зашел начальник Главного управления политпропаганды ВМФ И.В. Рогов.

– Как быть с разговорами о готовящемся нападении немцев на Советский Союз?» («Накануне», с. 291).

«Иван Васильевич, – вспоминает сей интересный разговор адмирал, – был человеком требовательным и строгим. Но тут он чувствовал себя неуверенно: знал, что происходит на морях и границах. Наедине мы не раз обменивались мнениями, и Рогов, как и я, высказывал свою озабоченность. Ему, конечно, были известны меры, которые принимал наш наркомат. А официальные сообщения в печати носили подчеркнуто успокоительный характер. Что же делать политработникам, как разговаривать с людьми?» (там же).

Прежде чем поверить этой сказке о «неуверенном» замполите и душевных разговорах о международном положении, которые Кузнецов якобы вел с официально приставленным к нему стукачом, предлагаю вспомнить факт, приведенный самим же Кузнецовым на с. 289 его книги. Дело в том, что еще **23 февраля 1941 года** все военное руководство получило Директиву Генштаба, ясно указывавшую на то, кто отныне является наиболее вероятным противником СССР – Германия. Эту директиву руководство наркомата ВМФ продублировало **26 февраля 1941 года** : соответственно, «строгий» политработник Рогов никакой «неуверенности» испытывать просто не мог. Вся эту ерунду Кузнецов (или его «редакторы») сочинил лишь в виде «облатки» для последующего признания: «Вопрос, поставленный Роговым, был весьма щекотливым. Посоветовавшись, мы решили: надо дать политорганам указание повышать готовность, разъяснять морякам, что фашистская Германия – самый вероятный наш противник» (там же). Надо же, какие у Сталина, оказывается, были самостоятельные флотоводцы и политработники! «Посоветовались» между собой и «решили»! Прямо как батальонный комиссар у Никулина: «подумалось» политбездельнику с пересыпу и пошел нести свет в массы! Характерно завершающее предложение в сказании о том, как адмирал Кузнецов вразумлял своего политупровца (а заодно и всех остальных советских моряков): «На кораблях, в соединениях эти указания восприняли без кривотолков» (там же). Еще бы: если бы в экипажах и батареях РКВМФ зачитали приказ об объявлении войны империалистам Марса, Юпитера и Земли Санникова,

то советские военнослужащие, тайком вздохнув, и это приняли бы к сведению! «Юпитер – так Юпитер: вон как, зараза, зловеще сверкает...»

Так или иначе, но в отношении сроков «прозрения» комиссаров всех уровней (**начало** , а не **конец** апреля 1941 года) свидетельству бывшего фронтовика и великого клоуна Никулина я пока доверяю несколько больше, чем мемуарам сталинского флотоводца. Оно – лишь одно из многих, прямо говорящих о том, что неизбежность войны с Германией перестала быть секретом (а заодно и неожиданностью) для широких масс советских людей **уже в начале апреля 1941 года** . Десяткам тысяч замполитов, писателей, драматургов и песнетворцев вдруг «подумалось» одно и то же: скоро начнется война с Германией. Может, сон такой вещий приснился?.. Эту возможность можно смело исключить. Помните совещание партийных кинематографистов у начальника Политупра РККА товарища Запорожца **в марте 1941 года** ? Про план выпуска фильмов с сюжетами вроде «Прорыва укрепленного района у германской границы»?.. И этими своими до недавнего времени просто немыслимыми «думами» бойцы идеологического фронта вдруг начали активно делиться с окружающими. Отметим напоследок, что, попав в Красную Армию осенью 1939 года, покинуть ее ряды Юрий Никулин смог лишь спустя семь лет – в мае 1946 года.

Слово лейтенанту-артиллеристу

Теперь обращусь к замечательной книге дважды Героя Советского Союза **В.С. Петрова** . Его воспоминания примечательны тем, что их написал человек, бывший в июне 1941 года девятнадцатилетним младшим лейтенантом, только что закончившим Сумское артиллерийское училище и – в числе многих других юных лейтенантов – прибывший для прохождения службы на Западной Украине (приграничный город Владимир-Волинский): «На улицах и в магазинах публика оживленно обсуждала разные новости и слухи. Речь шла главным образом о «советах» и «германе»... («Прошлое с нами», с. 13). Лейтенант Петров, назначенный в 92-й отдельный артиллерийский дивизион, размещенный в бывшем монастыре, с удовлетворением отмечает, что его часть отлично оснащена, практически полностью укомплектована, имеет новые, месяц назад полученные тягачи и усиленно тренируется. И это несмотря на то, что сформирован 92-й ОАД был совсем недавно – в начале 1941 года – за счет подразделений, «отпочкованных» от артчастей 87-й стрелковой дивизии и частей корпусного подчинения. Материальная часть – совершенно новые 152-мм гаубицы и тягачи – «получена со склада» (там же, с. 14). В очередной раз не могу не обратить внимания на то, что в большинстве прочитанных мною мемуаров говорится об одном и том же: их части и соединения были **полностью укомплектованы и оснащены всем необходимым** . Это, согласитесь, плохо сочетается с любимым тезисом российских и западных «антисуворовцев» – мол, Красная Армия никак не могла планировать нападение на Германию, поскольку ей всего не хватало...

Надо сказать, что такие новые дивизионы – дивизионной и корпусной артиллерии, а также Резерва Главного командования – в Красной Армии в 1940—1941 годах (то есть еще до начала войны) появлялись сотнями. Соседи дивизиона Петрова – 85-й ОАД, оснащенный 107-мм корпусными пушками и «части 41-й танковой дивизии, завершавшей формирование на базе 38-й легкой танковой бригады» (там же, с. 15). Сразу отмечу, что, по имеющейся у меня информации, упомянутой танковой дивизией, входившей в состав 22-го механизированного корпуса генерал-майора Кондрусева С.М., командовал полковник Павлов П.П. Согласно ведомостям уже на начало июня в ней имелись 415 танков, включая и 31 тяжелый КВ. По штату, кстати, дивизии полагалось иметь «всего лишь» 385 танков. Но это не все: «Попов, – сообщает лейтенант Петров, – встретивший своего знакомого военинженера из 41 ТД, сообщил, что эта дивизия получила около полусотни новых танков...» (там же). Иными словами, танки эти попали в и так могучую дивизию уже в июне и по официальным ведомостям пройти не успели. Поэтому читатель и не найдет эти, по всей видимости, неучтенные, полсотни «тридцатьчетверок» в сводных таблицах численности

танков в советских мехкорпусах на начало войны, составленных мною (Приложение №2). Предлагаю в связи с этим вспомнить и красноречивые оговорки в воспоминаниях будущего командарма Лелюшенко: как его красноармейцы накануне войны успешно осваивали якобы «не полученные» Т-34 и КВ... Все нормально было и в соседней 87-й стрелковой дивизии (там же, с. 60) – она укомплектована по штатам военного времени. Еще до начала войны в ней было уже 15 000 «штыков», 1000 пулеметов и 300 орудий и минометов. Отметим также, что дивизия эта входила в состав 27-го стрелкового корпуса уже знакомой нам 5-й армии. Но вот дивизион Петрова подчиняется почему-то не давним соседям из этой дивизии, а «начальнику артиллерии 15-го стрелкового корпуса» (там же, с. 71), входившего в ту же армию. А это, напомним, тот самый корпус под командованием упоминавшегося выше героя-дальневосточника Федюнинского И.И., четыре полка 45-й и 62-й стрелковых дивизий которого с начала июня прятались в лесах возле границы. А ведь, если верить командиру 200-й стрелковой дивизии Людникову, на подходе был еще и 31-й резервный стрелковый корпус генерала Лопатина, который тоже включили в состав 5-й армии еще до начала войны! Получается, что в июне 1941 года в западноукраинских лесах становилось все теснее: **5-я армия Киевского Особого военного округа планомерно стягивала основные силы к самой границе**. А в состав этой армии, заметим, входили, помимо прочего, один кавалерийский, три стрелковых и два механизированных корпуса, а также механизированная противотанковая бригада Москаленко. Иными словами, была она армией не обыкновенной, а **ударной**. Какую же задачу она имела?.. Об этом мы поговорим в другой моей работе, которая будет посвящена планам советского командования.

Надо сказать, что боевая учеба в 92-м ОАД продолжалась и в выходные и что офицеры уже несколько недель находились на казарменном положении (там же, с. 18). Добавлю сразу: со ссылкой на воспоминания К. Типпельскирха (бывшего начальника разведуправления Генерального штаба сухопутных сил Германии) историк Р. Иринархов сообщает, что еще **«10 апреля 1941 года** Высший Военный совет под председательством Тимошенко решил привести в боевую готовность все войсковые части на западе ...» («Красная Армия в 1941 году», с. 395). То есть вдали от семей мучались не только боевые товарищи Петрова, а **все** советские офицеры в западных округах. Вот что сообщил Петрову один из сослуживцев – Поздняков: «Наш дивизион, товарищ лейтенант, пребывает в состоянии напряжения. Сидим безвылазно. На занятия не разрешается уходить за пределы видимости. Оживление вносят только обеды да толки о войне. Каждый день какая-нибудь новость. То поляк пожалует из-за Буга, то немец напомним о своем соседстве... находятся смельчаки, переправляются через границу вплавь и вброд. Раньше их задерживали и отправляли во Владимир-Волынский, а теперь перебежчики остаются в селах *(это сколько же их в таком случае было?! – Прим. авт.)*. Рассказывают всякие небылицы: «Герман – то, герман – это...». Разумеется, не теряет бдительности и его политрук: «...немцы в нескольких километрах. Всякую минуту может начаться какая-нибудь провокация...» (там же, с. 22). И дались же им эти загадочные, так никогда и не состоявшиеся «провокации»... Поэтому, наверное, и боеприпасы хранились прямо в тягачах: ведь «...вообще в мирное время хранение окончательно снаряженных снарядов в тягачах, находящихся в парке, запрещается. В случае же боевых стрельб их получают со складов и доставляют на огневые позиции, где и удаляется смазка» (там же, с. 46). Заметим, что и в наши дни в мирных странах снаряженные боеприпасы в тягачах и танках не держат – опасное это дело!

А вот еще один характерный эпизод: наблюдатель в монастырском расположении дивизиона подает команду «Воздух!» и скоро над «молча смотрящими» советскими офицерами появляется немецкий биплан-разведчик «Хеншель-126». Пока он делает облет позиций дивизиона, личный состав прячется в укрытиях. Один из офицеров – младший лейтенант Гаранин – делает следующий («насмешливый»!) комментарий: «Через час немец проявит пленку и представит начальству доказательства наших «агрессивных» намерений... Подумать только, артиллерийские части проводят занятия даже в выходной день...» (там же, с. 25). Почему лейтенанту Гаранину пришла в голову лишь одна версия появления немецкого

самолета-разведчика: будто немцы **боятся** агрессивных намерений советских войск?..

После этого – в выходной! – офицеры отправляются верхом на рекогносцировку – «изучать маршруты движения к районам огневых позиций и наблюдательных пунктов батареи»: любопытно, что для дальнобойных 152-мм гаубиц они почему-то назначены всего лишь в четырех километрах от границы. А заодно – «попутно заниматься тренировкой в подготовке данных»: иными словами, вести «виртуальный» огонь по целям на германской территории. При этом Петров подчеркивает: «А я, пользуясь биноклем, рассматривал немецкую сторону». Практически на той же странице он замечает, что тем же занимаются и сами немцы: «Требования по маскировке были особенно строгими и вызывались тем, что немцы вели постоянное наблюдение за нашей территорией» (там же). Попутно артиллеристы спокойно и безнаказанно посылают подальше «заносчивых» пограничников, которые попробовали было привязаться к рекогносцировочной группе: они никогда не видели буссоли. О чем говорит этот красноречивый факт? Да о том, что в приграничье теперь новые хозяева – военные, а они НКВД не подчиняются (и, к слову, относятся к ним без особой симпатии).

Наконец, вновь прибывшего лейтенанта знакомят с различными вариантами планов на случай начала войны. Основных вариантов два: в первом случае дивизион выдвигается к границе, в район выжидания и ждет, когда ему укажут, какие – уже присмотренные в ходе вышеупомянутых рекогносцировок – боевые позиции занимать. Во втором – немцы прорывают укрепрайон, «обстановка не позволяет занимать **выжидательные** районы» и противника приходится встречать непосредственно вблизи монастыря. Какой из этих планов был приведен в действие ранним утром 22 июня?.. Давайте забежим вперед – на с. 82: пережив первый артобстрел и налет штурмовиков, 3-я батарея выдвигается в район выжидания. В назначенные им районы выжидания направились и остальные батареи дивизиона. **Ждать и отражать прорвавшихся немцев у монастыря никто не собирался** ... А спустя каких-то четыре часа после начала войны командир дивизиона сообщил, что **со вчерашнего дня** планы на случай войны существенно поменялись: теперь 92-й ОАД подчинялся не 15-му стрелковому корпусу, а «родной» 87-й стрелковой дивизии 27-го корпуса. Таким образом, «внезапное» немецкое нашествие привело к тому, что имевшиеся у командования 5-й ударной армии планы «обороны» **пошли наперекосяк и их понадобилось срочно менять** . Куда выдвинулся дивизион после получения приказа?.. К самой границе – на позицию в 15 километрах западнее от района выжидания. Там он и принял первый бой. К ночи 22 июня не осталось ни горючего, ни снарядов – большую часть орудий и тягачей пришлось бросить и отходить на восток. Говоря о предвоенных планах дивизиона, интересно отметить, что «во всех случаях командир батареи... не имел права открывать огонь» и что «едва ли не в каждом абзаце инструкция обращала внимание на склонность противника к провокациям и на те осложнения, которые могли повлечь за собой поспешные решения командиров»... (там же, с. 30). Подчеркнем, что то же самое требование – «не поддаваться на провокации» – красной чертой проходит практически через все инструкции и директивы командования РККА и РКВМФ накануне войны. И это при том, что, как прямо пишет Петров, «предполагалось, что началу боевых действий со стороны Германии будут предшествовать объявление войны и мобилизация» (там же, с. 60)... Зададимся вопросом: был ли хоть какой-то смысл в этом требовании? Мое честное мнение: если предполагать миролюбие СССР и агрессивные намерения Рейха, то никакого. В предыдущих подобных случаях агрессор – скажем, Германия 1 сентября 1939 года или Советский Союз 30 ноября 1939 года – так или иначе напали бы на Польшу или Финляндию. Ни полякам, ни финнам ничуть не помогли бы их сдержанность по отношению к «провоцирующим» агрессорам. А потому ни польской, ни финской армии подобных – абсолютно бессмысленных – приказов, инструкций и директив не давали. О предстоящих нападениях фашистских и советских захватчиков они догадывались и с какого-то момента практически открыто к ним готовились. И когда на них напали, то они – как могли и с разной степенью успеха и военной удачи – сражались со вторгнувшимися завоевателями с первой

минуты, не спрашивая вышестоящих начальников о том, можно ли им защищать свою страну и самих себя. Тут же признаюсь: я не верю и в приписываемую Сталину, Жукову и Тимошенко (которые и посылали в активно готовившиеся к войне войска подобные двусмысленные бумаги) глупость. В их действиях наверняка наблюдалась логика. Какая? По-моему, они просто боялись, чтобы горячие головы в их собственных вооруженных силах случайно не пальнули первыми по «герману» и не скомкали тем самым столь давно и тщательно подготавливаемое мероприятие.

19 июня 1941 года лейтенант Петров в составе еще одной рекогносцировочной группы выезжает на границу. Ее возглавляет начальник штаба артиллерии 87-й стрелковой дивизии капитан Букштейн. В составе группы – командиры батарей и их замы из многочисленных артиллерийских частей дивизионного, корпусного и армейского подчинения (тут и 212-й гаубичный артиллерийский полк, и 197-й легкий артполк, и 85-й отдельный противотанковый дивизион, в составе которых сотни орудий и минометов разных калибров). «Задача – изучение местности и уточнение вопросов взаимодействия артиллерии с пехотой и уровскими частями» (*частями Владимир-Волынского укрепрайона* . – Прим. Авт.). В ходе совещания выяснилось, что для каждой батареи расписаны районы сосредоточения, огневые рубежи вблизи границы и вероятные цели – в том числе и цели «непосредственно перед укреплениями» и «в глубине порядков противника» (там же, с. 54). Артиллеристы добросовестно, пользуясь специальными таблицами, высчитывали, сколько снарядов понадобится «для разрушения дотов» – понятно, что немецких, а не своих. Причем делать это, судя по всему, они собирались не только с закрытых позиций, но и «прямым выстрелом» – так, мол, потребовалось бы не несколько часов, а «10—15 минут» и «в двадцать раз меньше снарядов». Такая вот интересная подготовка к «обороне»! Отметим: речь шла уже не о «вероятном противнике». **Артиллеристам ставили конкретные задачи на поражение целей, находящихся на немецкой территории. Уверен: фактически в ходе рекогносцировки 19 июня обсуждались детали артподготовки и артсопровождения наступления 87-й стрелковой дивизии.** Предлагаю запомнить это на будущее – когда мы будем вести разговор о планах командования Красной Армии. Сам же автор признается: «Теперь, после войны, вызывают много толков вопросы, связанные с силами наших войск, дислоцировавшихся в пограничной полосе. Но тогда все, кто присутствовал на совещании у дота, верили в то, что наши части не только в состоянии отразить нападение противника, но и **перенести боевые действия на его территорию** ». В общем, то, что осмотренный ими во время совещания прекрасный бетонный ДОТ еще не был достроен и оснащен оружием, молодых офицеров нисколько не смущало: они не думали, что он понадобится... Историки часто недоумевают: почему СССР строил новые укрепрайоны «линии Молотова» прямо на новой границе? Напрашивается следующий ответ: лежавшая за пограничными реками земля уже тогда рассматривалась советскими генералами в качестве будущего **предполья** перед далеко не последней линией новых укрепрайонов – следующую, вполне возможно, строили бы уже на территории «освобожденного» Рейха...

Далее рекогносцировка принимает несколько неожиданный оборот: офицеры дивизиона спешились и ползком (!) отправились на саму границу (там же, с. 63). На той стороне Буга они увидели столь же напряженно тренировавшихся германских артиллеристов и пехотинцев. Во время тренировок по целеуказанию (вновь отметим: условные цели – на немецкой территории) у воды появилась конная группа немецких офицеров, рассматривавших в бинокли советский берег: они, очевидно, занимались тем же самым – осуществляли рекогносцировку. Правда, в отличие от советских артиллеристов, немцы уже не прятались. Старший из них, дав шпоры, загнал коня в воду. «Их вызывающее поведение, – пишет автор, – испортило настроение. Было неприятно и досадно, стесняла маскировка... Это же унижительно! И вдруг, повинуясь общему порыву, все поднялись. Наше внезапное появление вызвало среди немцев замешательство. Оставив бинокли, они смотрели на поле, где за минуту до этого не было никаких признаков жизни – и вот, как из-под земли, столько людей! Из укрытия слышался голос пограничника, призывавшего к соблюдению режима

(режима секретности . – Прим. авт.). Никто на него не обращал внимания... Коней! – крикнул капитан Корзинин. Коноводы выскочили на гребень. Пограничник ахнул и умолк. Такого он еще не видел!.. (еще бы! – Прим. авт.) Долго ехали молча. Было неприятно... Перед сумерками мы вернулись в монастырь. Дежурный по дивизиону, отдавая рапорт капитану Корзину, доложил о том, что звонил оперативный дежурный штаба 5-й армии (!) и спрашивал об инциденте на границе. В Луцке о нем стало известно через час!» (там же).

Я специально описал этот случай, чтобы проиллюстрировать психологическое состояние военных, находившихся на советско-германской границе в жарком июне 1941 года. Любопытно, что то же самое происходило и у немцев. Р. Ириархов в своей книге «Красная Армия в 1941 году» приводит донесение советских пограничников о том, как немецкие солдаты начертили на прибрежном песке слово «СССР» и перечеркнули его. Так проявлялось напряжение готовых к бою молодых людей – воспитанников гитлер-югенда и комсомола, которых уже с трудом сдерживали требования режима секретности. Кстати, о звонке дежурного из штаба армии: если бы не начавшаяся через двое суток война, этому делу был бы обязательно «дан ход», и виновных в нарушении наказали бы примерно и непременно. Поэтому и «было неприятно» Петрову и его переживавшим собственную юношескую несдержанность сослуживцам. В тогдашнем Советском Союзе сажали детей (вместе с родителями), фигурно напи савших в снегу слово «Сталин», подростков, не уследивших за колхозной лошадей (так, например, посадили на два года моего шестнадцатилетнего деда Петра), рабочих, уронивших по пьяному делу на демонстрации портрет вождя. В лагеря отправляли даже тех, кто позволял себе ругать Гитлера: один подобный приговор советскому дипломату был утвержден **уже в сентябре 1941 года** ! Думаете, у доблестных особистов дрогнула бы рука отправить на лесоповал десяток-другой молодых лейтенантов **за такое** ? Вспомним на секунду другого неосторожного лейтенанта-артиллериста – Солженицына...

Но продолжим: «Проценко и Дорошенко (*сослуживцы Петрова по дивизиону* . – Прим. авт.) обычно упоминали о настроениях людей, связанных с разговорами о войне. Слухи об этом ползли отовсюду. Они распространялись солдатами, принимающими участие в работе рекогносцировочных групп, местным населением, рабочими строительных батальонов. Наконец, мероприятия, проводимые в подразделениях, тоже наводили на размышления... В атмосфере нашего дивизиона чувствовались тревога, напряжение, неопределенность. Это была особая предвоенная фаза войны, ибо **в приграничной зоне мирное время истекло еще задолго до первого выстрела..** » Лучше не опишешь!

А теперь о последнем мирном дне – 21 июня. После обычных физзарядки, утреннего осмотра и завтрака, решив в ходе общения с другими офицерами, что «разговоры о войне перевалили за грань» и что «от них не отмахнуться», Петров направился за разъяснениями к непосредственному начальству – командиру батареи и политруку. Лейтенант Величко сказал ему буквально следующее: «В соответствии с указаниями, полученными вчера (20 июня . – Прим. авт.), запрещается разглашать и комментировать какие бы то ни было сведения о немецких войсках и все, что мы видим на рекогносцировках. Это служебные секреты. В ответах личному составу вы должны ссылаться только на официальные сообщения. Слухи есть слухи... Наши непосредственные задачи объявляются в приказах, а не в газетах. В настоящий момент дивизион находится в подчинении начальника артиллерии 15-го стрелкового корпуса. В соответствии с этим мы и действуем. **Если поступит приказ открыть огонь, мы выполним его, что бы в газетах ни писали ...**» (там же, с. 71). Видимо, Величко имел в виду знаменитое Сообщение (Заявление) ТАСС: его оно, как и танкиста Лелюшенко, с толку ничуть не сбilo. Ему вторит и замполит Шапира: «Указания, которыми мы руководствуемся, категорически запрещают всякие высказывания против немцев, тем более со стороны командиров и политработников. Наша задача – разъяснять это положение и предупреждать людей о недопустимости применения оружия без приказа свыше...» (там же). То есть, **с одной стороны, политруки вещают о скорой войне с Германией, а с другой – когда их шуганули за излишнее старание из Москвы –**

пытаются удерживать подопечных от случайных выстрелов . Тут в распоряжении батареи появился посыльный с приказом «свыше». Величко объявляет его: «Завтра (22 июня . – Прим. авт.) выходной день. Разрешается поездка к семьям. 25 июня дивизион выходит в лагерь...» **Неожиданно отменено бывшее в силе с апреля состояние боеготовности дивизиона** . Командиры собирают людей, чтобы развеять слухи о войне: «Может, из-за жары или усталости, но люди слушали меня без интереса...» (там же). Еще бы! Сколько можно голову морочить: «Юпитер – так Юпитер...» Об этом внезапном и загадочном снижении степени боевой готовности в некоторых приграничных частях (описанный эпизод – далеко не единичный) и о его возможной связи с таинственным диалогом на страницах газет нейтральных стран (который, как я думаю, был продолжен «очным порядком» в ходе секретных переговоров на территории все тех же нейтралов), происходившим накануне войны, более подробно говорится в другой моей книге – «Козырная карта Вождя». Пока же предлагаю запомнить этот странный случай...

Вечером тем артиллеристам, кто холост и не ехал к семьям в Луцк, предстояла пьянка с местными девушками-польками. Но до ужина еще далеко, и Петров делится следующими интересными наблюдениями: «Немцы, безусловно, располагали сведениями о дислокации и вооружении наших дивизионов, о командном и начальствующем составе, о складах боеприпасов, ресурсах и многом другом. *Корректировщик (немецкий самолет-корректировщик . – Прим. авт.)* ежедневно доставлял документальное подтверждение агентурных данных. Каких-либо мероприятий по дезинформации у нас не проводилось. Скрыть же орудия, машины и личный состав, образно говоря, спрятать артиллерийский дивизион в сейф практически невозможно. Наши специальные учреждения, вероятно, располагали данными о немецких войсках (*разумеется, иначе не было бы и тренировок по целеуказанию на немецкой территории . – Прим. авт.*), которые добывались вышеупомянутым путем (*с помощью агентов, маскирующихся под гражданских жителей . – Прим. авт.*)...» (там же). Скоро появился вновь назначенный командир дивизиона майор Фарафонов (надо понимать, его предшественника забрали на повышение – командовать очередным вновь созданным артполком или артиллерией еще одного стрелкового или механизированного корпуса), который объявил, что **«дивизион должен быть готовым к выполнению любого приказа командования ...»** и что 25 июня предстоит погрузка в эшелоны и передислокация для стрельб на Повурском полигоне (*в районе соседнего Ковеля . – Прим. авт.*). После чего майор откланялся и направился в городской ресторан. Последний мирный вечер, у монастыря играет военный оркестр. И вдруг «...по дороге со стороны Хотячева появилась колонна. Запыленные пехотинцы шагали бодро... Пехотинцы дорожили своим именем, об этом можно было судить по их выправке. Мы смотрели на мерно покачивающиеся шеренги...» (там же). Можно смело делать вывод: вплотную к государственной границе – на исходные рубежи для «обороны» – подошла еще одна кадровая пехотная часть... Но вот настало время ужина, и появляются очаровательные девушки-польки. Одна из них объявляет: **«Завтра начнется война ... Езус Мария!»** (там же).

Я специально посвятил столь много места описанию Петровым последних мирных дней, а потом и часов на советско-германской границе. По моему мнению, оно напоминает романы Кафки: все знают, что вот-вот начнется война, что неожиданно объявленный выходной, похоже, будет последним, и... спокойно ложатся спать... Но мы еще вернемся к Петрову, когда речь пойдет о первых часах начавшегося вторжения.

Слово однополчанам

Теперь приведем свидетельство еще одного артиллериста – капитана **Николая Осокина** . Вот что поведал человек, бывший перед войной командиром базировавшегося в Литве 4-го дивизиона 270-го корпусного артполка 16-го стрелкового корпуса 11-й армии Прибалтийского Особого военного округа: «Приближалась война. Это чувствовали многие

из нас. И нам казалось, что это хорошо понимали и наши начальники. Немало тому было подтверждений. **Прежде всего много говорилось и делалось по вопросам боевой готовности.** Помню такое большое мероприятие, как выезд на рекогносцировку боевых порядков в непосредственной близости от границы (*дивизион Осокина в это время находился в летнем лагере Казла-Руда (Козлово Руда* . – Прим. авт.) в 40 километрах от Каунаса). Это было **в конце мая 1941 года** . Мы провели ее серьезно, ответственно. Руководили рекогносцировкой командир полка и штаб полка. Все командиры дивизионов и батарей были вывезены из лагеря в Казла-Руда к границе, ознакомлены с расположением огневых позиций своих подразделений, командиры батарей даже забили колышки, указывавшие место для установки 1-го орудия каждой батареи. Оставалось провести топопривязку и инженерное оборудование боевых позиций. На мой взгляд, именно тогда полку следовало занять огневые позиции (ОП) и наблюдательные пункты (НП) возле границы. Вот тогда бы мы крепче встретили фашистских агрессоров 22 июня! Но этому помешала установка не давать немцам повода обвинить нас в невыполнении условий пакта о ненападении» (**А. Драбкин** , сборник «Огневой вал», с. 36).

Отметим, что за каких-то полтора предвоенных года не принимавший участия в Зимней войне Осокин был дважды повышен в должности – сначала до заместителя командира артдивизиона, затем – до командира дивизиона. Готовилось и очередное повышение – на заместителя командира полка. И происходило это не из-за того, что его начальников пересажали. Пик репрессий давно прошел: обвиненных в связях со всевозможными разведками командиров (включая и упоминавшихся выше Горбатова с Рокоссовским) освобождали и, наскоро подлечив, подкормив и вернув прежние звания, отправляли обратно в армию. Их – этих «вдруг» выпущенных кадровых офицеров – обычно можно узнать по старым званиям – «комбриг», «комдив» и т. д. Дело заключалось в том, что в 1940—1941 годах в Красной Армии были сформированы десятки новых артполков и сотни артдивизионов. Так, по словам российского историка **А.Б. Широкограда** , «к началу войны план мобилизационного развертывания корпусной артиллерии был в основном реализован, т. е. число корпусных артиллерийских полков было доведено до 94» («Гений советской артиллерии», с. 176). Если учесть, что еще в 1940 году их число составляло «всего лишь» 72, то это значит, что в первой половине 1941 года были созданы 22 новых корпусных артполка – или 66 дивизионов. А ведь к июню 1941 года по второму артполку добавилось и в большинстве стрелковых дивизий – а их в Красной Армии на эту дату насчитывалось аж 198. По максимуму – это 594 новых артдивизионов. Плюс артполки вновь формируемых мехкорпусов... Не забудем и 19 новых полков АРГК (тяжелые и сверхтяжелые пушки и гаубицы): их число в начале 1941 года выросло с 55 до 74... В общем, начальники Осокина и Петрова не сгнули на Колыме, а пошли на повышение – командовать новыми полками и артиллерией вновь созданных стрелковых и механизированных корпусов. Скажем, командир 270-го артполка майор Плеганский, прощаясь в конце мая с подчиненными, объявил личному составу, что его назначили в штаб недавно сформированного литовского стрелкового корпуса (надо понимать, 22-го или 24-го: они входили в состав тоже только что созданной в обстановке полной секретности 27-й армии Берзарина).

Прошу также обратить внимание на то, сколь похожи действия советских артиллеристов, находившихся в разных приграничных округах. И в Прибалтике, и на Западной Украине они занимались одним и тем же: «серьезно», «ответственно» и очень скрытно рассматривали германские боевые порядки по ту сторону границы, готовились к скорой переброске своих частей практически к пограничным столбам и боялись «вспугнуть» немцев слишком уж вызывающими действиями. Говоря о последнем, нельзя забывать, что тяжелый артполк – грозная сила, дальнобойные орудия которого предназначены для «работы» по целям в глубине боевых порядков противника. Из 122-мм пушек обычно не стреляют прямой наводкой: их цели находятся в 10—15 километрах за передовой. Артиллерия корпусного подчинения действует не абы где, а там, где корпус – будь он стрелковый или механизированный – собирается выполнять главную боевую задачу (или где

создается критическая ситуация). Несколько таких полков, собранных вместе – сила огромная. Из рассказа Осокина понятно: вот-вот придет час, когда десятки тяжелых орудий в сжатые сроки окажутся на сравнительно небольшой площадке в непосредственной близости от границы (вновь подчеркнем – чтобы стрелять по целям в глубине германской территории). Тут-то и пригодились бы заранее забитые колышки, заботливо показывающие, куда сравнительно быстро – пока не взошло солнце и немцы не забили тревогу – ставить каждую из многочисленных корпусных батарей. Попутно постараемся не забыть и еще один важный штрих: «около ста тяжелых орудий и больше сотни тракторов и прицепов (боевая техника двух арtpолков) было вытянуто в ровные линии на огромной площадке парка матчасти» (там же). Иными словами, как и в случае дивизиона лейтенанта Петрова на Западной Украине, перед нами две полностью укомплектованных артиллерийских части – боеготовых, оснащенных орудиями и транспортными средствами.

«18 июня , – продолжает Осокин, – поступил приказ: *«Убрать в леса (вновь тот же приказ – «из леса в лес» – отданный в одно и то же время во всех округах! – Прим. авт.) и тщательно замаскировать всю матчасть артиллерии и средства тяги. Мы с радостью (!) выполнили этот приказ. В ночь с 18 на 19 июня орудия были сцеплены с тракторами, колонна полка отъехала на полкилометра в лес от прежнего места стоянки, там остались лишь один прицеп и одна неисправная машина ГАЗ-ФФ (в первые же часы войны они были разбомблены). За неделю до войны выдали нам боевые секретные противогазы, медальоны (черные пластмассовые свинчивающиеся трубочки), в которые следовало вложить бумажку со своим званием, фамилией, именем и отчеством. Были ограничены отпуска офицеров, увольнения личного состава»* (там же, с. 35). В этот день похожий приказ получили и в других корпусных артиллерийских частях Прибалтийского Особого военного округа. Р. Иринархов в своей книге «Красная Армия в 1941 году», ссылаясь на журнал «Военно-исторический архив» (2003, №1, с. 145), приводит свидетельство М.И. Новочихина, бывшего в 1941 году красноармейцем другого – 47-го – корпусного артиллерийского полка: **«18 июня 1941 года** , в 12 часов, на полигон прибыл оперативный дежурный по лагерям и объявил боевую тревогу. Всем частям было приказано срочно явиться в места летней дислокации. По прибытии в летний лагерь... объявили, что **в ближайшие дни, а то и часы начнется война** ... На железнодорожную станцию Лиласте подали составы-порожняки для погрузки техники и людей... Все было погружено в четырнадцать эшелонов. В 16.00 эшелоны двинулись, в 17.00 прошли Ригу. Эшелоны шли без маскировки по направлению **к границе с Восточной Пруссией** . **Утром 21 июня полк выгрузился и двинулся к границе** » (с. 407). Уж и не знаю, с «радостью» ли выполняли этот приказ артиллеристы 47-го арtpолка, но описанные М. Новочихиным события, происходившие в самый канун войны, дают все основания полагать, что нападение немцев не должно было оказаться для них внезапным.

Капитан Осокин резюмирует: «Все-таки немало было сделано для повышения боевой готовности в последние дни перед войной. Наверное, и еще были приняты какие-то меры, о которых мы не знали. В те дни наши жены часто рассказывали о разговорах с ними каунаских женщин в очередях в магазинах (*появившиеся в «освобожденной» Прибалтике очереди – верный признак победы социализма* . – Прим. авт.):

– Пани, уезжайте, скоро начнется война...

Некоторые при этом называли сроки, которые оказались весьма близкими к действительности (15 июня, 20 июня). Обо всем этом мы докладывали по команде» (сборник «Огневой вал», с. 36). Таким образом, не только на Украине, но и здесь – в Литве – недавно приобщенные к большевистскому раю новоиспеченные советские граждане знали о сроках неминуемого начала войны. А в Москве не знали? А как же тогда упомянутые доклады «наверх»?.. «Признаков надвигающейся войны в те дни было больше чем достаточно, – подчеркивает командир дивизиона, – однако на совещаниях комсостава полка, лекциях, политзанятиях говорилось о нашей силе, необходимости выдержки. О том, что воевать мы будем «малой кровью» на чужой территории, если враг посмеет вдруг (!) на нас напасть, часто упоминался Пакт о ненападении с Германией. Советские люди не хотели войны,

делали все, чтобы ее избежать» (там же).

А вот еще одна подробность, в точности повторяющая предвоенные будни артиллеристов в Киевском Особом военном округе: **«21 июня 1941 года**, получив разрешение своего непосредственного начальника, нового (!) командира полка майора Попова, и оставив за себя начальника штаба дивизиона, я выехал из полкового лагеря в Казлу-Руда поездом в Каунас **на выходной день**. Почти месяц не виделся я со своей семьей...» (там же, с. 37). Несмотря на то, что в скором начале войны никто уже особенно и не сомневался, когда ночью с 21 на 22 июня Осокин проснулся в супружеской постели от мощных взрывов, то подумал: «Строители где-то взрывают». И... «мы снова спокойно заснули». Вот те на! Его солдаты прячут орудия в лесах, сам он изъездил всю границу, рассматривая будущие огневые позиции, получил и подготовил личный «могильный» медальон, а когда пришла беда, то «спокойно уснул» вместе с супругой. Даже когда его уже вызвали в штаб полка посыльным, он все думал: «учебная тревога»... Узнав о войне, Осокин ничуть не испугался и даже нашел время зайти домой к лапушке-жене: «Не беспокойся, все будет хорошо. Мы, конечно, отбросим немцев за границу». Вновь они встретились лишь в январе 1944 года... Чем вы, читатель, объяснили бы это непонятное спокойствие? Это странное нежелание верить в нападение Германии, хотя скорой войны – по его же словам – все напряженно ждали? Или в его голове просто не укладывалось, что война начнется именно таким образом? **Что не немцы должны были ее начать...**

Составитель сборника Артем Драбкин предоставил нам редкую возможность – поместил в одной книге воспоминания нескольких однополчан, отражающих одно и то же время, но с несколько разных позиций – у них были различные звания, должности, жизненный опыт и степень информированности. **Иван Зеков** накануне войны был молодым лейтенантом (как и вышеупомянутый Петров на Украине), которого только что досрочно (!) выпустили из Смоленского артучилища и назначили на должность командира разведвзвода в дивизионе уже знакомого нам Н. Осокина. Его воспоминания интересны прежде всего своей непосредственностью и живостью. Тут и притворявшийся («с хвастливой ноткой в голосе») евреем советский немец старший лейтенант Брандт: это, пожалуй, единственный случай подобного притворства, о котором я слышал. В нем юный, но бдительный Зеков тут же раскусил фашистского лазутчика: видно, начитался в юности завлекательных книжек Аркадия Гайдара. Впрочем, несмотря на «улики», никто и не подумал обезвредить «шпиона» до начала войны. Уже после нападения немцев бедного рыжего Брандта поставил к стенке заградотряд НКВД, пытавшийся, видимо, придать всеобщему драпу хоть сколь-нибудь организованный характер.

Рассказывает сибиряк Зеков и о романе с пятнадцатилетней литовской девушкой по имени Маритя. Честно говоря, сразу и не поймешь, за что ее отец – суровый работяга Пятрас – турнул советского офицера с квартиры: то ли за «шуры-муры» с несовершеннолетней дочкой, то ли действительно из-за обиды на большевиков. Отметим попутно, что с приходом «народной власти» в новоявленной советской республике поднялись цены, появились очереди, а вместо твердого лата Пятрасу и прочим «освобожденным» всучили совковые «рупии». Честно говоря, плохо верится в то, что литовцы относились к Красной Армии с плохо скрываемой неприязнью лишь из-за нашептываний постоянно упоминаемых Зековым зловерных ксендзов... С другой стороны, выясняется, что и Советская власть относилась к своим новым гражданам с очевидным недоверием: «К тому же, – поясняет Зеков свое смущение, когда ему посреди белого дня бросается на шею юная Маритя, – общение с местными женщинами строго осуждалось командованием, и особенно политработниками, из-за боязни разглашения военной тайны». Оставляя за скобками действенность подобных запретов (подозреваю, что и красноармейцы, и сами местные женщины плевать хотели на политруков с их осуждением), нельзя не задать вполне логичный вопрос: какую такую военную тайну пытались блюсти недремлющие комиссары?..

Воспоминания лейтенанта Зекова позволяют составить несколько более полную картину предвоенных будней 270-го артполка. Так, выясняется, что «в лагерях», возникших

в лесу «словно по волшебству» (угадайте, как звали сидевших в Кремле волшебников!) в соседях числился не только еще один корпусной артполк: «К этому времени (*прим. автора: в конце мая 1941 года*) здесь уже стояло около десятка частей различных родов войск. Лагерь растянулся цепочкой на несколько километров. Должной маскировки почему-то не было. Танки, пушки, автомобили стояли открыто на ровных, посыпанных песком линейках. С воздуха можно было определить, сколько и какие части находятся тут» (там же, с. 209). Для информации: по моим данным, соседями артиллеристов вполне могли быть 188-я стрелковая дивизия 16-го стрелкового корпуса и 28-я танковая дивизия 12-го мехкорпуса. Именно в последней, напомним, служил до перевода на Украину цитированный выше В.М. Шатилов. По словам Зекова, уже тогда – в конце мая – всю эту армаду зафиксировал немецкий двухфюзеляжный самолет-разведчик – «рама». Интересно, какие выводы немцы делали после подобных полетов?.. Ведь похожая картина наблюдалась на всем протяжении советско-германской границы (вспомните описания многочисленных соседей дивизиона Петрова в западно-украинских лесах). И весьма напоминала ту, что имела место по обратную сторону пограничного кордона: **у готовившихся к нападению немцев происходило то же самое** ! И летавшие над ними советские самолеты-разведчики они тоже почему-то не сбивали. Чтобы не быть голословным, тут же приведу свидетельство убежденного противника Резуна-Суворова – историка **Д. Хазанова** . Тот решил посетовать на то, что советские авиаторы в Прибалтике **слишком мало летали над чужой территорией** : «...Очень скупую информацию имели наши авиаторы и о немецких авиабазах. Можно отметить лишь несколько успешных полетов экипажей Як-4 из 314-го разведывательного авиаполка над Восточной Пруссией (**выполненных до вторжения нацистов** и в первые дни войны), когда стартовавшие по тревоге дежурные патрули «мессершмиттов» не смогли перехватить скоростных разведчиков...» («Сталинские соколы против Люфтваффе», с. 151). Но об этой удивительной симметрии практически во всех действиях Вермахта и РККА накануне войны мы еще поговорим отдельно в другой работе цикла «Большая война Сталина».

Делится лейтенант Зеков и некоторыми интересными подробностями упомянутой Осокиным рекогносцировки: «Вскоре командиры дивизионов, батарей и взводов разведки в сопровождении помощника начальника погранзаставы выехали на рекогносцировку местности вблизи границы с Восточной Пруссией. Наметили места под огневые позиции на случай войны. Отсюда, – простодушно делится Зеков, – наши пушки могли простреливать вражескую территорию на глубину до 12—15 километров» (там же, с. 209).

Еще раз подчеркну: выходит, что тяжелая корпусная артиллерия планировала в ближайшее время вести огонь по целям **в глубине германской территории** . А это, заметим, не очень сочетается с выполнением задач оборонительного характера. Предлагаю также вспомнить Западную Украину: там тяжелые 152-мм гаубицы тоже планировали ставить чуть ли не в зоне «прямого выстрела» – для поражения немецких дотов на немецкой же территории... «Затем, – продолжает Зеков, – поехали дальше. У самой границы начали выбирать подходящие точки под наблюдательные пункты и штабы (!) . Заметных высот тут не было, и через сплошные кустарники и перелески невозможно было просматривать прусскую (!) местность. Пришлось искать точки для наблюдения на вершинах деревьев» (там же). Становятся понятными слова его непосредственного начальника – Осокина, подчеркивавшего то, насколько «серьезно» была проведена описываемая рекогносцировка: «Легко лазал по деревьям и Осокин. Ему было тогда 32—33 года. Он хорошо был подготовлен физически. К концу дня мы все-таки нашли места под наблюдательные пункты» (там же). Я понял сказанное таким образом: весь день десятки советских офицеров-артиллеристов под пристальным взглядом командира полка, уподобляясь обезьянам, лазали по деревьям, чтобы получше подсмотреть, что происходит в глубине чужой страны. По счастью, некоторые деревья все же оказались достаточно высокими, и с них можно было просматривать «прусскую территорию». Напомним рассказ Петрова: на Украине происходило то же самое. С той лишь разницей, что там советским офицерам-артиллеристам пришлось не

лазать по деревьям, а ползать в траве. Но действительно поразило меня другое признание Зекова: о том, что здесь – прямо на границе – уже подыскивали место для штабов полка и дивизионов. Что это значит? А то, что сам арtpолк с началом войны не собирался оставаться возле Каунаса, хотя это было бы вполне логично: дальнoбойные орудия могли издалека разносить в пух и прах немецкие механизированные колонны на заранее пристрелянных узких лесных дорогах. Нет, по планам советского командования (которые, замечу, совпали с планами дивизиона Петрова на Украине) с тяжелыми пушками должны были поступить прямо противоположным образом – к началу военных действий корпусная часть усиления намеревалась находиться на границе и вести огонь по немецкой территории. Сразу заметим, что именно так 270-й полк (а заодно и многие другие – и не только в Прибалтике) и поступил. Когда началась война и командиры распечатали «красные пакеты», тягачи вылезли из лесов и потянули орудия к границе. Чтобы спустя некоторое время – когда стало понятно, что война началась не так, как планировали – тянуть их уже в обратном направлении и добраться до собственных, покинутых ровно сутки назад лагерей в полубоморочном состоянии от усталости и немецких бомбежек, не достигнув особых боевых успехов.

А вот еще одна показательная сцена – прощание бывшего командира полка майора Плеганского – очередного советского офицера, отправляющегося в конце мая 1941 года на повышение:

«Нет ли у кого вопросов ко мне? – подавив волнение, спросил он (*прощавшийся бывший командир полка* . – Прим. авт.).

Кто-то выкрикнул из строя:

– Когда начнется война?

Майор комично (!) развел длинными руками:

– Солдат должен быть готовым к бою в любую минуту.

– А пушки-то наши, – прозвучал тот же голос, – на песчаной линеечке, как на пляже загорают, а им бы сейчас поближе к границе на боевых позициях дежурить на всякий случай.

Плеганский явно стушевался (!) перед справедливым замечанием солдата. Поддержать его гласно он не имел права, отвергнуть же не позволяла совесть.

– Мы подчиняемся высшему командованию, – немного витиевато начал он, – в верхах такую проблему изучают (!) . **Может, совсем скоро наши пушки займут позиции, отвечающие обстановке .**

– А когда наконец подвезут снаряды из Каунаса? – спросили сразу несколько голосов.

– Ребята, – как-то по-домашнему сказал майор, – мы же с вами не на военном совете. Мы только прощаемся...» (там же, с. 213).

Предлагаю проанализировать эту во многом примечательную сцену. Прежде всего будем исходить из того, что бывший лейтенант Зеков рассказал правду и что описанное им грубое нарушение воинской дисциплины действительно имело место. Всякий, служивший в армии – безразлично какой! – прекрасно знает: командиру полка (в том числе и уходящему на повышение) перед строем части подобные вопросы в нормальной ситуации солдаты задавать не могут. Или, по крайней мере, не могут без серьезных для себя последствий – вроде многодневной чистки выгребных ям, отмывания походных кухонь или кое-чего похуже – скажем, общения с особым отделом. Сам факт прилюдного задавания подобных вопросов и «комичные» или «витиеватые» ответы на них обычно «строгого» и «собранного» майора Плеганского свидетельствуют о том, что все участники описанного «прощального» построения (а их, надо понимать, были многие сотни) знали, о чем идет речь. О том, что всех уже достало сидеть в лесу. О том, что логичным завершением и неминуемым итогом этого лесного сидения должна стать война. О том, что все присутствовавшие, будь на то их воля, давно бы уже получили снаряды и двинули к границе – громить «германа» с позиций, заранее помеченных колышками. Как и в случае на Украине, описанном лейтенантом Петровым, у молодых здоровых мужчин, с апреля ждущих Большой войны, постепенно росло желание эту самую войну поскорее начать. А параллельно росту этого желания падала

и дисциплина. И точно так же любой служивший в армии на командной должности знает: в такой ситуации с подчиненными, сознательно доведенными до подобного состояния каждодневным науськиванием политруков и самих же командиров, обращаться надо очень осторожно. Потому что **в действующей армии – в отличие от армии мирного времени – свои законы**. В мирное время, если бы полк действительно находился в «летних лагерях», после первого же вопроса старший офицер не стал бы «комично» разводить руками и «витиевато» искать уклончивые ответы. Нет, он вызвал бы задавшего вопрос из строя и назначил бы ему соответствующее наказание – чтобы тому, очумевшему от жары, впредь неповадно было указывать начальству, где должен находиться его полк и когда должны подвезти боеприпасы. Если же в кадровой части Красной Армии (дисциплина в которой, замечу, была повыше, чем в Советской Армии образца 80-х, в которой пришлось служить вашему покорному слуге) безнаказанно происходили подобные «митинги», то следует признать: товарищи Сталин, Жуков и Тимошенко вполне справедливо опасались, что у кого-то из миллионов людей в защитных гимнастерках, сидящих в приграничных лесах, могут не выдержать нервы. И что это может привести к преждевременному началу столь долго и тщательно готовившейся ими «крупной операции». Когда новоиспеченный лейтенант Зеков пристаёт к командиру дивизиона Осокину с предложениями вроде того, что «надо написать товарищу Сталину» – чтобы тот разрешил установить тяжелые орудия прямо на границе и подвезти к ним снаряды, а тот, вместо того чтобы поставить забывшегося подчиненного на место, с «мягкой иронией», по-отечески, отвечает: «У тебя, кажется, не хватает одной рекомендации в партию?» и хвалит за «самоконтроль» (!), то становится ясно, что стараниями командиров и политработников к лету 1941 года Красная Армия в морально-психологическом плане была подобна сжатой пружине. И что долго ее – как и любую другую, изготовившуюся к войне армию – в таком состоянии держать было просто невозможно. О том же, кстати, задолго до описываемых событий предупреждал в своих трудах и любимый военный теоретик И.В. Сталина – Б.М. Шапошников.

Зеков пишет о первом дне войны, когда согласно довоенным планам дивизион добрался до границы, а он вновь залез на сосну – разглядывать «прусскую территорию» (там же, с. 224): «Мне хорошо была видна стреляющая батарея немцев. Ее обнаружили мои разведчики еще несколько дней назад, когда фашисты начинали ставить пушки. Я тогда взял под сомнение достоверность этой цели. Думал, гитлеровцы ставят макеты орудий для отвода глаз. Ведь, по логике вещей, какой дурак будет ставить батарею в дневное время под носом у противника?» Зекову, кажется, даже в голову не приходит, что, когда он приставал к непосредственному начальнику и настаивал на том, чтобы двинуть на границу не батарею, а целый тяжелый артполк, то он предлагал такую же (вернее, несколько большую по масштабам) дурость, в которой сам же недоуменно обвиняет немцев. Попутно в очередной раз заметим, что последние давно – задолго до начала войны – превратились в «противника» без обычного добавления прилагательного «потенциальный». В общем, снаряды должны были подвезти тогда, когда до их применения оставались бы считанные дни. Поэтому-то машины за боеприпасами на окружные склады в Каунасе послали не в мае, а 21 июня (одновременно с объявлением выходного!). Причем нет никаких упоминаний о том, что это было сделано в ответ на немецкие приготовления: просто пришла пора действовать по заранее утвержденному плану...

Последняя деталь: за несколько дней до начала войны к Зекову в «лагерь» в сопровождении бдительного папы Пятраса приехала влюбленная в него Маритя. Вот что сказала ему юная литовка: «Слушай, Петер. **Двадцать два июнь – война будет. Гитлер рано утра граница перейдет**. Бить ваша армия будет... Кто тебе сказал про войну? – задает резонный вопрос Зеков. – **Все наши литовец говорят. Разговор тихо идет**». Помните лейтенанта Петрова на Западной Украине? И как его предупреждала польская девушка?..

А вот еще один советский лейтенант, тоже узнавший о дате начала войны от только что «освобожденных» местных жителей – будущий советский летчик-ас **А.И. Покрышкин**. Накануне войны легендарный пилот-истребитель находился в Бессарабии. Туда он попал за

год до этого, в ходе бескровной аннексии солидного куска румынской территории: «Мы, – пишет знаменитый летчик, – тогда готовились к воздушным боям, а все кончилось очень мирно: наш полк в парадном строю перелетел через границу и приземлился на аэродроме в Бельцах» («Небо войны», с. 3). В мае 1941 года полк получил новейшие истребители МиГ-3, и Покрышкин, одним из первых пересевший с «ишака» И-16 на быстро полюбившуюся ему скоростную машину, с начала июня занимается перегонкой новеньких «мигов» на полевой аэродром в Маяках – **поближе к границе**. Живет он у старого еврея-лавочника, с которым ведутся, между прочим, разговоры следующего содержания: «О, Букурешт! – хвалит румынскую столицу старик. – Увидели бы вы, какой это город!». «Когда-нибудь увижу», – «убежденно» отвечает ему Покрышкин. После чего «хозяин широко раскрыл глаза, ожидая, что я скажу дальше. Надо было менять тему разговора» (там же, с. 10). Незадолго до начала войны хозяин сообщает офицеру-квартиранту следующее: «Послушайте, на этой неделе Германия нападет на Советский Союз». Покрышкину пришлось «изобразить на лице безразличие к его сообщению» и «назвать эти слухи провокационными». Но старик не унимался: «Это не слухи! Какие слухи, если из Румынии люди бегут от фашиста Антонеску. Они все видят. Армия Гитлера стоит по ту сторону Прута, и пушки нацелены на вас!» (там же, с. 19).

Из этих трех очень похожих историй видно, что **на всем протяжении советско-германской границы практически всем было прекрасно известно как о немецких приготовлениях, так и о вполне реальных датах (и даже времени!) их нападения**. Понятно, что Петров, Зеков и Покрышкин – не единственные лейтенанты Красной Армии, которые знали о сроках начала «внезапной» войны. И знали не хуже, чем ответственные товарищи в Кремле и наркоматах. В общем – сплошной Кафка...

Теперь перейдем к воспоминаниям старшего лейтенанта **Петра Сахненко**, бывшего накануне войны командиром батареи все в том же 270-м артполку: «Чувствовали ли мы, офицеры полка, угрозу нападения со стороны фашистской Германии? Да, чувствовали» («Огневой вал», с. 330). Интересно, что командир дивизиона Осокин, который тоже вроде бы должен был чувствовать приближение военной грозы в той же степени, что и Сахненко, когда война началась, о нападении немцев даже не подумал, а «спокойно уснул» и даже после вызова в штаб – под грохот разрывов! – считал происходящее «учебной тревогой». Ну да ладно: чего не напутаешь спустя десятки лет после тех или иных событий... Скажем, Осокин писал, что «большая» рекогносцировка (та, что с лазаньем по деревьям) происходила в конце мая, Сахненко же говорит о «между **10-м и 15-м** числами июня» – то есть примерно о тех же датах, что и в случае «большой» рекогносцировки с участием лейтенанта Петрова на Украине. В те же дни, напомним, происходили и рекогносцировки с участием командиров механизированных частей и соединений. Впрочем, вполне возможно, что подобных «прогулок» с участием «всех командиров батарей, дивизионов и штабников» было несколько. Так или иначе, все они проходили «в строжайшей тайне». Есть и другие несостыковки по датам: «по Осокину», матчасть полка отправилась «в леса» 18 июня, а «по Сахненко», это произошло 19 июня – якобы после разгона за плохую маскировку, устроенного заместителем командующего армией, прибывшего с инспекцией (как будто раньше было непонятно, что ставить технику рядами на виду у всех – плохая идея!). Да и за снарядами командиры батарей послали машины в Каунас не 21 июня – «по Зекову», а еще 20-го – «по Сахненко». Впрочем, путаница в датах может объясняться весьма просто: описанные мероприятия происходили **ночью – когда один день плавно переходил в следующий**.

«Но понимали ли мы, – пишет далее Сахненко, – что находимся накануне рокового дня – начала самой грандиозной войны в истории всех времен? Нет, пожалуй, не понимали. Предчувствуя приближение войны, мы не думали о **таком (!)** ее неожиданном начале. Мы верили в высшую бдительность нашего государства, партии, ее Центрального Комитета, И.В. Сталина... Никто не сомневался в том, что **до начала боевых действий нас своевременно выведут в район боевых порядков, что до начала боевых действий мы будем**

обеспечены боеприпасами, горючим, средствами связи, пополнимся людьми и отработаем взаимодействие с войсками ... К сожалению, события развивались в ином плане...» (там же, с. 331). Прежде всего отметим, что он практически слово в слово повторил ожидания по поводу «организованного» начала войны, господствовавшие в дивизионе лейтенанта Петрова на Украине. Интересно также и то, что, с одной стороны, комбат Сахненко «чувствовал» угрозу немецкого нападения и даже, повинувшись долгожданному приказу начальства, 20 июня послал машину за снарядами. С другой же – он почему-то считал, что фашистская Германия нападет исключительно после того, как его артполк – ведомый Центральным Комитетом партии большевиков – займет отмеченные колышками позиции и обо всем договорится с пехотой, танкистами и летчиками... Откуда вновь эта наивная уверенность в «джентельменском» поведении немцев, которые должны были терпеливо дожидаться, пока Красная Армия развернется для их встречи?..

Судите сами: «Солдаты, сержанты, офицеры действуют успешно, без излишней суетливости, но на лице у каждого застыло выражение недоумения...» И это при том, что, как пишет сослуживец Сахненко Зеков на с. 222 сборника А. Драбкина, солдаты «вот уже месяц жили в ожидании роковой минуты». Чего недоумевать-то?! Все «чувствовали» угрозу, уже месяц спали вполуха вместе с переведенными на казарменное положение командирами, а местные жители называли конкретные даты начала германского нашествия... Надо воевать! Делать то, к чему готовились многие годы – защищать Родину! Но нет: на лицах застыло «недоумение»... А помните «боль» и «непонимание» в глазах подчиненных командира противотанковой артбригады Москаленко на Западной Украине? Они – из той же серии, что и «ошеломленные» генерал Ротмистров и адмирал Кузнецов. Уверен: ударь Красная Армия первой, и точно такие же «недоумение» и «боль» появились бы в глазах солдат Вермахта («*Warum?*...») ...

Старший лейтенант Сахненко рассказывает, что после известного Заявления ТАСС, опубликованного в СССР 14 июня 1941 года, к ним в часть из самой Москвы приехал лектор-международник. «Своей лекцией для офицеров, – вспоминает командир батареи, – он убедил заместителя командира полка по политической части подполковника Островского в том, что непосредственной угрозы войны нет, и убедил, видимо, в такой степени, что тот, вернувшись в расположение части (*видимо, лекцию читали офицерам сразу нескольких частей – с целью большего «охвата»* . – Прим. авт.), приказал снять наиболее острые антифашистские лозунги и карикатуры.

– Снять, снять, снять. Рано пока (!) ... Снять, снять.

Я в это время дежурил по полку и, сопровождая подполковника по лагерю, отлично запомнил его указания... Его указания снять лишнее (!) ... пока (!) лишнее, нас успокаивало и как бы снимало психологическую напряженность. А указания командира дивизиона о повышении готовности мы воспринимали как должное...» (там же, с. 332). Поразительные факты! Несмотря на то, что уголовную ответственность за антигерманскую пропаганду в СССР пока никто официально не отменял, накануне войны расположение советского артполка стараниями очередного политрука было буквально увешано антифашистскими плакатами и карикатурами на Гитлера – Геринга – Геббельса! То-то офицеры помоложе требуют выдвигаться к границе, а солдаты просят быстрее подвезти снаряды! Все дело в том, что, получив (как и замполит Юрия Никулина в начале апреля 1941 года) соответствующие указания от политического руководства РККА, подполковник Островский отработал новую задачу «по полной» – да так, что 20 июня «угрюмый» генерал из штаба округа был вынужден опровергать слухи о том, что Гитлер начнет войну в воскресенье (!) , **разрешил командирам посетить семьи** (прямо как в описанных Петровым событиях на Украине!) и... приказал сдать прицелы орудий «для проверки» в Ригу... Впрочем, командир полка это распоряжение проигнорировал – и, разумеется, правильно сделал.

Похожую историю, случившуюся в последние предвоенные дни, рассказывает и флотоводец адмирал Н.Г. Кузнецов: «Выехала на Черное море и группа работников Главного управления политпропаганды во главе с бригадным комиссаром И.И. Азаровым. Он

получил инструкцию говорить политработникам прямо: на случай нападения Германии приводится в готовность оружие. Впоследствии И.И. Азаров рассказывал мне, в каком сложном положении он оказался. Выступая перед личным составом крейсера «Красный Кавказ», он говорил о возможности конфликта с гитлеровской Германией и призывал людей быть бдительными» («Накануне», с. 294). Напомню, что со своими призывами к бдительности бригадный комиссар взывал к морякам во время совместных учений Черноморского флота с войсками Одесского округа, в ходе которых отрабатывалась высадка указанных войск (9-го стрелкового корпуса Батова) в Румынии.

«А через два дня, – продолжает Кузнецов свой рассказ о злоключениях комиссара, – на корабле приняли сообщение ТАСС от 14 июня, категорически отвергавшее слухи о возможности войны, объявлявшее их провокационными. К Азарову обратился командир «Красного Кавказа» А.М. Гущин с просьбой выступить перед людьми и разъяснить, чему же верить (!) » (там же, с. 294). Как говорится – «попал»! Ответственный посланец флотского политупра, как и приказано, «нагнетает», готовит людей к скорой войне, а тут – «как серпом по ноге»: ТАСС (то есть И.В. Сталин) возьми да объяви, что его призывы – «провокация»! И деться-то некуда: с корабля в воду не прыгнешь, в каюте не запрешься – труды Маркса – Ленина – Сталина штудировать. Да еще и капитан слишком умным оказался: не захотел брать на себя ответственность и «разъяснять» лихие развороты советской внешней политики! В общем, пришлось комиссару в кои-то веки подставлять любимое место организма и играть в «русскую рулетку», пытаясь угадать истинные намерения Хозяина...

Вот что по поводу этой непростой ситуации написал сам И.И. Азаров: «Выполняя указания Рогова, я добивался, чтобы политработники разъясняли бойцам и командирам напряженность обстановки, добивались повышения бдительности и боевой готовности» («Осажденная Одесса», с. 8). Иначе говоря, получив соответствующий инструктаж, бригадный комиссар добросовестно науськивал советских моряков на Германию и прочих румынов. Но тут... «Учения были в полном разгаре, – делится замполит, – когда мы услышали сообщение ТАСС от 14 июня, которое обескуражило нас... Официально было заявлено, что слухи о возможной агрессии Германии являются делом враждебных Советскому Союзу и Германии сил... Это ставило нас (*агитаторов-пропагандистов*. – Прим. авт.) в нелегкое положение... В самом деле, всего несколько дней назад в Москве, перед нашим отъездом в Севастополь, Рогов, являвшийся членом Центрального Комитета партии, требовал от нас, от политорганов флота, усилить в устной пропаганде разоблачение агрессивных действий германского фашизма, ориентировать личный состав флота на повышение бдительности и боевой готовности. И вдруг – **совершенно противоположная ориентировка** » (там же, с. 9). «У моряков, – вспоминает тот страшный момент будущий вице-адмирал, – возникло много вопросов. Уклониться от выступления было невозможно» (там же). Поняв, что соратнику по комиссарскому делу предстоит сделать по-настоящему «расстрельный» выбор, ему сочувствует главный замполит эскадры В.И. Семин: «Нелегко вам, Илья Иванович...» Интересен пафос (нам его, по счастью, трудно понять), с которым «Иваныч» описывает свой «подвиг»: «Призывно заиграл горн, разнося через репродукторы сигнал большого сбора. У меня тревожно сжалось сердце (*и другие органы*)... Моряки собрались на просторной палубе. Лица сосредоточены, напряжены. В глазах моряков был немой вопрос: что теперь скажет (*будет врать*) бригадный комиссар?» (там же). Я могу понять этих самых моряков: ведь, по признанию Азарова, «всего два дня назад» он докладывал им об «агрессивных действиях германского фашизма» и о том, как этому страшному хищнику они будут в ближайшем будущем ломать рога. А тут – засада! Тем же людям надо что-то говорить, а что говорить – Бог его знает... «Угадаю или не угадаю?..» – все больше сжимался чуткий орган замполита с неуклонным приближением рокового момента...

И что бы вы думали: угадал! «Азаров, – свидетельствует адмирал Кузнецов, – решил от своей позиции не отступать. Он ответил командирам и матросам, что сообщение ТАСС носит дипломатический характер и направлено к тому, чтобы оттянуть столкновение,

выиграть время для подготовки (!) . «А наше дело – военных людей – быть всегда начеку» («Накануне», с. 294). По собственному признанию Азарова, его спасла вера в неизменность агрессивных планов начальства: «Внутренне был убежден, что за короткое время, которое прошло с момента отъезда из Москвы, **не могла в корне измениться обстановка** . Ведь если бы что-то изменилось, Рогов обязательно дал бы знать. Он не дал – значит, в силе **прежние указания** ... Не носит ли это (*заявление ТАСС*) дипломатический характер, чтобы оттянуть столкновение, выиграть время?» («Осажденная Одесса», с. 10). Куда там Геббельсу! Вот они – асы политического словоблудия! Читатель, познакомьтесь с еще одним термином советского «новояза»: получается, что слово «дипломатический» в те незабвенные времена означало «брехню по уважительной причине». Но все получилось как нельзя лучше: «Команда корабля, – одобряет Н.Г. Кузнецов сообразительность краснофлотцев, – отнеслась к его заявлению понимающе и сочувственно» (там же). Моряки, у которых, по словам Азарова, при его словах «лихорадочно заблестели глаза», тут же поняли, о каком «оттягивании» и о какой «подготовке» идет речь: вон их сколько кругом, транспортов с пехотой! Все море заблежала, «царица полей»!

Но оставим в покое столь вдохновенно и мужественно вравшего флотского политработника и вернемся в советскую Прибалтику – к артиллеристу Сахненко. Вот что тот пишет о планах: почти сразу после начала войны «стало ясно: заранее намеченные боевые порядки у границы уже остались у немцев в тылу» («Огневой вал», с. 334). После нападения немцев планы в Прибалтике пошли наперекосяк точно так же, как и на Украине...

Я специально столь подробно остановился на воспоминаниях Петрова, Осокина, Зекова, Покрышкина и Сахненко. Дело в том, что мемуары тех, кто были в июне 1941 года полковниками и генералами, довольно скупое говорят о деталях их предвоенной жизни. Создается впечатление, что сколь-нибудь длинные пассажи (и даже главы) на этот счет позволялось писать только специально уполномоченным, одобренным и контролируемым редакторами и «соавторами» мемуаристам – вроде адмирала Кузнецова и маршала Жукова. Именно поэтому живые и искренние слова тех, кто накануне Великой Отечественной были младшими офицерами, сержантами и солдатами, являются поистине драгоценными историческими источниками.

В заключение приведу слова Александра Осокина, написавшего предисловие к сборнику, составленному Артемом Драбкиным: «...только правда о войне (а не мифы, очень нужные (!) во время войны, но препятствующие ее пониманию после Победы) позволит сделать правильные выводы, надежно вооружить ее страну и армию, исключить повторение ошибок и просчетов, подобных допущенным перед войной и в ее начальный период» (с. 6). Хорошо сказано! «В последние годы... – продолжает А. Осокин, – у нас в этом отношении есть большие сдвиги, позволяющие приблизиться к пониманию истинной картины событий Великой Отечественной войны. Однако многое еще сокрыто, и именно это является причиной появления многочисленных гипотез и версий об этой войне в целом и о ее отдельных этапах, в первую очередь о ее начале – если бы были опубликованы реальные документы, все эти версии растаяли бы как дым». Тоже правильная мысль: зачем опять архивы-то закрыли, товарищи Путин, Медведев и «примкнувшие» к ним? Чего нам бояться своей собственной истории? Да еще и спустя **семьдесят лет** , минувших с июня 1941 года! Правда, в последнее время появилась информация об «оцифровке» и опубликовании этих архивов, но что-то подсказывает мне – неисправимому цинику, что в ходе этого «оцифрования»-инвентаризации кое-какие бумаги могут просто исчезнуть...

А вот тут А. Осокин меня удивил: «Достаточно сказать, что самая сенсационная и широко обсуждаемая из них – версия Резуна-Суворова о том, что СССР готовился к удару по Германии, является вовсе не открытием, а дословным повторением объяснений причин нападения Германии на СССР, содержащихся в ноте-меморандуме Риббентропа и речи Геббельса 22 июня 1941 года. Будь они опубликованы в нашей стране с соответствующими пояснениями и комментариями, Резуну и ловить было бы нечего. Сокрытием правды мы только вооружаем наших недругов – пора это понять всем, радеющим за честь нашего

отечественного «мундира» таким образом» (там же). Да кто же спорит! Возьмите, Александр Осокин, да почитайте столь очевидно нелюбимого вами Резуна-Суворова! Именно этого – открыть архивы и сказать ПРАВДУ – он и призывает вот уже десятки лет! **Но ведь не открывают! И не говорят!** Почему? А попробуйте угадать! А я готов еще и поспорить с вами, что и не будут открывать и публиковать – пока у власти в России находятся сторонники по-прежнему популярной теории благотворности оболванивания нации ради ее же пользы. К ним, судя по вашим словам, относитесь и вы сами, уважаемый А. Осокин.

Огромное число людей – включая и меня, автора этой книги – хотели бы узнать о реальной подоплеке тех далеких событий. И не Резун-Суворов виноват в том, что советские историки десятки лет утверждали, что Германия напала «внезапно, без объявления войны». Из многочисленных книг фронтовиков, цитируемых мною (включая и, как я понимаю, воспоминания вашего отца – Н. Осокина) становится совершенно ясно, что **война эта была какой угодно, но только не «внезапной»**. Да и фашистская Нота о том, что войну, оказывается, очень даже объявляли и при этом подробно объясняли причины этой вполне официально объявленной войны, попалась мне на глаза лишь в возрасте сорока четырех лет. Почему это не произошло раньше? Предлагаю читателю почитать приведенный в качестве Приложения №1 текст этой самой Ноты, а также краткий анализ ее содержания: занимательное, скажу вам, чтение! И не надо, Александр Осокин, объявлять «недругами» тех, кто пытается всего лишь узнать ПРАВДУ! Враги нации – это как раз те, кто препятствуют святому во все времена подвижничеству – делу нахождения истины. Настоящие недруги русского народа – это те, кто ЗНАЕТ, но тем не менее бесстыдно лжет, поливает грязью догадавшихся и замечает следы преступлений своих идеологических предшественников. Кто наглухо закрывает архивы семидесятилетней давности и грозит посадить тех, кто отказывается «верить, ибо нелепо».

Но, не будем отвлекаться: предлагаю продолжить наше путешествие во времени.

Слово офицерам Генштаба

Вот что пишет высокопоставленный офицер Генштаба **С.М. Штеменко** : «В мае основной состав нашего отдела (*Ближневосточного, планировавшего операцию по захвату Ирана* . – Прим. авт.) отправился в Тбилиси... Перед самым отъездом выяснилось, что ни начальник Генштаба (*Г.К. Жуков*. – Прим. авт.), ни его заместитель выехать не могут... Чувствовалось, что в Москве происходит что-то не совсем обычное...» («Генеральный штаб в годы войны», с. 13). Штеменко обиженно отвечает тем, кто обвиняет Генштаб в отсутствии планов: «Допускалась ли нами сама возможность нападения на нас Германии в 1941 году и делалось ли что-нибудь практически для отражения этого нападения? Да, допускалось! Да, делалось!.. **Все составные части плана были тщательно увязаны между собой и с работой народного хозяйства, транспорта, связи** . В последующем были созданы планы развертывания войск военных округов» (там же, с. 17). Мало того, «нелишнее... напомнить и о том, что перед самым началом войны в пограничные округа под строжайшим секретом стали стягиваться дополнительные войска. Из глубины страны на запад перебрасывались пять армий... Всего перемещалось 28 дивизий. Из Московского военного округа в Винницу отправилась оперативная группа, развернувшаяся там в управление Южного фронта» (там же). Заметим: **войны нет, а фронтовые управления уже созданы!** А к упомянутым Штеменко 28 дивизиям и пяти армиям мы еще вернемся...

Теперь дадим слово начальнику Штеменко – Василевскому А.М., который в июне 1941 года возглавлял оперативный (он же – главный) отдел Генштаба Красной Армии. В ноябре 1940 года Василевского посылают в составе делегации, возглавляемой Молотовым, на переговоры в Берлин. Напомню, что на тех переговорах «Гитлер попытался вовлечь советскую делегацию в грязную игру, предложив обсудить провокационный план «раздела мира» между Германией, Италией, Японией и СССР» («Дело всей жизни», с. 114). Будущий маршал, конечно, мог и не знать, что стороны тогда «не нашли общего языка» не из-за

чистоты помыслов и кристальной принципиальности Сталина и Молотова, а потому, что в обмен на присоединение к всемирному фашистскому дележу Советское правительство предложило сделать игру еще более «грязной», потребовав для СССР Финляндию, Болгарию, Босфор с Дарданеллами, Ирак с Ираном и многое другое. Но знал он все же достаточно, чтобы написать уже в отношении ноября 1940 года (и до утверждения Гитлером плана «Барбаросса», которое произошло 18 декабря того же года): «Все члены делегации вынесли общее впечатление от поездки: Советский Союз должен быть, как никогда, готов к отражению фашистской агрессии...» (там же, с. 116). Интересно отметить, что «бесноватый» фюрер еще даже не принял роковое решение, а советские провидцы уже знают: быть войне. «С февраля 1941 г.», – пишет дальше Василевский, – Германия начала переброску войск к советским границам. Поступавшие в Генеральный штаб, Наркомат обороны и Наркомат иностранных дел данные все более свидетельствовали о непосредственной угрозе агрессии... В июне 1941 года в Генеральный штаб от оперативных отделов западных приграничных округов и армий непрерывно шли донесения одно другого тревожнее. *Сосредоточение немецких войск у наших границ закончено. Противник на ряде участков границы приступил к разборке поставленных им ранее проволочных заграждений и к разминированию полос на местности, явно готовя проходы для своих войск к нашим позициям. Крупные танковые группировки немцев выводятся в исходные районы. Ночами ясно слышен шум массы танковых двигателей*» (там же, с. 121). Какая же тут, извините, внезапность?..

Непосредственный руководитель Штеменко и Василевского – начальник Генерального штаба, величайший советский полководец и главный военный мемуарист **Г.К. Жуков**, разумеется, тоже был вполне в курсе немецких приготовлений: «По данным разведывательного управления нашего Генштаба, возглавлявшегося генералом Ф.И. Голиковым, дополнительные переброски немецких войск в Восточную Пруссию, Польшу и Румынию начались с конца 1940 года... На 4 апреля 1941 года общее увеличение немецких войск от Балтийского моря до Словакии, по данным Ф.И. Голикова, составляло 5 пехотных дивизий и 6 танковых дивизий. Всего против СССР находилось 72—73 дивизии (*те же цифры называют и немецкие историки* . – Прим. авт.). К этому количеству следует добавить немецкие войска, расположенные в Румынии общим количеством 9 пехотных и одна моторизованная дивизия. На 5 мая 1941 года, по докладу генерала Ф.И. Голикова, количество против СССР достигло 103—107 дивизий... На 1 июня 1941 года, по данным разведывательного управления, против СССР находилось до 120 немецких дивизий... Наиболее массовые перевозки войск на восток гитлеровское командование начало проводить с 25 мая 1941 года (*интересно отметить, что именно в этот день на запад двинулись и эшелоны 16-й армии Лукина из Забакаля, входившей в число тех самых пяти армий, упомянутых Штеменко* . – Прим. авт.). К этому времени железные дороги немцами были переведены на график максимального движения. Всего с 25 мая до середины июня было переброшено к границам Советского Союза 47 немецких дивизий, из них 28 танковых и моторизованных» («Воспоминания и размышления», с. 217). И коню, как говорится, было понятно, что вся эта армада собиралась на наших границах не просто так!

«По донесениям советской разведки...»

Обращу внимание читателя на некоторые (их слишком много!) из удивительных фактов, приведенных Р. Иринарховым в его книге «Красная Армия в 1941 году» (с. 365—434). Так, генерал армии П.И. Ивашутин (бывший начальник Главного разведывательного управления) на страницах Военно-исторического журнала утверждал, что **«29 декабря 1940 года были добыты и поступили в Москву данные о принятии Гитлером решения и отдаче приказа о непосредственной подготовке к войне против СССР. Этими данными мы располагали через 11 дней после утверждения Гитлером плана нападения на СССР»**. Иными словами, советское руководство узнало если не о деталях, то как минимум об общем содержании плана «Барбаросса» (составленного, если верить Уильяму

Ширеру, в **девяти экземплярах**) раньше, чем подавляющее большинство немецких генералов! Информацию об этом выдающемся успехе советской разведки я, кстати, встретил в как минимум трех источниках – как советских, так и зарубежных.

14 марта 1941 года советский военный атташе сообщил, что «начало военных действий против СССР следует ожидать между 15 мая и 15 июня 1941 г.».

20 марта 1941 года начальник Разведывательного управления Красной Армии генерал-лейтенант Ф.И. Голиков представил руководству страны доклад, в котором изложил суть плана «Барбаросса»: «из наиболее вероятных военных действий, намечаемых против СССР, заслуживают внимания следующие:... для наступления на СССР создаются три армейские группы: 1-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Бока наносит удар в направлении Петрограда; 2-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Рундштеда – в направлении Москвы и 3-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Лееба – в направлении Киева». Любопытно, что начальник разведупра называет Ленинград «Петроградом»: вполне возможно, что он прямо цитировал попавший в руки советских шпионов немецкий документ.

Я прошу читателя специально обратить внимание на эти **мартовские даты** : уже тогда, в начале весны, руководству страны были абсолютно ясны намерения Гитлера. И именно тогда это самое руководство обязано было рассмотреть **стратегические альтернативы** в отношении предстоявшего нападения. Возможных вариантов действий было несколько. Например, перейти к стратегической обороне: у Красной Армии оставались ровно четыре месяца на то, чтобы расконсервировать линию укрепрайонов на старой госгранице (так называемая «линия Сталина»); закончить в основном строительство «линии Молотова» на новой границе; подготовить глубокоэшелонированную оборону из полевых укреплений между двумя линиями укрепрайонов; оттянуть механизированные и кавалерийские корпуса из ловушек Львовского и Белостокского выступов; подготовить к взрыву мосты; установить минные поля и заграждения на лесных дорогах Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии; перегнать авиацию в глубь западных округов (или, вернее, не гнать ее в обратном направлении!); перебазировать с границы на (и за) «линию Сталина» многомесячные запасы топлива, боеприпасов, продуктов, вооружения и снаряжения; изменить планы прикрытия и отработать на учениях операцию стратегической обороны – по типу той, что была подготовлена за значительно меньшее время и в гораздо более сложных условиях на Курской дуге. Словом, много чего можно было сделать, **если бы советское руководство действительно думало об обороне** ... Но на анализе этой возможности я остановлюсь в одном из последующих томов моего аналитического исследования. Продолжим цитировать сообщения разведисточников:

«10 апреля 1941 года руководство СССР узнало о состоявшейся в Берлине встрече А. Гитлера с югославским принцем Павлом, на которой было прямо сказано, что Германия предпримет нападение на Советский Союз в конце июня этого года». Напомню, что в тот же день – **10 апреля** – все части и соединения Красной Армии в западных военных округах были приведены в состояние повышенной боевой готовности, а офицеры были переведены на казарменное положение (которое, по какой-то весьма загадочной причине, было отменено в некоторых частях 21 июня!).

«24 апреля 1941 года Министерство иностранных дел СССР получило сообщение английского посла о том, что нападение немецко-фашистских войск произойдет 22 июня 1941 года».

29 апреля 1941 года , выступая перед выпускниками офицерских школ, Гитлер объявил: «В ближайшее время произойдут события, которые многим покажутся непонятными. Однако мероприятия, которые мы намечаем, являются государственной необходимостью, так как красная чернь поднимает голову над Европой». Любопытно, что **5 мая** в Москве Сталин также выступил с до сей поры засекреченной речью перед выпускниками военных училищ, где, по словам многочисленных очевидцев, объявил о скором и неизбежном начале войны с Германией. На следующий день газета «Правда»

написала: «В нынешней сложной международной обстановке мы должны быть готовы ко всяким неожиданностям».

В тот же день – **5 мая 1941 года** – Народный комиссар госбезопасности СССР доложил в ЦК ВКП(б): «Военные приготовления в Варшаве и на территории генерал-губернаторства **проводятся открыто** и о предстоящей войне между Германией и Советским Союзом немецкие офицеры и солдаты говорят совершенно открыто, как о деле уже решенном. Война якобы должна начаться после окончания весенних полевых работ...» 5 мая Сталин сделал себя официальным главой Советского правительства.

5 мая 1941 года в штабы приграничных округов ушла некая секретная директива Генштаба (о ее получении, в частности, упоминает И.Х. Баграмян). До сей поры текст директивы неизвестен. До потомков дошла лишь одна – опубликованная партийным историком В.А. Анфиловым в книге «Бессмертный подвиг» – строчка: «...**быть готовым по указанию Главного командования нанести стремительные удары для разгрома противника, перенесения боевых действий на его территорию и захвата важных рубежей**» («Ледокол», с. 182).

24 мая 1941 года в Москве состоялось совещание высшего военного руководства с участием Сталина, повестка дня которого до сих пор засекречена. Многие историки считают, что именно в этот день до командующих и штабов приграничных округов были доведены оперативные планы предстоящей войны.

30 мая 1941 года в Москву поступила информация из Японии, в которой Рихард Зорге доложил: «Берлин информировал посла Отта, что немецкое выступление против СССР начнется во второй половине июня. Отт на 95% уверен, что война начнется. Причины для Германского выступления: существование мощной Красной Армии не дает возможности Германии расширить войну в Африке, потому что Германия должна держать крупную армию в Восточной Европе. Для того, чтобы ликвидировать полностью всякую опасность со стороны СССР (!), Красная Армия должна быть отогнана (!) возможно скорее».

11 июня 1941 года органы НКВД доложили Сталину о том, что немецкое посольство в Москве 9 июня получило из Берлина распоряжение о подготовке в течение семи дней к эвакуации. В докладе указывалось, что в подвале посольства сжигаются документы.

15 июня в Москву пришло очередное сообщение от Зорге: «Война начнется 22 июня 1941 года». **12 — 15 июня** штабы приграничных округов получили давно ожидаемый приказ Генштаба о выдвижении тыловых стрелковых корпусов к границе начиная с **15 — 18 июня**.

18 июня 1941 года на территорию Киевского Особого военного округа перебежал фельдфебель германской армии, который сообщил, что война начнется в 4 часа утра 22 июня 1941 года. В тот же вечер были подняты по тревоге и начали выдвижение к границе практически все боеспособные мехкорпуса Красной Армии (германские мотомеханизированные соединения начали выдвижение на исходные рубежи для атаки в **тот же вечер**), а фронтовая авиация начала перебазироваться на полевые приграничные аэродромы. **19 июня** в готовность № 2 был приведен Военно-Морской Флот СССР.

20 июня 1941 года получено сообщение от агента ГРУ в Софии: «...военное столкновение ожидается 21 или 22 июня 1941 года».

21 июня 1941 года начальник штаба Западного Особого военного округа доложил в Генштаб: «Основная часть немецкой армии, в полосе ЗапОВО, заняла исходное положение. На всех направлениях отмечается подтягивание частей и средств усиления к границе».

Утром 21 июня 1941 года агент «ХВЦ» передал вызванному на связь работнику НКВД срочное сообщение: «война начнется в ближайшие 48 часов». Оно было немедленно доложено Сталину, Молотову и наркому обороны Тимошенко.

Как мы помним, о неизбежном и скором германском нападении Сталину и Тимошенко докладывал накануне войны и заместитель наркома обороны Мерецков, который в течение мая – июня минимум дважды объездил все приграничные округа. В ходе поездок (основной целью которых являлось инспектирование готовности войск к крупномасштабным наступательным операциям на чужой территории) он лично убедился в том, что о

дезинформации не может быть и речи. Наконец, о фашистском вторжении советских руководителей тайком – во время встреч с Деканозовым – предупреждал вполне прозрачными намеками и сам германский посол в СССР – граф Шуленбург!

Р. Иринархов суммирует все эти говорящие одно и то же факты следующим эмоциональным образом: «Так неужели все эти тревожнейшие, прямо кричащие о войне донесения с западных границ и от советских разведчиков не доходили до сведения высшего руководства страны и армии и никак не повлияли на их действия по предотвращению этого удара? **Да не может этого быть!** .. Если на карту Восточной Пруссии, Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии поставить флажки с собранными разведкой данными о сосредоточении и группировках немецких войск, то даже не посвященному в военные дела человеку станет ясно то тревожнейшее положение, которое сложилось на западной границе СССР летом 1941 года. В каждом населенном пункте, селе, хуторе, которые находились вблизи границы с СССР, расположились вражеские войска. Не на отдых же они сюда пришли?» (там же, с. 388). Лучше и не скажешь! Однако попрошу запомнить про «флажки на карте» до того момента, когда речь пойдет о флажках уже на советской территории – в приграничных лесах, забитых теперь уже советскими войсками... Я специально привел рядышком даты как получения тревожных известий, так и некоторых мер, которые принимались руководством СССР.

Прочитую самую что ни на есть официальную советскую «Историю Второй мировой войны»: «В связи с обострением общей обстановки Коммунистическая партия и Советское правительство с конца апреля 1941 г. в срочном порядке приняли меры к повышению боевой готовности... **Скрытно от противника были проведены крупные мобилизационные мероприятия** ... В мае – начале июня было призвано из запаса около 800 тыс. военнообязанных. Это позволило укомплектовать личным составом почти 100 стрелковых дивизий, ряд укрепрайонов, частей ВВС и других войск». «**13 мая**, – продолжают авторы «Истории...», – Генеральный штаб отдал распоряжение о переброске из внутренних округов в приграничные 28 стрелковых дивизий и 4 армейских управлений (16, 19, 21 и 22-й армий)» (том 3, с. 440). Прошу запомнить приведенную выше информацию: в другой работе цикла я покажу, что официальная «История...» «потеряла» еще несколько армий, которые в то же время тайно перебрасывались в западные округа СССР. «Две армии должны были войти в состав Киевского Особого военного округа, две другие – в состав Западного Особого военного округа. Кроме того, в Могилев прибыло управление 13-й армии. Передислокация войск осуществлялась **под видом выхода частей в лагерь, скрытно и без изменения обычного графика движения на железных дорогах** . В конце мая Генеральный штаб дал указание командующим приграничными округами срочно (!) приступить к подготовке фронтовых (!) командных пунктов... Советская военная разведка и органы государственной безопасности в апреле и мае выявили сосредоточение крупных сил Вермахта в Восточной Пруссии и на территории Польши, а также переброску германских войск в Финляндию. В начале июня стало известно о сосредоточении вблизи советской границы крупных группировок немецко-фашистской армии... **После заявления ТАСС выдвижение войск из внутренних округов в приграничные было ускорено** . В течение 14—19 июня народный комиссар обороны дал указания командованию округов вывести с 21 по 25 июня фронтовые (!) управления на полевые командные пункты. 19 июня были отданы приказы о маскировке аэродромов, воинских частей, важных военных объектов, окраске в защитный цвет танков и машин» (с. 441). Интересно, а до этого машины какого цвета были – розовые, что ли? Или речь идет об автомобилях, уже реквизированных к тому времени из народного хозяйства?..

Как замечает немецкий историк (и бывший переводчик Гитлера) **Пауль Карель** , «...**25 апреля 1941 г.** военно-морской аташе Германии в Москве в своей телеграмме, отправленной в верховное командование ВМФ через министерство иностранных дел в Берлине, сообщал: «Слухи о неминуемой войне между немцами и русскими ширятся. Британский посол (!) называет дату ее начала – 22 июня (!). **Из этого следует, что по крайней мере за два месяца до нападения Германии на Советский Союз половина жителей Москвы находилась в**

курсе планов Гитлера – знала о готовившемся вторжении » («Восточный фронт», том 1, с. 46).

Чувствовали приближение войны и в других местах СССР. **Артем Драбкин** и **Петр Михин** в своей книге «Мы дрались с «Тиграми»» приводят воспоминания **А.В. Рогачева**, проживавшего перед войной в городе Ефремов Тульской области. В его школе в ночь с 21 на 22 июня 1941 года состоялся выпускной вечер. «Настроение-то у нас, – вспоминает Рогачев, – было веселое, а у преподавателей и некоторых приглашенных родителей не особенно радостным... Видимо, они чувствовали, что надвигается война. Об этом же писал в письмах старший брат Владимир, который со 2-го курса Московского гидрометеорологического института был в 1939 году (!) призван в армию. Окончив курсы, он служил авиамехаником в истребительном полку, стоявшем у самой границы возле Бреста. Некоторые предложения в его письмах были вымараны цензурой, но я помню, что в первых числах июня пришло письмо, где было написано: «Мама и папа, не надейтесь на скорую встречу. **Приближается война, в которой нам придется участвовать** ». Родители, особенно мать, конечно, переживали» (с. 209). Нерадостных учителей можно понять: их самих всю «призывали под знамена». В очередной книге **А. Драбкина** – «Мы дрались на Т-34» – приводятся следующие слова ветерана **В.П. Брюхова**, учившегося перед войной в городе Оса Пермской области: «В мае 1941 года к нам в город приехали двое осинцев, окончивших перед войной училище: Брюханов и Волошин. Перед убытием в часть они получили краткосрочный отпуск и заехали в родные края... Я к ним все приставал с вопросами: «Расскажите, как там, в армии?» А они мне: «Отстань, вот пойдешь в армию, там тебя всему научат. Единственное, что их всегда спрашивали: «Война будет?» – **«Да, война будет скоро. Думаем, в середине июня** » (с. 161). Заметим, что о скорой войне знали лейтенанты, которые даже не успели доехать до своих частей... Но это не удивительно: в Богом забытой Осе и так об этом слышали! «Но мы и так знали, что война будет скоро, – свидетельствует В.П. Брюхов, – потому что в 1941 году началась мобилизация, развертывание боевых частей. **У нас забрали в школе очень многих преподавателей, которые окончили офицерские курсы.** Многие подпали под призыв в возрасте где-то 34—35 лет. И у нас резко сразу сократилась учеба. Многие преподаватели пришли из институтов, из училищ, а старших забрали для комплектования войск. То, что война на пороге, понимали все, но подспудно надеялись, авось пронесет. И все же начало ее оказалось неожиданным, оно потрясло всех...» (там же). В том же сборнике **А. Драбкина** приводятся воспоминания ветерана **А.С. Шлемотова**. «Попал я, – пишет он о своей военной судьбе, – на Дальний Восток в 51-й Кяхтинский кавалерийский пограничный отряд (*то есть в НКВД* . – Прим. авт.) и там прослужил до начала войны. **О том, что война скоро начнется, мы знали заранее.** В погранвойсках тогда служили три года, но после первых двух лет был положен отпуск. И вот уже третий год идет, а нас не отпускают с нашей заставы. **И разговоры везде ходят, что совсем скоро война.** Мы думаем: как же так, перед войной и не побудем дома? Пригрозили, что будем писать во все инстанции. Тогда нам все-таки дали отпуск. Как раз накануне войны: в первых числах мая» (с. 304). В связи с этим важно отметить, что **о «скорой войне» даже рядовые пограничники на Дальнем Востоке знали уже как минимум в апреле 1941 года!** Дальше еще интереснее: «**Перед дорогой нас даже инструктировали, что мы должны делать, если война застанет нас дома или по дороге** . Нужно было вне зависимости от обстоятельств возвращаться в свою часть...» (там же).

Тот же **А. Драбкин** в другой своей книге – «Мы дрались на Ил-2» – приводит свидетельство бывшего летчика-штурмовика **П.Е. Анкудина**: «Слухи о грядущей войне постоянно ходили. В **апреле (1941 года)** я поехал в отпуск к двоюродному брату, Мельникову Владимиру Васильевичу, в Полоцк, где он был **начальником политотдела** одной из дивизий. Он меня встретил такими словами: «Чего ты приехал? **Скоро война будет** . Уезжай отсюда» (с. 86). А вот воспоминания другого летчика-ветерана – **И.И. Коновалова**, приведенные в той же книге: «Весной (1941 года) нас повезли в лагерь, располагавшиеся у села Михалишки (*Западная Белоруссия* . – Прим. авт.), где мы продолжали летную

подготовку. **Приближение войны чувствовалось во всем. По ночам мимо нас по шоссе шли танки, артиллерия, пехота, которые на день рассредоточивались и маскировались в лесах. К границе стягивали войска, а раз стягивают войска, значит, скоро война.** Но мы были убеждены, что перебьем немцев» (там же, с. 155). То, что ночные передвижения войск П.Е. Анкудину не приснились, подтверждает и ветеран **Д.П. Ваулин**, тоже бывший накануне войны курсантом в Западной Белоруссии: «Летать на нем (*бомбардировщике СБ*. – Прим. авт.) начали в мае, когда подсох наш аэродром у деревни Новое Гутково, около автомобильной трассы Слуцк – Барановичи... **Приближение войны чувствовалось. Шоссе было рядом, и мы знали – по ночам там проходили танки с потушенными фарами. Самолеты без конца летали. В общем, обстановка была напряженная**» (Артем Драбкин, «Я дрался на бомбардировщике», с. 35).

Считаю нужным сказать несколько слов о воспоминаниях ветеранов, приведенных в очень нужных и информативных книгах А. Драбкина. Во-первых, он интервьюировал участников войны уже в начале XXI века – когда, к сожалению, немногие из них оставались в живых. Если бы подобный проект был осуществлен хотя бы в 60-х, уверен: **таких свидетельств было бы сотни, если не тысячи**. Во-вторых, специального вопроса – «А знали ли вы о скором начале войны?» – он своим собеседникам, насколько я могу судить, не задавал. Если ветераны говорили об этом, то **исключительно по собственной инициативе** – потому что это действительно намертво осталось в их памяти и, по их мнению, было достойно упоминания. В-третьих, **они говорят практически одно и то же: о скорой войне знали чуть ли не все советские граждане.**

М. Зефир и **Д. Дегтев** в своей книге «Все для фронта?» приводят фрагменты из дневника профессора **Н.М. Добротвора (Александрова)**, трудившегося перед войной в Горьковском институте марксизма-ленинизма:

«19 июня. Четверг. Горький.

Отпуск приближается. Но как, куда ехать. События нарастают. **Очень пахнет войной, можно сказать, разразится на днях.** А так хочется отдохнуть...» (с. 254).

А вот что написал по этому поводу в своих воспоминаниях бывший британский премьер **Уинстон Черчилль**: «**В пятницу вечером 20 июня** ... я знал, что немецкое нападение на Россию – дело **нескольких дней, а то и часов**. Я собирался выступить по радио с заявлением по этому поводу вечером в субботу...» (с. 455, здесь и далее перевод с английского мой). Интересно в связи с этим вспомнить свидетельство флотского замполита **И.И. Азарова**, упомянувшего сообщение английского радио на эту тему, переданное «открытым текстом» «днем 21 июня»... Разумеется, своей озабоченностью судьбой СССР в случае агрессии английский премьер неоднократно делился с советскими руководителями. Те, правда, вполне справедливо полагали, что вступление Советского Союза в войну на стороне Великобритании было бы в интересах последней. Не оставалось в стороне и правительство США: «Еще более точная информация, – подсказывает Черчилль, – посылалась Советскому правительству Соединенными Штатами» (там же, с. 454). То, что Черчилль говорит правду о помощи США, подтверждает и **У. Ширер**: «Как утверждает Халл (*бывший в то время Госсекретарем США*. – Прим. авт.), государственный департамент, получив в первой декаде июня донесения из своих посольств в Бухаресте и Стокгольме о том, что Германия вторгнется в Россию в ближайшие две недели, препроводил копии этих донесений своему послу в Москве Штейнгардту, который передал их Молотову» («Взлет и падение III рейха», с. 867).

Уверяю: это далеко не полная коллекция подобных высказываний только из одного шкафа моей не самой большой домашней библиотеки. **О скорой войне знали все: от офицеров Генштаба и дипломатов до семей военных и рядовых советских граждан.** И немудрено: в июне 1941 года в Вооруженных силах (без учета войск НКВД) служили не меньше пяти с половиной миллионов советских граждан. Еще до начала войны начался тайный призыв минимум 800 тысяч запасников. О войне знали и говорили, потому что не заметить приготовлений к ней было просто невозможно. Да и как может быть иначе, когда в

армию призывают твоего сына, брата, мужа, жену, соседа? Когда за опоздание на завод сажают в лагерь? Так о какой же внезапности идет речь?.. Просто подавляющее большинство знавших о скорой войне советских граждан **совсем иначе представляли себе ее начало** ...

Часть вторая «Без объявления»?..

Как объявлялась «необъявленная» война

За свою жизнь я прочитал немало книг, посвященных теме нападения гитлеровской Германии на СССР, изданных в разное время и в разных странах. Удивительно, но Нота-меморандум германского правительства об объявлении войны Советскому Союзу попала мне на глаза лишь в 2009 году – когда я прочитал замечательную по подобранному фактическому материалу работу **Р.С. Иринархова** – «Киевский особый». И это странно: казалось бы, как минимум краткому анализу этого важнейшего документа должен уделять внимание всякий серьезно изучающий данный вопрос историк. В конце концов, Нюрнбергский трибунал отправил на виселицу министра иностранных дел фашистской Германии Риббентропа **в том числе и за то, что он эту Ноту будто бы не готовил и войну якобы не объявлял**. По крайней мере на процессе представители СССР категорически отрицали следующие легко подтверждаемые факты:

1) документ был передан Молотову практически одновременно с началом боевых действий утром 22 июня 1941 года послом Германии в Советском Союзе графом Шуленбургом; 2) примерно в то же время Риббентроп вручил тот же документ советскому послу Деканозову в Берлине.

В любом случае с изучения Ноты должен начинать всякий, берущийся критиковать работы Резуна-Суворова. Полностью документ называется **«Нота Министерства иностранных дел Германии Советскому правительству от 21 июня 1941 года»**. К сожалению, текст приводится Р. Иринарховым без трех приложений. Перечислю их:

1) «Доклад министра внутренних дел Германии, рейхсфюрера СС и шефа германской полиции германскому правительству о диверсионной работе СССР, направленной против Германии и национал-социализма»;

2) «Доклад министерства иностранных дел Германии о пропаганде и политической агитации советского правительства»;

3) «Доклад Верховного командования германской армии Германскому правительству о сосредоточении советских войск против Германии».

Отмечу, впрочем, что один из этих документов – доклад шефа полиции безопасности СД Гейдриха от 10 июня 1941 года – я впоследствии таки обнаружил в качестве приложения к «Мемуарам» **Вальтера Шелленберга**.

В Советском Союзе долго не признавали существования Ноты – несмотря на то, что Молотов в своей речи по радио 22 июня 1941 года, опубликованной в советских газетах, сказал следующее: «Германское правительство решило выступить с войной против СССР в связи с сосредоточением частей Красной Армии у восточной германской границы». Любопытно, что факт концентрации советских войск министр иностранных дел Советского Союза тогда никак не опровергнул – видно, как и его соратники, пребывал в состоянии шока. Но шок прошел, и в СССР чуть ли не на следующий день «забывают» об этом важнейшем документе на десятки лет – вплоть до развала Советского Союза. Так, **«Краткая история. Великая Отечественная война Советского Союза 1941 —1945»**, подготовленная «министерством правды» – Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1965 году, озвучила тогдашнюю версию событий следующим образом: «Никогда не забудут советские люди те тревожные минуты воскресного утра 22 июня 1941 г., когда московское радио прервало свои передачи и все услышали правительственное сообщение: среди ночи **без**

объявления войны фашистские орды **внезапно** вторглись в пределы нашей страны» (с. 57). Но время шло, и правдивая информация относительно истинной картины событий постепенно растекалась по миру. Что было неудивительно: 23 июня 1941 года текст Ноты опубликовали большинство ведущих газет мира (включая и упоминавшуюся ранее *New York Times*). Откровенно игнорировать появившиеся в западной историографии факты становилось все труднее, и Институту марксизма-ленинизма пришлось сочинить более «продвинутую» версию. Для этого «министерству правды» пришлось звать на помощь Институт военной истории Минобороны СССР, Институт всеобщей истории Академии наук СССР и Институт истории СССР Академии наук СССР. Вместе они сочинили новую официальную «Историю Второй мировой войны». 4-й том «Истории...», изданный десять лет спустя после «краткого курса» – в 1975 году – уже упоминает о «...**заявлении, переданном Советскому правительству германским послом Ф. Шуленбургом** через полтора часа после вторжения немецких войск». Заявление как раз и было официальным объявлением войны, в котором, по словам «Истории...», «нацистские руководители утверждали, что они **были вынуждены встать на путь превентивной войны против СССР, поскольку он якобы не выполнял своих обязательств по советско-германскому договору и готовился к нападению на Германию, к нанесению удара с тыла**». Признавая факт официального объявления войны, на Ноту ссылается и Г.К. Жуков. Тем не менее в «Истории...» штамп «внезапно, без объявления войны...» используется буквально на тех же страницах, где говорится о «заявлении» (том 4, с. 30—31). В общем, документ этот я читал с большим вниманием.

Вот его начало: «Когда правительство Рейха, исходя из желания прийти к равновесию интересов Германии и СССР, обратилось летом 1939 года к Советскому правительству, оно отдавало себе отчет в том, что взаимопонимание с государством, которое, с одной стороны, представляет свою принадлежность к сообществу национальных государств со всеми вытекающими из этого правами и обязанностями, а с другой – будучи руководимой партией, которая как секция КОМИНТЕРНА (*здесь и далее заглавные буквы использованы в оригинальном тексте* . – Прим. авт.) стремится к распространению революции в мировом масштабе, то есть к уничтожению этих национальных государств, вряд ли будет легкой задачей». По моему мнению, уже этот первый параграф очень четко и корректно фиксирует непреодолимую идеологическую пропасть между гитлеровской Германией и сталинским Советским Союзом. Несмотря на большое количество параллелей и общих черт, оба диктатора стремились к моделям мирового господства, которые коренным образом отличались друг от друга: национал-социализм был во многом противоположностью социализма марксистско-ленинского. Обе идеологии, однако, оказались практически одинаковыми в плане отношения к демократии и эффективности истребления как заявленных врагов – классовых и расовых, так и тех, чьи интересы они, казалось бы, были призваны защищать – обыкновенных рабочих и крестьян.

Далее в Ноте говорится о том, что попытка найти общий язык между «издавна считающимися дружественными народами» и «защититься от дальнейшего распространения коммунистических доктрин международного еврейства в Европе» была предпринята: 23 августа 1939 года произошло подписание Пакта о ненападении, а 28 сентября был подписан и Договор о дружбе и границах между обоими государствами.

После прочтения следующего параграфа сразу становится понятным, почему советские историки избегали выносить Ноту на всеобщее обозрение: в ней говорится о сути вышеуказанных договоров, первый из которых, подписанный 23 августа 1939 года, обычно упоминается как Пакт Молотова – Риббентропа. Интересно, что немцы этот и последующий договор, подписанный 28 сентября 1939 года, называют «Московскими договорами» – по месту проведения переговоров и подписания соответствующих документов.

«Суть этих договоров, – говорится в Ноте, – заключалась в следующем:

1) в обоюдном обязательстве государств не нападать друг на друга и состоять в отношениях добрососедства;

2) в разграничении сфер интересов путем отказа германского Рейха от любого влияния в Финляндии, Латвии, Эстонии, Литве и Бессарабии, в то время как территория бывшего Польского государства до линии Нарев – Буг – Сан по желанию Советской России оставалась за ней».

Нота подчеркивает, что правительство Рейха «усмирило Польшу, а это значит, ценой немецкой крови способствовало достижению Советским Союзом наибольшего внешнеполитического успеха за время его существования. Это стало возможным лишь благодаря доброжелательной политике Германии по отношению к России и блестящим победам Вермахта». Таким образом, Гитлер признает, что таскал каштаны из огня для Сталина, но делал это без всякого восторга: ведь при этом он втравил Германию в войну с половиной мира, а потому про пролитую за советские интересы «немецкую кровь» не забыл... Попутно позволю себе выразить недоверие тем историкам, кто по-прежнему утверждает, что если бы СССР не ударил в спину Польше, то Гитлер захватил бы Западные Украину и Белоруссию и не отдал бы их Сталину. Сделать это довольно легко. Предлагаю, например, заглянуть в изданный еще в Советском Союзе сборник «Канун и начало войны» (составитель Л.А. Киршнер). На с. 158 упомянутого издания приводится текст срочной телеграммы Риббентропа германскому послу в Москве от 3 сентября 1939 года. В ней говорится буквально следующее: «Мы, безусловно, надеемся окончательно разбить польскую армию в течение нескольких недель. Затем мы удержим под военной оккупацией районы, которые, как было условлено в Москве, входят в германскую сферу влияния. Однако понятно, что по военным соображениям нам придется затем действовать против тех польских военных сил, которые к тому времени будут находиться на территориях, входящих в русскую сферу влияния. Пожалуйста, обсудите это с Молотовым немедленно и посмотрите, не посчитает ли Советский Союз желательным, чтобы русская армия выступила в подходящий момент против польских сил в русской сфере влияния и, со своей стороны, оккупировала эту территорию. По нашим соображениям, это не только помогло бы нам, но также, в соответствии с московскими соглашениями, было бы и в советских интересах...»

Германское руководство, которому в течение 3 сентября 1939 года объявили войну Великобритания и Франция, вдруг почувствовало себя очень неудобно. И вполне резонно обратилось к новым советским партнерам – чтобы те поскорее хапнули свою долю Польского государства. Это автоматически сделало бы ведение войны с Германией еще менее заманчивым для союзников занятием, чем это казалось их правительствам утром 3 сентября – когда Гитлеру были вручены соответствующие ультиматумы об отводе германских войск с территории Польши. Текст телеграммы Риббентропа означал следующее: **немцы буквально упрашивали СССР побыстрее выполнить свой «интернациональный долг» и присоединиться к заранее оговоренному бандитскому нападению на общего соседа**. Запаниковавшие нацисты не без оснований надеялись, что Запад в таком случае объявит войну и Советскому Союзу, который, таким образом, окажется в одной лодке с нацистской Германией и станет ее союзником в новой Мировой войне, что называется, «по определению». Но не тут-то было!

Вот текст ответной телеграммы посла Шуленбурга от 5 сентября 1939 года (как видим, советские товарищи не торопились с реакцией на германские призывы): «Молотов... передал мне следующий ответ советского правительства: «Мы согласны с вами, что в подходящее время нам будет совершенно необходимо начать конкретные действия. Мы считаем, однако, что это время еще не наступило. Возможно, мы ошибаемся, но нам кажется, что чрезмерная поспешность может нанести нам ущерб и способствовать объединению наших врагов...» (там же, с. 159). Весьма откровенный документ! Совсем как в анекдоте про стоящих на холме старого и молодого быков! Сталин не без иронии дает понять немецким «*партайгеноссен*», что прекрасно понимает их опасения, но как-нибудь сам выберет наилучший момент для удара в спину полякам. Время для вручения соответствующей Ноты Советского правительства польскому послу в Москве наступило лишь 17 сентября – когда (словами этой советской Ноты) «выявилась внутренняя несостоятельность Польского

государства», «Варшава перестала быть столицей Польши», «Польское государство и его правительство фактически перестали существовать» и «тем самым прекратили свое действие договора, заключенные между СССР и Польшей» (там же).

Надо отметить, что у недоверчивого Сталина все же существовали сомнения в том, что новые партнеры будут придерживаться недавно достигнутых договоренностей и отведут войска с уже захваченных территорий на демаркационную линию, оговоренную протоколами Пакта. У. Ширер цитирует соответствующую телеграмму посла Шеленбурга от 18 сентября, где тот описал суть последнего разговора с советским диктатором накануне вторжения Красной Армии в Польшу: «Ввиду присущей Сталину подозрительности, я был бы признателен, если бы меня уполномочили дать дальнейшие заверения подобного характера, дабы устранить его последние сомнения» («Взлет и падение III Рейха», с. 645). На следующий день Риббентроп телеграфировал: «...Соглашения, которые я подписал в Москве, будут, конечно, соблюдаться... Они рассматриваются нами как прочная основа для новых дружественных отношений между Германией и СССР» (там же).

А вот какой интересный факт приводит **Александр Пронин** в своей статье «Советско-польские события», ссылаясь на с. 99 книги М.И. Семиряги «Советско-германские договоренности»: «Германская сторона стремилась к совместным действиям с войсками Красной Армии с самого начала запланированной Гитлером военной кампании. В связи с этим М.И. Семиряга приводит следующую информацию. В конце августа 1939 г. в западную прессу просочились сведения о том, что в связи с обострившимися германо-польскими отношениями планируется отвод от западных советских границ войск численностью 200—300 тыс. человек. Такое сообщение вызвало в Берлине озабоченность, и 27 августа Шуленбургу была срочно отправлена телеграмма, в которой ему поручалось выяснить, «действительно ли от польской границы отводятся советские войска. **Нельзя ли их вернуть, чтобы они максимально связали польские силы на востоке**». Шуленбург, получив в наркомате иностранных дел СССР соответствующую информацию, сообщил: вскоре будет опубликовано заявление о том, что советские войска не собираются отходить от границы с Польшей. И в самом деле, 30 августа 1939 г. советское правительство официально заявило: «Ввиду обострения положения в восточных районах Европы и ввиду возможности всяких неожиданностей (*«неожиданность» – любимый сталинский эвфемизм, означающий грядущее «освобождение» соседей* . – Прим. авт.), советское командование решило усилить численный состав гарнизонов западных границ СССР» (сборник «Сверхновая правда Виктора Суворова», с. 73). Еще один пример вполне конструктивного сотрудничества двух людоедских режимов: 17 сентября Сталин высказался против немецкого варианта совместного коммюнике, призванного оправдать советско-германское уничтожение Польши, поскольку в нем факты излагались «слишком откровенно». «Затем, – пишет У. Ширер, – он составил свой вариант – образец изощренности – и вынудил немцев согласиться с ним. В нем утверждалось, что общей целью Германии и России являлось «восстановление мира и порядка в Польше, которые были подорваны развалом польского государства, и оказание помощи польскому народу в установлении новых условий для его политической жизни» («Взлет и падение III Рейха», с. 645).

Не буду останавливаться на обсуждении совсем уж абсурдного аргумента сталинистов, до сих пор пытающихся оправдать позорное надругательство над Польшей: мол, не подпиши СССР Пакт, и Гитлер дошел бы до Урала. Полная чушь: куда бы он не «пошел». А если бы и «пошел», то далеко бы не «ушел» – не было у него на это ни сил, ни желания, ни топлива с боеприпасами. Думаю, и сами сторонники легенды о «миролюбии» СССР это тоже прекрасно понимают: просто привычно врут в надежде, что упорное повторение заведомой лжи как минимум поставит под сомнение правду.

Так или иначе, но призом за цинично-элегантную двухнедельную задержку с вторжением Красной Армии в Польшу («это уродливое детище Версальского договора» – словами доклада Молотова на заседании Верховного Совета СССР 31 октября 1939 года) стали союзнические отношения с Западом. Напади Сталин на четырнадцать дней раньше – и

неизвестно, чем бы это закончилось для судеб мира и Европы. Сомневающимся прошу вспомнить остракизм, которому был подвергнут СССР после нападения на Финляндию через каких-то два с половиной месяца после этого: изгнание из Лиги Наций, экономические санкции (приведшие, помимо прочего, к замораживанию советских активов в банках США и запрету на поставки американского оборудования в СССР), планы бомбовых ударов англичан по Баку и советских ВВС – по Каиру и Багдаду. Но вернемся к нашей основной теме...

Теперь авторы Ноты переходят к перечислению претензий германского Рейха к СССР. Сначала там говорится о довольно странных для дипломатического документа обидах на сохранение связей с Англией и бежавшими югославскими «заговорщиками». Обиды, впрочем, совершенно обоснованные: не прошло и года после подписания Пакта, а новый союзник фашистской Германии уже вполне сердечно общался с представителями ее опаснейшего врага. Вот что сообщает на этот счет «История Второй мировой войны»: «**1 июля (1940 года)** посол Криппс (*посол Великобритании*) был принят И.В. Сталиным. Во время встречи обсуждались вопросы о военном положении в Европе, о политических и экономических отношениях между Англией и СССР. **Советское правительство проявило готовность содействовать нормализации отношений с Англией**» (том 3, с. 351). Замечу, что это задушевное общение происходило практически сразу после того, как Советский Союз «освободил» Прибалтику с Бессарабией и Северной Буковиной, но **до того**, как Гитлер отдал своим генералам распоряжение о подготовке плана войны с СССР – это произошло **22 июля 1940 года**. Иначе говоря, несмотря на то, что «брак» Сталина с Гитлером состоялся откровенно «по расчету» (их так и изображали карикатуры в западной прессе – «жених»-Гитлер ведет усатую «невесту»-Сталина под венец), именно Иосиф Виссарионович первым дал основание «царственному брату» Адольфу подозревать его в неверности.

Далее речь в Ноте идет о следующем:

1) подрывная работа советских/коминтерновских агентов в Германии и на территории ее сателлитов (вроде Румынии и Болгарии), а также в захваченных немцами странах (Польша, Чехословакия);

2) шпионаж и диверсионная деятельность.

С подрывной работой и шпионажем все понятно: миру давно известно о целях и конкретной деятельности Коминтерна – международной террористической организации, вполне сопоставимой с сегодняшней Аль-Каидой. Читатели наверняка помнят и о еще довоенных предупреждениях, посылавшихся в Москву многочисленными агентами советских спецслужб. Вполне эффективно работали советские шпионы как в Германии, так и в других странах Европы и в ходе войны. Но в том, что касается диверсионной деятельности, упомянутой Нотой, то я, честно говоря, сначала не поверил фашистскому документу: подобные шаги показались мне слишком уж авантюрными и провоцирующими.

И тут в мои руки попала уже упоминавшаяся ранее книга Павла Судоплатова «Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930—1950 год». Из нее неожиданно выяснилось, что Гитлер и Риббентроп в вопросе о советских диверсантах были абсолютно правы! Именно Судоплатов (еще весной 1938 года лично устранивший в Антверпене одного из лидеров украинского националистического подполья – Е. Коновальца) отвечал перед войной за подготовку и деятельность советских диверсантов-нелегалов на нескольких континентах. Приведу несколько цитат бывшего генерал-лейтенанта и главы Особой группы Иностранного отдела НКВД, проливающих свет на тайные операции советских спецслужб.

«...Отправляясь на встречу с Коновальцем, я проверил работу сети наших нелегалов в Норвегии, в задачу которых входила подготовка диверсий на морских судах Германии и Японии, базировавшихся в Европе и используемых для поставок оружия и сырья режиму Франко в Испании. Возглавлял эту сеть Эрнст Волльебер, известный мне в то время под кодовым именем «Антон». По его началом находилась, в частности, группа поляков, которые обладали опытом работы на шахтах со взрывчаткой. Эти люди ранее эмигрировали во Францию и Бельгию, где мы и привлекли их к сотрудничеству на случай войны... Я

заслушал отчет об операции на польском грузовом судне «Стефан Баторий», следовавшем в Испанию с партией стратегических материалов для Франко. До места назначения оно так и не дошло, затонув в Северном море после возникшего в его трюме пожара в результате взрыва подложенной нашими людьми бомбы» (с. 41). Потрясающее признание! С одной стороны, СССР официально не участвовал в испанской гражданской войне: она не представляла для него ни малейшей угрозы. С другой – Сталин не только послал в Испанию горы оружия и сотни «добровольцев». Оказывается, его спецслужбы взрывали морские суда Германии, Японии и Польши – даже те, что следовали с невоенными грузами! А осуществлять эти авантюрные операции советским чекистам и военным разведчикам помогали самые что ни на есть настоящие немцы и поляки, завербованные «за идею» или просто за пачку денег... «Волльвебер, – вспоминает Судоплатов, – произвел на меня сильное впечатление... Позднее он был арестован шведскими властями, и гестапо тотчас потребовало его выдачи (*еще бы!* – Прим. авт.). Однако он получил советское гражданство (!), так что его высылка из Швеции в оккупированную немцами Норвегию не состоялась. Уже после Пакта Молотова – Риббентропа, в 1939 году, он приезжал в Москву и получил приказание продолжать подготовку диверсий в неизбежной (!) войне с Гитлером. Организация Волльвебера сыграла важную роль в норвежском Сопротивлении» (там же). Отметим, что создатель и многолетний руководитель БНД (иностранная разведка ФРГ) генерал Р. Гелен в своих мемуарах утверждал, что в тот же период – условно «медовый месяц» в отношениях СССР и нацистской Германии – Гитлер «полностью запретил проводить шпионскую деятельность в Советском Союзе» («The Service», с. 35). Как можно догадаться, у гестапо имелись веские основания требовать выдачи Волльвебера: очевидно, польский «Стефан Баторий» оказался не единственным гражданским судном, которое потопили советские диверсанты-интернационалисты задолго до начала Великой Отечественной войны. Подобных «волльвеберов» в распоряжении соответствующих советских «органов» было немало. «В то время, – описывает ситуацию Судоплатов, – число таких нелегалов составляло около шестидесяти человек» (там же, с. 93). И это только по линии НКВД...

К моему удивлению, об Эрнсте Волльвебере писал не только его бывший начальник П. Судоплатов. Масштаб диверсионной деятельности его группы оказался столь значительным, что ему посвятил немало места и уже упоминавшийся выше доклад Шефа полиции безопасности и СД Гейдриха от 10 июня 1941 года – то самое приложение к Ноте германского правительства, обнаруженное мною в «Мемуарах» Вальтера Шелленберга. Вот подборка цитат из указанного доклада: «...Эммигрировав в Копенгаген, Волльвебер в 1933 году возглавил руководство ИСХ (*Интернационал моряков и портовых рабочих. – Прим. перев.*), который, являясь профессиональной организацией моряков и портовых рабочих, выполняет по поручению Коминтерна диверсионные акты, главным образом против немецкого торгового флота. Он несет основную ответственность за организацию и деятельность диверсионных групп, созданных по указанию Москвы в Германии, Норвегии, Швеции, Дании, Голландии, Бельгии, Франции и прибалтийских государствах... После вступления немецких войск в Осло в мае 1940 года Волльвебер бежал в Швецию, где он до сих пор находится в заключении в Стокгольме. Советское правительство обратилось к шведскому правительству с просьбой разрешить Волльвеберу выезд в Советский Союз, предоставив ему за успешную работу в интересах Коминтерна советское гражданство. В результате деятельности этих террористических групп, распространенных по всей Европе, были совершены диверсии против 16 немецких, 3 итальянских, 2 японских судов, два из которых были полностью уничтожены» («Мемуары», с. 448). Лично я не нашел никаких противоречий между тем, что писали о бурной диверсионной деятельности товарища Эрнста палачи из СД в 1941 году и его бывший начальник П. Судоплатов спустя почти полвека после окончания Второй мировой. **Неужели не все в германской Ноте было враньем?** .. Чем занимался немецкий антифашист в последующем? А вот чем: «Волльвебер и его люди, – подсказывает Судоплатов, – вернувшиеся в Москву в 1941—1944 годах, помогали нам в вербовке после начала войны немецких военнопленных для операций нашей разведки. После

окончания войны Волльвебер некоторое время возглавлял министерство госбезопасности ГДР» («Спецоперации...», с. 42). Интересно отметить, что с этой высокой должности его турнули за то, что он начал по старой привычке стучать московскому «центру» на своих же «партайгеноссен». Это настолько возмутило Хрущева (который, к слову, и сам не являлся образцом человеческих добродетелей), что советский генсек «сдал» выдающегося интернационалиста его шефу Ульбрихту. «Он, – печально сообщает Судоплатов об участии персонального пенсионера и бывшего диверсанта-provокатора, – умер, будучи в опале, в 60-х годах». Царствие ему небесное, «бедняге»!

Немало «добрых» слов уделил Волльвеберу в своих воспоминаниях и уже упоминавшийся бывший гитлеровский полковник, а впоследствии западногерманский генерал Райнхард Гелен. Дело в том, что «товарищ Эрнст», возглавляя восточно-германскую спецслужбу, причинил Гелену немало беспокойства не только поимкой многих агентов последнего в ГДР и вербовкой собственных шпионов в штаб-квартире геленовской организации. Вдобавок, бывший советский подрывник-диверсант и provокатор вел весьма активную и совершенно беспринципную информационную войну против наследников Отдела восточных армий и Абвера в их собственной стране, старательно натравливая на них левых политиков и прессу ФРГ. Он даже пытался поссорить Германию с Францией и остальной Западной Европой, утверждая (не без оснований), что Гелен вел активную шпионскую деятельность не только против стран коммунистического блока, но и под носом у своих новых союзников. Поэтому новость о том, что его главный противник отстранен от должности и отправлен на пенсию, Гелен воспринял с нескрываемым удовлетворением («The Service», с. 232).

А вот еще один эпизод из европейских походов советских чекистов – коллег и подчиненных П. Судоплатова: «Я глубоко уважал Слуцкого как опытного руководителя разведки, – пишет генерал-лейтенант НКВД об одном из лучших советских разведчиков, – ... именно ему в свое время удалось похитить в Швеции технический секрет производства шарикоподшипников. Для нашей промышленности это имело важнейшее значение. Слуцкого наградили орденом Красного Знамени. Вместе с Никольским (позднее известным как Орлов), начальником отделения экономической разведки, в 1930 или 1931 году они встречались со шведским спичечным королем Иваром Крюгером. Шантажируя (!) его тем, что мы наводним западные рынки нашими дешевыми спичками, они потребовали для советского правительства отступную сумму в триста тысяч американских долларов. Прием сработал, деньги были получены» (там же, с. 44). Интересно: за это тоже ордена получили?... Убийства, диверсии, кражи, шантаж – вот почерк советских спецслужб, орудовавших в Западной Европе, Америке и Азии задолго до начала Второй мировой войны: неумолимая «борьба за мир»... Разумеется, в те незабвенные времена откровенно аморальной деятельностью занимались не только НКВД и ГРУ: британские, французские, польские и особенно германские шпионы не колебались в использовании самых низких средств и методов в достижении своих целей. Но чтобы вот так – из-за каких-то трехсот тысяч долларов – шантажировать шведского олигарха: это просто не укладывается в голове... К творчеству бывшего диверсанта Судоплатова я буду еще неоднократно возвращаться в этой и других работах цикла: подобными фактами его воспоминания набиты «под завязку». То-то за этим бестселлером, изданным в 1998 году, мне пришлось охотиться почти полгода! Похоже, даже при много позволявшем Ельцине откровения старого чекиста показались уж слишком шокирующими! Но вернемся к германской Ноте и поговорим о следующем не устраивавшем Гитлера раздражителе...

3) большевизация стран, отданных «на съедение» Сталину.

Из текста Ноты становится понятным, что у Гитлера имелись основания полагать, что СССР не станет аннексировать вышеупомянутые страны и территории, а также не будет проводить их насильственную советизацию. Трудно сказать, насколько возмущение Гитлера в данном случае является искренним: в конце концов, подобного следовало ожидать. Да и сами национал-социалисты делали на захваченных землях то же самое. Скажем, действия СД

на захваченных территориях Польши, направленные на уничтожение польской элиты практически полностью совпадали с действиями НКВД. При сравнении мероприятий по «нацификации» и «большевизации» складывается впечатление, что соответствующие планы писали в одном кабинете.

Надо сказать, что спустя несколько месяцев после написания этой фразы я приобрел уже упоминавшуюся книгу Лоренса Риза – «World War II. Behind Closed Doors. Stalin, the Nazis and The West». В ней, в частности, приводятся следующие факты: «Представители гестапо и НКВД... встретились во Львове в октябре 1939 года для обсуждения вопросов, представлявших взаимный интерес. Впоследствии Генрих Гиммлер, начальник СС, и Меркулов, заместитель Берии, встретились в Берлине в ноябре 1940 года» (с. 54). Что же обсуждали «товарищи по оружию»? А вот что: «...недавние исследования показывают, что некоторые акции – вроде краковского ареста нацистами польской профессуры в ноябре 1939 года (*этот эпизод показан в фильме Вайды «Катынь»* . – Прим. авт.) и похожих арестов, проведенных в то же время НКВД в университетах Львова – были обсуждены и скоординированы между функционерами секретных служб нацистской Германии и Советского Союза» (там же). Получается, что мое замечание об «одном и том же кабинете» не так уж и далеко от истины...

Из текста Ноты становится понятным и другое: фюрера очень расстроил тот факт, что после захвата стран, входивших в советскую «зону» интересов, СССР разорвал договоренности об их экономическом сотрудничестве с Рейхом – то есть не просто обидел, но еще и «ударил по карману»;

4) грубое поведение Советского правительства при аннексии Бессарабии и Северной Буковины.

Немцев глубоко возмутило то, насколько цинично Сталин выбрал момент для очередной экспансии. Напомню, что это произошло в разгар операции «Гельб» во Франции, когда Вермахт, образно говоря, оказался со «снятыми штанами» и был бессилён предпринять что-либо на Востоке, где в то время находились лишь шесть (по другим данным – десять) немецких охранных дивизий. Но имелись и иные обиды. В частности, СССР не пошел навстречу германской просьбе и не дал румынам времени на эвакуацию оккупируемых Красной Армией территорий. Мало того, советские войска вошли туда еще до истечения срока действия объявленного ими же ультиматума. Наконец, Северная Буковина, никогда ранее не принадлежавшая Российской империи, вообще не являлась частью «сделки», оформленной Пактом Молотова – Риббентропа. Ее Сталин «оттяпал» в самой что ни на есть бесцеремонной манере, воспользовавшись полным бессилием Германии, почти все войска которой в тот момент воевали во Франции или были задействованы на других направлениях (Норвегия). Таким образом, Советский Союз получил дополнительный плацдарм для нанесения воздушных и сухопутных ударов по румынским нефтепромыслам – единственному, помимо советских поставок и заводов синтетического топлива, серьезному источнику горючего для Рейха. Собственно, именно под впечатлением от этого «освободительного» похода Гитлер в июле 1940 года и заговорил впервые о подготовке конкретных планов нападения на СССР, окончательно оформленных в директиву «Барбаросса» в декабре того же года. 20 сентября 1940 года Гитлер издал еще одну секретную директиву, приказав отправить в Румынию военную миссию: «Для внешнего мира, – цитирует директиву У. Ширер, – ее задача состоит в том, чтобы помогать дружественной Румынии в организации и обучении вооруженных сил. Подлинные же задачи, которые не должны стать очевидными ни румынам, ни нашим собственным войскам, должны состоять в следующем: **защищать нефтеносные районы... подготовиться для развертывания на румынских базах немецких и румынских войск, если нам будет навязана война с Россией** » («Взлет и падение III Рейха», с. 822). До лета 1940 года ни малейшего желания ввязываться в войну на два фронта у Гитлера не возникало, а желание покончить с большевизмом и двинуться на Восток относилось к гораздо более поздней исторической перспективе. Между прочим, по утверждению бывшей секретарши

фюрера **Кристы Шредер**, в далеком будущем он собирался «разобраться» и с «желтой рассой» («He was my chief», с. 107). Это, как легко понять, отнюдь не подразумевало наличие каких-либо конкретных планов немецкого нападения на тогдашнего союзника Рейха – Японию. Напомню, что и война с Великобританией и Францией ни в его планы, ни в планы германских военных не входила по крайней мере до 1944 года. Австрийский военный историк **Хайнц Магенхаймер** в статье «Стратегия Советского Союза: наступательная, оборонительная, превентивная?» подчеркивает и то, что в качестве основной задачи при выдаче «технического задания» на создание плана «Барбаросса» указывалось следующее: «Разбить русскую армию или как минимум захватить столько русской территории, чтобы предотвратить вражеские налеты на Берлин и силезские промышленные районы» (сборник «Правда Виктора Суворова-2», с. 140);

5) саботирование оговоренных поставок в Германию стратегического сырья.

Надо сказать, что имеющиеся в моем распоряжении документы говорят об обратном: представители Германии говорили в переписке друг с другом о том, что СССР как раз выполнял свои договоры в полном объеме. Саботировали поставки в Советский Союз сами немцы, причем об этом знала и докладывала советская разведка. В связи с этим Р. Иринархов сообщает следующее: «22 марта 1941 года в Москву поступила информация о том, что германское правительство отдало секретное распоряжение о приостановлении выполнения промышленных заказов для Советского Союза» («Красная Армия в 1941 году», с. 369). У. Ширер свидетельствует: «То, что немцы получили в первый год, зарегистрировано ОКВ (*Верховным Главнокомандованием Вермахта* . – Прим. авт.) – один миллион тонн зерновых, полмиллиона тонн пшеницы, 900 тысяч тонн нефти, 100 тысяч тонн хлопка, 500 тысяч тонн фосфатов, значительное количество другого сырья и один миллион тонн соевых бобов транзитом из Маньчжурии» («Взлет и падение III Рейха», с. 685). Вновь подчеркнем, что в обмен на отнятые у советских крестьян и рабочих продукты Германия поставляла в СССР отнюдь не товары народного потребления, а самое современное оружие и технологии по его производству. Мало того, Сталин предлагал немцам и иные, не оговоренные договором, услуги. В частности, для ведения военных действий в Скандинавии и северных морях в распоряжение германских подводников была передана секретная военная база в районе Мурманска. А для проводки по Северному морскому пути в Тихий океан рейдера «Комет» немцы использовали советские ледоколы, за что потом посылали наркому Военно-Морского Флота СССР благодарственные письма. Согласно воспоминаниям германского военного атташе Баумбаха советский адмирал Кузнецов «с удовлетворением воспринял искреннюю благодарность нацистского адмирала Редера» («World War II. Behind Closed Doors. Stalin, the Nazis and The West», с. 77). Также СССР предлагал закупать от своего имени такие товарные позиции, как азиатские каучук и соевые бобы, – чтобы потом передавать их Германии (см. «Меморандум д-ра Шнурре, МИД Германии от 11 февраля 1940 года», «Меморандум д-ра Шнурре, МИД Германии от 5 апреля 1941 года», «Меморандум д-ра Шнурре, МИД Германии от 15 мая 1941 года», с.171—175 сборника «Канун и начало войны»). Из меморандумов германского МИДа, в частности, становится ясно, что немцам даже предложили 50-процентную тарифную скидку при перевозке по Транссибу из азиатских стран.

Наконец, судя по дневникам Геббельса, советское руководство постоянно оказывало Рейху политическую и моральную поддержку: статьи в «Правде» и «Известиях» в поддержку Германии и против ее блокады со стороны англичан появлялись с завидной регулярностью чуть ли не до самого начала войны;

6) соглашаясь, в принципе, на присоединение к Тройственному пакту, в конце 1940 года Советский Союз выдвинул неприемлемые для Гитлера условия: 1 – отдать ему Болгарию «по прибалтийскому» варианту»; 2 – оказать совместное давление на Турцию с целью получения ее согласия на создание в проливах советских сухопутных и военно-морских баз; 3 – дать СССР возможность покончить с Финляндией.

Интересно, что имеющиеся в моем распоряжении материалы (донесение посла

Шуленбурга Риббентропу от 26 ноября 1940 года, приведенное в том же сборнике «Канун и начало войны») полностью подтверждают вышеупомянутые требования Сталина и Молотова. Странно, но Нота не упоминает **еще два советских пожелания** : заставить Японию отказаться от своих прав на угольные и нефтяные концессии на Северном Сахалине и позволить СССР выйти к Персидскому заливу (по-видимому, посредством оккупации Ирана и Ирака);

7) поддержка незаконного правительства Югославии, пришедшего к власти в результате антигерманского переворота и подписание с заговорщиками договора о дружбе.

Подчеркну, что многие современные историки считают именно это событие, произошедшее в начале апреля 1941 года, «точкой невозврата» в советско-германских отношениях. Напомню также, что судя по цитатам из просоветской газеты Шведской компартии, опубликованным американской New York Times, этого же мнения придерживались в Кремле и, разумеется, в Берлине;

8) крайне негативная реакция СССР на появление немецких войск в Болгарии, которую Сталин фактически в одностороннем порядке «застолбил» как зону собственных стратегических интересов и *де-факто* уже перестал считать суверенной державой;

9) концентрация советских войск на границе с Рейхом начиная с 1940 года: «Верховное командование Вермахта, – говорится в Ноте, – с начала года неоднократно указывало внешнеполитическому руководству Рейха на возрастающую угрозу территории Рейха со стороны русской армии и при этом подчеркивало, что причиной этого стратегического сосредоточения и развертывания войск могут быть только агрессивные планы. Эти сообщения Верховного главнокомандования Вермахта со всеми подробностями будут доведены до общественности. Если и было малейшее сомнение в агрессивности стратегического сосредоточения и развертывания русских войск, то они были полностью развеяны сообщениями, полученными Верховным главнокомандованием Вермахта в последние дни. После проведения всеобщей мобилизации в России против Германии развернуто не менее 160 дивизий. Результаты наблюдений за последние дни свидетельствуют о том, что созданная группировка русских войск, в особенности моторизованных и танковых соединений, позволяет Верховному главнокомандованию России в любое время начать агрессию на разных участках германской границы».

Отметим, что **Гитлер и его военное руководство понятия не имели об истинных масштабах советского военного сосредоточения** :

1) вплотную к самой границе стягивались не 160, а 171+ дивизия пяти приграничных округов – первый стратегический эшелон в полном составе, включавший на 22 июня 1941 года не менее 3 миллионов военнослужащих;

2) в мае – июне в приграничные округа перебрасывались или планировались к переброске в начале июля еще минимум 77 дивизий из семи армий внутренних округов – это был второй стратегический эшелон, насчитывавший еще не менее миллиона военнослужащих;

3) начали формироваться как минимум три армии третьего стратегического эшелона;

4) германский Генштаб не смог разгадать, что главный советский удар планировался **не по Германии, а по Румынии – с территории Украины** . Основой замысла советского командования являлось отрезать Германию от единственного, помимо советских поставок из Баку и заводов синтетического горючего, источника топлива в Европе и тем самым вызвать скорое и неизбежное поражение Рейха;

5) ни Гитлер, ни его Генштаб не представляли настоящей картины ресурсного, промышленного и технологического превосходства Советского Союза.

Очень интересной считаю и следующую приведенную в Ноте информацию о планах СССР, которая содержалась в захваченном немцами в Белграде секретном докладе югославского военного атташе в Москве: «По данным, полученным из советских кругов, полным ходом идет перевооружение ВВС, танковых войск и артиллерии с учетом опыта современной войны, которое в основном будет закончено К АВГУСТУ 1941 ГОДА. ЭТОТ

СРОК, ОЧЕВИДНО, ЯВЛЯЕТСЯ И КРАЙНИМ (ВРЕМЕННЫМ) ПУНКТОМ, ДО КОТОРОГО НЕ СЛЕДУЕТ ОЖИДАТЬ ОЩУТИМЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ». Таким образом, Гитлер дал понять, когда именно он ожидал советский удар: **не позже конца июля 1941 года**.

Следующий абзац также свидетельствует о том, что Гитлер прекрасно понимал игру Сталина (тот, впрочем, понимал игру самого фюрера еще лучше): «...правительство Рейха пришло к убеждению, что тезис ЛЕНИНА, еще раз четко изложенный в «Директиве Коммунистической партии Словакии» от октября 1939 года, согласно которому «возможно заключение договоров с другими странами, если они служат интересам Советского правительства и обезвреживанию противника», использовался и при заключении договоров 1939 года. Таким образом, заключение договоров о дружбе было для Советского правительства лишь тактическим маневром. Единственной целью для России было заключение выгодных ей соглашений и одновременно создание предпосылок для дальнейшего усиления влияния Советского Союза. Главной идеей было ослабление небольшевистских государств с тем, чтобы легче было их разложить и в подходящий момент разгромить. Это было с жесткой ясностью отражено в русском документе, найденном после оккупации в советской миссии в Белграде, в котором говорится: «СССР отреагирует лишь в подходящий момент. Государства оси еще больше распылили свои вооруженные силы, и потому СССР внезапно нанесет удар по Германии».

Словом, Гитлер абсолютно правильно понимал замысел Сталина. Особенно после того, как тот провернул виртуозный трюк со своевременным «освобождением» причитавшегося ему куска Польши, за которое Запад не то что не объявил войну новому агрессору, но даже нехотя «проявил понимание подобных действий». Впрочем, как уже говорилось, для этого «бесноватому» совсем необязательно было читать тайные директивы Коминтерна: то же самое можно было узнать, пролистав изданные огромными тиражами материалы предвоенных съездов ВКП(б) (особенно XVIII) и из еще более массовых советских газет. Отметим также, что озарение к фюреру пришло слишком поздно: Германия сначала неожиданно для себя ввязалась в мировую войну, а потом – вновь того не желая – оказалась ведущей войну на два фронта. То есть, поняв планы Сталина, Гитлер тем не менее проиграл и потерял все, включая и собственную жизнь. Наконец, нельзя не упомянуть и о том, что, описывая большевистское коварство, германское правительство скромно умалчивало о том, что в своей деятельности руководствовалось столь же беспринципным отношением ко всяческому международным договорам и законам. Если СССР из Лиги Наций выгнали за бомбардировки мирных жителей Финляндии, то Германия вышла из довоенного прообраза ООН по своему собственному желанию – чтобы продемонстрировать народам мира свое полное пренебрежение к ним.

Еще один абзац Ноты говорит об «исторической загадке», которую десятилетиями пытаются разрешить историки Второй мировой войны: «...опубликованное недавно опровержение ТАСС, изображавшее отношения между Германией и Советской Россией вполне корректными. Эти отвлекающие маневры, находящиеся в вопиющем противоречии с действительной политикой Советского правительства, не смогли ввести в заблуждение правительство Рейха». То есть вот она – разгадка сталинского «опровержения» по версии Гитлера: это **всего лишь неудачная попытка прикрыть враждебные намерения**.

Чтобы было более понятно, о чем идет речь, приведем фрагменты текста упомянутого Нотой советского опровержения (полагаю, что речь идет именно о нем, а не о Сообщении/Заявлении ТАСС от 13 июня) от **8 мая 1941 года** :

«Японские газеты публикуют сообщения агентства Домей Цусин, в котором говорится, что Советский Союз концентрирует крупные силы на западных границах... Концентрация войск на западных границах производится в чрезвычайно крупном масштабе. В связи с этим прекращено пассажирское движение по Сибирской железной дороге, т. к. войска с Дальнего Востока перебрасываются главным образом к западным границам. Из

Средней Азии туда же перебрасываются крупные военные силы... ТАСС уполномочен заявить, что это подозрительно крикливое (!) сообщение Домей Цусин, позаимствованное у неизвестного корреспондента Юнайтед Пресс, представляет плод больной фантазии его авторов... никакой «концентрации крупных военных сил» на западных границах СССР нет и не предвидится. Крупица правды, содержащаяся в сообщении Домей Цусин, переданная к тому же в грубо искаженном виде, состоит в том, что из района Иркутска перебрасывается в район Новосибирска – ввиду лучших условий в Новосибирске – одна стрелковая дивизия. Все остальное в сообщении Домей Цусин – сплошная фантастика».

Спустя десятилетия даже советская официальная «История Второй мировой войны» подтвердила, что по Транссибу на Запад перебрасывались не «одна стрелковая дивизия», а целые армии. И что на западной границе СССР действительно происходила не просто «крупная», а **крупнейшая в человеческой истории концентрация военных сил**. Таким образом, «Опровержение ТАСС» – чистой воды ложь. Важно отметить и другое: если бы концентрация сил происходила в целях обороны, вполне логично было бы не просто воздержаться от лживых (а потому действительно «подозрительно крикливых»!) опровержений, а просто проигнорировать сообщение никак не заинтересованного в распространении ложной информации японского информационного агентства. Ведь СССР и Япония только что – 13 апреля 1941 года – подписали Договор о ненападении. Договор этот, правда, советская сторона потом нарушила самым неприличным способом – «внезапно, без объявления войны» – так, что и до сей поры Япония и Российская Федерация официально находятся в состоянии «перемирия».

А еще можно было прямо сказать: «Да, концентрируем. Да, силы большие. Но не для нападения, а для обороны. Потому что Германия делает то же самое». Вполне возможно, что если бы ТАСС открыто указал, **какие** именно силы стягиваются к западной границе и что стягиваются они исключительно для обороны, то у Гитлера (и уж тем более его военных) вообще бы отпало желание осуществлять план «Барбаросса», и без того казавшийся многим генералам Вермахта чрезвычайно авантюрным. Эту же мысль, между прочим, высказывает в своих мемуарах и адмирал Н.Г. Кузнецов: «...**отрезвить агрессора можно только готовностью дать ему достойный ответ** – ударом на удар. Агрессор поднимает кулак, значит, надо показать ему такой же кулак» («Накануне», с. 296). Кузнецову, однако, не пришло в голову, что и Гитлер мог рассуждать аналогичным образом. Правда, увидев очертания сталинского кулачища, заносимого по ту сторону границы, он не стал принимать ритуальных боксерских поз, а просто взял и треснул Иосифу Виссарионовичу промеж усов – да так, что тот за полгода потерял всю кадровую армию и половину европейской части страны.

Завершающий абзац Ноты весь набран заглавными буквами: «ОСНОВЫВАЯСЬ НА ИЗЛОЖЕННЫХ ФАКТАХ, ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕЙХА ВЫНУЖДЕНО ЗАЯВИТЬ:

СОВЕТСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ВОПРЕКИ СВОИМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ И В ЯВНОМ ПРОТИВОРЕЧИИ СО СВОИМИ ТОРЖЕСТВЕННЫМИ ЗАЯВЛЕНИЯМИ ДЕЙСТВОВАЛО ПРОТИВ ГЕРМАНИИ, А ИМЕННО:

1. ПОДРЫВНАЯ РАБОТА ПРОТИВ ГЕРМАНИИ И ЕВРОПЫ БЫЛА НЕ ПРОСТО ПРОДОЛЖЕНА, А С НАЧАЛОМ ВОЙНЫ ЕЩЕ И УСИЛЕНА.

2. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СТАНОВИЛАСЬ ВСЕ БОЛЕЕ ВРАЖДЕБНОЙ ПО ОТНОШЕНИЮ К ГЕРМАНИИ.

3. ВСЕ ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ НА ГЕРМАНСКОЙ ГРАНИЦЕ БЫЛИ СОСРЕДОТОЧЕНЫ И РАЗВЕРНУТЫ В ГОТОВНОСТИ К НАПАДЕНИЮ.

ТАКИМ ОБРАЗОМ, СОВЕТСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ПРЕДАЛО И НАРУШИЛО ДОГОВОРЫ И СОГЛАШЕНИЯ С ГЕРМАНИЕЙ, НЕНАВИСТЬ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ МОСКВЫ К НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМУ ОКАЗАЛАСЬ СИЛЬНЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗУМА. БОЛЬШЕВИЗМ – СМЕРТЕЛЬНЫЙ ВРАГ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА.

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ МОСКВА ГОТОВА НАНЕСТИ УДАР В СПИНУ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ГЕРМАНИИ, ВЕДУЩЕЙ БОРЬБУ ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВО ГЕРМАНИИ НЕ МОЖЕТ БЕЗУЧАСТНО ОТНОСИТЬСЯ К СЕРЬЕЗНОЙ УГРОЗЕ НА ВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЕ. ПОЭТОМУ ФЮРЕР ОТДАЛ ПРИКАЗ ГЕРМАНСКИМ ВООРУЖЕННЫМ СИЛАМ ВСЕМИ СИЛАМИ И СРЕДСТВАМИ ОТВЕСТИ ЭТУ УГРОЗУ. НЕМЕЦКИЙ НАРОД ОСОЗНАЕТ, ЧТО В ПРЕДСТОЯЩЕЙ БОРЬБЕ ОН ПРИЗВАН НЕ ТОЛЬКО ЗАЩИТИТЬ РОДИНУ, НО И СПАСТИ МИРОВУЮ ЦИВИЛИЗАЦИЮ ОТ СМЕРТЕЛЬНОЙ ОПАСНОСТИ БОЛЬШЕВИЗМА И РАСЧИСТИТЬ ДОРОГУ К ПОДЛИННОМУ РАСЦВЕТУ В ЕВРОПЕ. Берлин 21 июня 1941 года».

И вот, после прочтения этого довольно пространныго документа, советское руководство посылает в войска за подписью Тимошенко, Маленкова и Жукова знаменитую директиву № 2 – «всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы...». Но начинается эта директива странно: «22 июня в 4 часа утра немецкая авиация **без всякого повода** совершила налеты на наши аэродромы и города...» Как это – «без всякого повода»?.. Вон их сколько, этих поводов перечислено! Да еще и в деталях, с подробными приложениями! Как уже писалось в книге «Козырная карта Вождя», американский историк **Д. Мерфи** сообщает о весьма пикантной подробности. Оказывается, еще 10 июня 1941 года агент НКВД в гестапо В. Леман передал советской разведке уже упоминавшийся выше доклад начальника РСХА (Имперского управления безопасности) Р. Гейдриха «...о диверсионной работе СССР, направленной против Германии и национал-социализма» («What Stalin knew. The Enigma of Barbarossa», с. 208). Этот документ, перечислявший претензии к СССР «по линии» шпионажа и диверсий, являлся одним из приложений к германской Ноте об объявлении войны, которую Риббентроп и Шуленбург вручили одновременно Деканозову в Берлине и Молотову в Москве ранним утром 22 июня. Таким образом, у Сталина с Молотовым было **не меньше десяти дней** на то, чтобы ознакомиться как минимум с частью претензий немцев к Правительству СССР. Не могу не отметить и то, что советский агент Леман передал этот важнейший документ советской разведке **в тот же день, когда его подписал Гейдрих** : оперативность, с которой в Советском Союзе получали секретнейшие документы Рейха, просто поражает...

В целом же, если абстрагироваться от типичной нацистской риторики – вроде «коммунистических доктрин международного еврейства» и «спасения мировой цивилизации» (еще 1 сентября 1939 года главный «спаситель цивилизации» Адольф Гитлер, в частности, подписал приказ об уничтожении 70 000 «ненужных» немцев-инвалидов: см. с. 72 книги **Ричарда Овери** «1939. Countdown to war») – то придется признать: изложенное в Ноте как минимум на 90% отражало действительное положение вещей. **Резюмирующая часть – абсолютно корректна** . Скажу честно: я ожидал, что пропорция между реальными фактами и ложью окажется совсем иной. По тем или иным причинам Сталин ошибся в своих хитроумных расчетах. И ошибка эта обернулась десятками миллионов погибших и сотнями миллионов нерожденных граждан тогдашнего СССР и многих других стран. А также колоссальной разрухой, голодом и лишениями. Нота Германского правительства сталинскую ошибку зафиксировала и объяснила. СССР был пойман «на горячем». Нота – невзирая на то, кем, когда и при каких обстоятельствах она была написана и вручена – является обличительным документом. Наряду с секретными протоколами Молотова – Риббентропа, она прямо свидетельствует о том, что **Сталин и его подручные заслуживали оказаться на скамье Нюрнбергского трибунала и быть повешенными в ничуть не меньшей степени, чем Геринг, Йодль и Кейтель** . Именно поэтому Ноту десятки лет отрицали, прятали и замалчивали. По той же причине ее пытаются игнорировать и сейчас. Ее текст (по вышеупомянутой работе Р. Ириархова «Киевский Особый») я привожу в качестве приложения к своей книге.

Съезд племени людоедов

«Я всегда утверждал, что политика коммунистов в целом и советская внешняя политика в особенности отличаются своей почти завораживающей целостностью и беспрецедентной целеустремленностью. Еще одним фактором является то, что коммунистические государственные деятели часто настолько убеждены в правильности своих убеждений, что заявляют о своих целях и намерениях с почти жестокой откровенностью».

Генерал Райнхард Гелен, «Служба»

Теперь позволю себе краткий экскурс в **Стенографический отчет XVIII съезда ВКП(б)**, проходившего 10—21 марта 1939 года. Начнем с того, что, по мнению Сталина, выступившего с отчетным докладом, **новая мировая война давно началась**: «уже второй год идет новая империалистическая война, разыгравшаяся на громадной территории от Шанхая до Гибралтара и захватившая 500 миллионов населения. Насильственно перекраивается карта Европы, Африки, Азии...» Далее хочу привести очень любопытную цитату: «В политике невмешательства (*Англии и Франции* . – Прим. авт.) сквозит стремление, желание – не мешать агрессорам творить свое черное дело, не мешать, скажем, Японии впутаться в войну с Китаем, а еще лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, – выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, «в интересах мира», и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия. И дешево, и мило!» (с. 13). С одной стороны, «отец родной» с плохо скрытым раздражением (и, надо сказать, вполне справедливо) разоблачает коварные происки западных подстрекателей Гитлера, действительно считавших идеальным для себя вариантом стравить двух главных хищников континента (их, кстати, за такую стратегию и винить-то трудно). Но ведь сталинская стратегия точно такая же! Прочитую фразу из выступления Сталина на январском 1925 года Пленуме ЦК ВКП(б), сказанную за четырнадцать лет до XVIII съезда: «Вопрос о нашей армии, о ее мощи, о ее готовности обязательно встанет перед нами при осложнениях в окружающих нас странах как вопрос животрепещущий... **Если война начнется, то нам придется выступить, но выступить последними. И мы выступим для того, чтобы бросить решающую гирю на чашку весов, гирю, которая могла бы перевесить** » (цитата приводится по книге Юлии Кантор «Заклятая дружба», с. 25). Ничего не напоминает?.. В целом же выступление Иосифа Виссарионовича на XVIII съезде было, пожалуй, одним из самых сдержанных. Высказаться более откровенным образом он – в свойственной ему манере – поручил «верным соратникам».

Прочитую доклад **тов. Мануильского** (см. с. 67 Стенографического отчета): «Не спасет себя издыхающий капиталистический мир контрреволюционной войной против СССР, а лишь ускорит свою собственную гибель. Вооруженный отпор великого советского народа всколыхнет весь мир труда... Он подымет пролетариев и трудящихся во всех концах земного шара, сознающих, что настал час расплаты за все их вековые мучения... Для советского народа, для трудящихся всего мира, для всего передового и прогрессивного человечества, это будет самая справедливая, священная война, какой не было никогда в истории человечества, война, которая «обязательно развяжет целый ряд революционных узлов в тылу у противников, разлагая и деморализуя ряды империализма» (Сборник Ленин и Сталин, т. III, с. 10). Чувствуете пафос? Как «животрепещет» сталинский вопрос 1925 года о «мощи Красной Армии»?..

Впрочем, в докладе **тов. Ярославского** патетики еще больше: «Мы будем неуклонно отстаивать дело мира; но мы все, каждый из нас с радостью отдаст свою жизнь, свою кровь за дело коммунизма. И если в этом будет нужда, то поднимутся неисчислимые рати нашей

советской земли, и неслыханным еще громом сотрясется земля, и тогда от различных антикоминтерновских «осей» и «треугольников» мы постараемся оставить только мокрое место. (*Аплодисменты.*)

И если гром великий грянет
Над сворой псов и палачей
Для нас все так же солнце станет
Сиять огнем своих лучей.
(*Аплодисменты.*) » (там же, с. 137).

А вот предупреждает врагов-шпионов **тов. Донской** : «Я думаю, что можно будет сейчас разгласить один секрет, которым очень интересуются шпионы некоторых восточных и западных государств. Секрет этот состоит в том, что на сегодня... наша славная Красная Армия располагает неограниченными возможностями для того, чтобы полностью уничтожить врага, если он допустит провокационные выходы против нашего народа, против нашей великой, счастливой родины. Мы имеем все необходимое для того, чтобы уничтожить врага на его же собственной территории, расположенной за некими «горами» и за некими «морями». (*Аплодисменты.*)» (там же, с. 141). Надо сказать, что тов. Донской говорил чистую правду: «...средства на военные нужды, – подтверждает адмирал Н.Г. Кузнецов, – выделяли почти без ограничения» («Накануне», с. 230). «**История второй мировой войны**» подсказывает, что в 1938—1940 годах общие государственные расходы СССР составили 451 млрд рублей, из которых расходы «на оборону» составили 119 млрд рублей – или **26%** (том 3, с. 381). Даже если забыть на минутку, что 26% – это цифра, рожденная известными своими хитростями официальной советской статистикой, всегда чуть ли не в разы занижавшей реальные военные расходы, то все равно становится не по себе. Ведь получается, что даже по словам всегда вравших из принципа советских статистиков, **каждый четвертый рубль** , потраченный государством, был израсходован на танки, подлодки, самолеты и прокорм военнослужащих! А ведь статистика наверняка не учитывает «непрямые» военные расходы – строительство «тракторных» заводов по производству танков, металлургических предприятий по производству алюминия для самолетов и брони для линкоров, закупку хитрых станков и умных технологий за рубежом и бесчисленное количество прочих важных «мелочей», без которых было не обойтись в предстоявшей Большой войне – «войне моторов». И это – в совершенно нищей стране...

Тов. Мехлис – один из самых доверенных людей Сталина – пошел еще дальше, раскрыв одну из задач Красной Армии: «Если вторая империалистическая война обернется своим острием против первого в мире социалистического государства, то перенести военные действия на территорию противника, выполнить свои интернациональные обязанности и умножить число советских республик. (*Аплодисменты.*)... Мы будем бить врагов Советского Союза так, чтобы ускорить ликвидацию капиталистического окружения и чтобы товарищ Сталин дал Рабоче-Крестьянской Красной Армии оценку – «отлично». (*Бурные аплодисменты.*)... Чтобы уничтожить опасность иностранной капиталистической интервенции, нужно уничтожить капиталистическое окружение, сказано в «Кратком курсе истории ВКП(б)» (*написанного при непосредственном участии И.В. Сталина* . – Прим. авт.). Не за горами, товарищи, то время, когда наша армия, интернациональная по господствующей в ней идеологии, в ответ на наглую вылазку врага поможет рабочим стран-агрессоров освободиться от ига фашизма, от ига капиталистического рабства и **ликвидирует капиталистическое окружение** , о котором говорил товарищ Сталин. (*Бурные аплодисменты.*)» (Стенографический отчет, с. 273).

Помимо этих весьма, с моей точки зрения, откровенных высказываний тов. Сталина и его приспешников (а их в стенограмме великое множество), меня заинтересовала и вставленная в отчет табличка, приведенная **тов. Ворошиловым** (см. с. 189 Стенографического отчета). Из нее, например, следует, что вся авиация «бешенно»

вооружающихся стран «оси» – Германии, Италии и Японии – **на конец 1938 г.** составляла аж 9186 самолетов. Согласно данным «антисуворова» Д. Хазанова, **за два года до этого** – в начале 1937 года – в СССР уже имелись 8139 боевых самолетов («Сталинские соколы против Люфтваффе», с. 17). Понятно, что в течение двух лет советский авиапром не сидел без дела. Поэтому позволю себе предположить, что к началу Второй мировой у «миролюбивого» СССР боевых самолетов было больше, чем у всех стран-агрессоров, вместе взятых! «Красный конник» не упомянул о танках: так вот, и бронированных машин у «мирного» Советского Союза перед началом Второй мировой было больше, чем во всех остальных армиях мира! Думаете, что, зная это, Сталин боялся, как бы немцы после Польши не остановились и не «дошли до Урала»?..

Весьма откровенные заявления в отношении международных вопросов кукловод съезда порой вставлял в речи людей, не имевших к подобным темам ни малейшего отношения. Так, например, **тов. Доронина** из Курска после рассказов об успехах курчан в деле колхозного строительства и освоения магнитной аномалии вдруг занесло в несколько неожиданную сторону: «Следует также напомнить господину Гитлеру, – вещал он с трибуны, – что в период Семилетней войны русские войска взяли Берлин. Наконец, господин Муссолини не должен забывать, что под руководством великого русского полководца Суворова русские войска спускались в Северную Италию, поднимались на крутизны Альп, пробирались через неведомые ущелья и проходили через Чортов мост. Мне кажется, что после выступления т. Ворошилова нам всем ясно, что если фашисты попытаются прийти к нам, то наша Красная Армия ответит таким двойным ударом, от которого они не только за реку подираху, но и кое-что порастеряху (*Бурные аплодисменты*). Товарищи! На нашу долю выпала историческая миссия – положить начало освобождению всего человечества от ига эксплуататоров... Пройдут годы, пройдут десятилетия, и освобожденное человечество во всем мире всегда будет с гордостью вспоминать о нас...» (там же, с. 429).

А вот что говорил, отражая общий воинственный настрой делегатов, писатель **М. Шолохов**: «Мы, писатели, надеясь в будущем по количеству и качеству продукции обогнать кое-какие отрасли промышленности, никак не собираемся обгонять одну отрасль – оборонную промышленность, во-первых, ее все равно не обгонишь, а во-вторых, это такая хорошая и жизненно необходимая отрасль, что ее просто как-то неудобно обгонять. (*Смех.*) Пусть она растет и дальше нам на доброе здоровье, а врагам на смерть. (*Аплодисменты.*) Советские писатели, надо прямо сказать, **не принадлежат к сентиментальной породе западноевропейских пацифистов** (*прошу обратить внимание на то, что в 1939 году слово «пацифист» стало в СССР почти что ругательным*. – Прим. авт.). Мы живем и работаем под руководством т. Сталина, а это нас ко многому обязывает и многому уже научило (*это уж точно..*. – Прим. авт.)... Разгромив врагов, мы еще напишем книги о том, как мы этих врагов били по-ворошиловски. Книги эти послужат нашему народу и останутся в назидание тем из захватчиков, кто случайно окажется недобитым (*Аплодисменты.*)» (там же, с. 476).

Ближе к концу съезда последовал ряд речей представителей родов войск, также не приминувших подсказать потенциальным противникам, как именно они планировали отражать их агрессию. Так, «с приветственным словом» от летчиков выступил **тов. Денисов**: «Мы, советские летчики, давно уже овладели как высотными, так и бреющими полетами. И верьте, товарищи, наша Красная Авиация бреет чисто, так чисто, что ни одного наглого врага не оставит там, где он должен быть сбрит. Мы, летчики, хорошо поняли исторический доклад т. Сталина на XVIII съезде партии и его слова о капиталистическом окружении. И если фашистские любители чужого добра осмелятся напасть на мирный труд нашего 170-миллионного народа... то ответ у нас будет один – *на крыльях Советов мы понесем смерть фашистским поработителям, понесем свободу и счастье рабочим стран-агрессоров...* Да здравствует отец советского народа, вождь мирового коммунизма, наш родной, великий Сталин! (*Бурные продолжительные аплодисменты. Возгласы: «Привет сталинским соколам!», «Ура!» в честь т. Сталина.*)» (там же, с. 507).

От артиллеристов съезд приветствовал **тов. Ростунов**: «Советские артиллеристы

стреляют метко и без промаха, они в совершенстве владеют сложной боевой техникой. Грозные жерла наших орудий всегда повернуты в сторону беспокойных и чванливых соседей. (*Аплодисменты.*)... Красные артиллеристы силой своих снарядов выроют на вражеской земле такую глубокую воронку, что в ней будет погребена вся фашистская мразь, весь мир насилия и зла. (*Аплодисменты.*)... **Наша артиллерия – артиллерия наступательного действия. Ураганом ворвется Красная Армия во вражескую землю и убийственным артиллерийским огнем сметет врага с лица земли .** (*Продолжительные аплодисменты.*)» (там же, с. 508).

От пехоты и прочих родов войск делегатов приветствовал будущий герой-десантник **тов. Родимцев** : «В грядущих сражениях с врагами нашей родины Красная Армия... **будет смело и победно наступать согласно своему боевому уставу на территорию напавшего врага ...** (*Бурные аплодисменты.*)» (там же, с. 510).

От политработников выступил член Военного Совета Второй Отдельной Краснознаменной Армии **тов. Бирюков** : «Человечество уже давно ждет освобождения от капиталистических пут. Это освобождение несет новый передовой класс – пролетариат. И пусть не удивляются империалистические хищники на Востоке и Западе, если в час решительных боев с загнивающим капитализмом наши силы, силы пролетарской революции, Вооруженные Силы Советского Союза... везде будут встречены как силы освобождения от капиталистического рабства и фашистского мракобесия. Тылы капиталистических армий будут гореть. Сотни тысяч и миллионы трудящихся поднимутся против своих поработителей. *Капиталистический мир беременен социалистической революцией. По всему миру носятся громовые раскаты Великой Октябрьской Социалистической революции, собирая силы пролетарской революции на последний и решительный бой. Да здравствует грядущее торжество социалистической революции во всем мире! Да здравствует гениальный полководец сил мировой пролетарской революции, наш вождь, наша гордость и слава, родной наш Сталин! Ура!* (*Продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию, приветственные возгласы.*) (там же, с. 613).

И т. д., и т. п... В целом же последний предвоенный съезд «ордена меченосцев» (так, к слову, называл свою партию И.В. Сталин) напоминает сбор собравшегося в набег племени людоедов. Поклонение засохшей мумии почившего колдуна; «установочная» речь вождя; повторяющие друг друга заклинания шаманов-выступающих, прерываемые бодрящими звуками тамтамов-аплодисментов; человеческие жертвоприношения «бухаринских вырождков» и «троцкистских ублюдков»; хвастливые выкрики молодых воинов о том, что их копья – «самые острые и наступательные в мире». А в заключение – буйные пиршества на приемах и в гостиницах. С дежурными тостами, пьяным братанием-целованием и тяжелым отвратительным похмельем наутро. В целом своеобразная сессия коллективного самовнушения, эдакая психологическая накачка, предшествующая благородному делу внезапного ночного «освобождения трудящихся» и «экспроприации экспроприаторов». Невольно вспоминаются слова великого поэта, ненадолго пережившего Октябрьский переворот: «И будем мясо белых братьев жарить»...

Последние колебания Гитлера

Оказывается, первоначальная дата, намеченная Гитлером для нападения на Польшу – **26 августа 1939 года** . Об этом я впервые узнал из уже упоминавшейся выше книги Ричарда Овери «1939. Countdown to war», посвященной последним дням перед началом Второй мировой. Вот что он пишет по этому поводу (здесь и далее перевод с английского мой): «Война должна была начаться утром 26 августа с немецкого вторжения в Польшу. Гитлер приказал, чтобы все продолжавшиеся в течение августа мобилизационные мероприятия держались в полном секрете. Он потребовал, чтобы мобилизация пока не касалась гражданского населения, а сама подготовка к войне происходила без надлежащего юридического обеспечения и формального объявления. 24 августа, **после успешного**

завершения переговоров с Советским Союзом», он приказал атаковать утром 26 августа» (с. 19). Таким образом, достижение договоренности со Сталиным, которая, как тогда считал Гитлер, избавляла Германию от опасности войны на два фронта, послужило отмажкой для отдачи приказа на завершение развертывания Вермахта. Попутно процитируем одно любопытное свидетельство У. Ширера: **«Предложение о германо-советском пакте о ненападении исходило от русских – в то самое время, когда они вели переговоры с Францией и Англией о том, вступят ли они в войну с Германией для предотвращения дальнейшей агрессии... Молотов предлагал как раз то, что требовалось Гитлеру. Он даже предлагал то, что сам Гитлер предлагать не осмеливался ...»** («Взлет и падение III Рейха», с. 543). Он же подсказывает, какое значение «бесноватый» придавал возможности заключения сделки с Советами: «В течение последующих суток – с вечера 20 августа, когда телеграмма Гитлера Сталину передавалась по телефону в Москву, до вечера следующего дня – фюрер находился в состоянии, близком к срыву. Спать он не мог» (там же, с. 549).

Как подсказывает Овери, первый эшелон немецких войск начал выдвижение к польской границе уже 19 августа – то есть еще до завершения советско-германских переговоров: по-видимому, все говорило о том, что они окажутся продуктивными. Вечером 24 августа в движение пришли войска второго эшелона, а в польский Данциг были тайно переброшены подразделения войск СС, которые предназначались для немедленного захвата города после начала войны. Германское военное командование переехало на новый командный пункт, располагавшийся в только что достроенном бункере в Цоссене, а небольшое подразделение немецких десантников уже 25 августа захватило перевал Яблонков на словацко-польской границе. Уильям Ширер свидетельствует, что «только отчаянные усилия нескольких офицеров штаба, которые срочно отбыли в передовые части, помогли остановить войска. Моторизованные колонны корпуса генерала Клейста, в темноте подходившие к польской границе, были остановлены только штабным офицером, который прибыл туда на легком разведывательном самолете. Некоторые подразделения получили приказ уже после того, как началась перестрелка» (там же, с. 578). Казалось бы, Гитлер принял окончательное решение и пути назад уже не было. Полтора миллиона немецких солдат ждали сигнала о нападении, а по ту сторону границы продолжалась скрытая мобилизация Польской армии. Открытой она стала лишь 23 августа – после известия о начале визита Риббентропа в Москву. Поляки, как и большинство остальных жителей Европы, вполне справедливо расценили вдруг переставшую быть гипотетической возможность заключения советско-германского пакта как устранение одного из последних препятствий на пути агрессора. У. Ширер высказывает свое мнение: **«...заключив сделку с Гитлером, Сталин дал сигнал к началу войны, которой наверняка предстояло перерасти в конфликт мирового масштаба. Это он, несомненно, знал»** (там же, с. 565). Разумеется, поляки не могли знать о том, насколько далеко пошли два диктатора в своем стремлении покончить с их страной – «уродливым детищем Версальского договора»...

Согласно книге Овери Геббельс отобедал со своим патроном в Берхтесгадене 24 августа и нашел того в превосходном настроении: ведь, по словам Овери, заключение германо-советского пакта вдруг сделало расчеты Гитлера на то, что нападение на Польшу останется небольшой локальной войной, «гораздо менее авантюрными». 25 августа – когда Гитлер вернулся в Берлин – Геббельс вновь встретился с ним в середине дня: тот по-прежнему «был очень решительно настроен и тверд» и приказал своему главному пропагандисту приготовить соответствующие заявления для германского народа и партии. В 15 часов Гитлер отдал приказ к выступлению в 4.30 утра следующего дня – 26 августа. И вот, в 19.30 того же вечера он неожиданно отменил свой только что отданный приказ...

Почему «бесноватый» все же засомневался в последний момент? Начнем с того, что, как сообщает Овери, в 1938 году в Германии считали, что, заключив Мюнхенское соглашение, Гитлер... «потерял лицо». 26 августа, после известия об отмене приказа на выступление, чиновники германского Военного министерства открыто заговорили о «закате Фюрера» и его скором падении («1939...», с. 49). «Сообщение о том, – пишет У. Ширер, –

что вечером 25 августа Гитлер отменил нападение на Польшу, вызвало ликование среди заговорщиков Абвера (*германской военной разведки* . – Прим. авт.). Полковник Остер, сообщая об этом Шахту и Гизевиусу, воскликнул: «Теперь с Гитлером покончено!» На следующее утро адмирал Канарис был настроен весьма оптимистично. «Гитлер не перенесет этого удара, – заявил он. – Мир спасен на ближайшие двадцать лет. Оба эти человека считали, что более нет нужды сбрасывать немецкого диктатора, что с ним и без того покончено» («Взлет и падение III Рейха», с. 578). Таким образом, нерешительность, проявленная Гитлером вечером 25 августа, как минимум вела к пробуждению надежд на устранение диктатора среди его многочисленных в то время германских оппонентов (в том числе и в среде высшего генералитета). Отметим попутно, разговоры какого характера – без всякой опаски! – вели друг с другом глава военной разведки Германии, его заместитель и прочие члены высшего руководства Рейха. Представить подобное – чтобы, скажем, начальник Разведупра Голиков в столь же откровенном ключе общался с Вознесенским или Жуковым по поводу устранения Сталина – просто невозможно. Самое же интересное заключается в том, что, по мнению У. Ширера, Гитлер о подобных речах своих генералов знал, но ничего по этому поводу не предпринимал!

Причину колебаний нацистского лидера надо искать в том, что произошло в период с утра 23-го до вечера 25 августа 1939 года. Прежде всего после подписания Пакта Молотова – Риббентропа Гитлер столкнулся с чрезвычайно холодной реакцией своих союзников. Япония, войска которой в этот момент громил на Халхин-Голе будущий «маршал победы» Жуков, вполне справедливо опасалась, что внезапно возникшая советско-германская дружба повредит ее интересам в Восточной Азии. Без особой радости новость о Пакте воспринял и Муссолини: это, казалось бы, вполне положительное для стран «оси» событие автоматически оттесняло Италию на задворки европейской политики. Не горел Дуче и желанием участвовать в большой европейской войне: к этому не были готовы ни итальянские вооруженные силы, ни население страны. После обеда 25 августа – спустя примерно час после отдачи Гитлером приказа о выступлении – к нему явился посол Италии Бернардо Аттолико и объявил об итальянском нейтралитете в случае начала войны. После его ухода Гитлер дал волю чувствам: в этом он очень отличался от чрезвычайно сдержанного Сталина. Но это было не все! Вскоре после визита Аттолико, в 17.30 фюрера посетил французский посол Робер Колондре и весьма недвусмысленно дал понять, что Франция не потерпит нападения на Польшу. Наконец, в довершение всего, в 18.00 Риббентроп сообщил о подписании в Лондоне англо-польского договора. Последнее известие, по словам Овери, возымело эффект «разорвавшейся бомбы» («1939. Countdown to war», с. 36): надежды фюрера на то, что после замирения со Сталиным презренные мюнхенские «червяки» не осмелятся перечить расправе с поляками, были поколеблены самым решительным образом. Спустя час Гитлер отменил приказ о выступлении. Начало Второй мировой было отложено на неделю. «Адольф струсил» – так в этот вечер прокомментировал действия фюрера молодой немецкий солдат в разговоре с товарищами по оружию (там же, с. 22). По-видимому, это мнение разделяли и большинство военнослужащих Вермахта. Многие из немецких генералов и адмиралов, примерно представлявшие соотношение сил Германии и Антанты, наверняка с облегчением перевели дух.

«Кто хотел войны в 1939 году?» – задает вполне резонный вопрос Ричард Овери. И тут же отвечает: «Большинство европейцев точно не желали ее» (там же, с. 14). Большая часть его книги, собственно, и посвящена анализу того, как Вторая мировая могла разразиться в обстановке всеобщего нежелания начинать ее со стороны **всех ее первоначальных участников** . «Большой войны» не хотели Англия и Франция: именно поэтому правительства этих стран годом раньше пошли на «Мюнхенский сговор», фактически предав Чехословакию. Новой мировой бойни, как мы видим, не желала Италия, которая объявила о нейтралитете. Муссолини присоединился к Германии (фактически против воли Гитлера) лишь в середине 1940 года – когда стали ясны масштабы поражения Франции и возникла привлекательная возможность урвать кусок за счет германских успехов. Войны совершенно

определенно не хотела Польша, правительство которой прекрасно понимало, что проиграет ее без своевременной поддержки союзников.

Сам Гитлер очень хотел победоносной «локальной» войны. Ему не терпелось избавиться от привкуса мюнхенского «поражения»: тогда, по его мнению, немецкий генералитет «украл» у него возможность поучаствовать в маленьком успешном конфликте (кстати, далеко не факт, что сильная чехословацкая армия не разбила бы Вермахт). Планировавшаяся летом 1939 года короткая кампания, призванная наказать Польшу за неуступчивость в вопросе о Данциге, давала ему шанс реабилитироваться прежде всего в своих собственных глазах и продемонстрировать нации железную решимость вождя сокрушить всех врагов (в том числе и внутренних). Но, как мы помним из воспоминаний адмирала Деница, войну с Англией (а тем более войну с Антантой) нацистский вождь совершенно искренне считал «концом Германии». Именно поэтому еще 23 мая 1939 года он сказал своим генералам: «Задача – изолировать Польшу. Успех изоляции является решающим фактором. **Мы не можем допустить одновременной конфронтации с Западом**» (там же, с. 11). По той же причине, когда после приказа о приостановке выступления Геринг спросил фюрера, что это означало – отмену войны или ее отсрочку – Гитлер ответил: «Нет, мне придется побеспокоиться о том, чтобы не допустить английского вмешательства» (там же, с. 38). Как пишет английский историк, «решимость всех участников конфликта подверглась невероятным испытаниям в течение десяти драматических дней, которые разделяли **подписание германо-советского пакта ранним утром 24 августа** и второй половиной дня 3 сентября, когда Франция присоединилась к Британии и объявила войну Германии» (там же, с. 17). Таким образом, Овери признает, что именно ночные договоренности в Москве послужили фактическим началом «отсчета» дней, остававшихся до начала самой кровавой войны в истории человечества.

Перескажу краткую суть того, что, по словам Овери, происходило в эти десять дней. Несмотря на ставшие традиционными утверждения послевоенных историков о трусливом пацифизме Деладье и Чемберлена, оба демократически избранных лидера в этот раз были – вопреки чаяниям Гитлера – твердо настроены положить конец германским притязаниям в Европе. Как совершенно справедливо полагает Овери, «со всеми разговорами о чести, реальной целью войны в 1939 году было не спасти Польшу от жестокой оккупации, а избавить Британию и Францию от опасностей рассыпающегося мирового порядка» (там же, с. 124). Оба премьера были глубоко уязвлены тем, что Гитлер обвел их вокруг пальца, аннексировав – вопреки данным обещаниям – Чехословакию. Оба понимали, что уступать Германии и дальше нельзя: это грозило не только политической смертью им самим и правительствам, которые они возглавляли. На кон были поставлены сами устои послевоенного мира и будущее их народов. Это понимали также рядовые англичане и французы. Овери подчеркивает, что в общественном мнении к тому времени произошел кардинальный сдвиг: «неприятие войны и стремление к миру, бывшие столь явными в сентябре 1938 года, сменились фаталистическим принятием того факта, что война теперь неизбежна и что лучше ее начать раньше, чем позже» (там же, с. 28).

Со своей стороны, Гитлер недооценил решимость западных политиков, которых сам же и загнал в угол своими действиями. Он просто отказывался понимать, что мюнхенским «червякам» больше некуда отступать. И что они и «червяками»-то отнюдь не были, а являлись демократически избранными лидерами, чья «повестка дня» отражала не только и не сколько их личные чаяния, сколько обобщенные стремления и предпочтения представляемых ими народов в тот или иной момент истории. И что народы эти летом 1939 года приняли внутреннее решение: «Хватит!» В связи с этим никакие «последние предложения» Гитлера британскому правительству (их краткая суть: «Отдайте Польшу на съедение и будем друзьями навек – как с Россией!»), переданные через посла в Берлине Невила Хендерсона утром 25 августа, как бы «искренне» они ни звучали, не имели шансов на успех. И обижаться в этом плане «бесноватому» оставалось только на самого себя. По выражению Николаса фон Белова, Гитлер «надеялся в отсутствие надежды» (там же, с. 115).

на то, что Британия в последний момент уступит его блефу. Блеф провалился.

Последние надежды на сохранение мира в Европе улетучились уже 29 августа, когда Гитлер в присутствии Риббентропа передал послу Хендерсону германский ответ на присланное днем ранее английское предложение по достижению компромисса с Польшей. Интересно, что, вновь выдвигая заранее неприемлемые требования – вроде возвращения Германии Данцига и данцигского «коридора», а также предоставления гарантий немцам, проживающим в Польше, – Гитлер подчеркнул, что **любая договоренность с Польшей потребовала бы участия Советского Союза** (там же, с. 59). Этот неожиданный поворот тем более примечателен в свете того, что еще каких-то две недели назад правитель СССР предлагал Англии и Франции выставить на защиту Польши от фашистского агрессора огромную армию. И что не произошло это якобы исключительно из-за того, что упрямые поляки не дали «коридоров» для прохождения присланных на подмогу советских войск и из-за отсутствия необходимых полномочий у прибывших в Москву английских переговорщиков. Но традиционно «ленивый» европейский август еще не успел закончиться, а «принципиальная миролюбивая политика Советского государства» совершила такой пируэт, что у всех сторонних наблюдателей закружилась голова. Теперь уже сам недавний заклятый враг «рабоче-крестьянского» СССР – «бесноватый» фюрер – защищал интересы новоявленных советских «*камераден*» ... Одно слово: «диалектика»!

Интересно, что даже после начала немецкого вторжения 1 сентября 1939 года и Гитлер, и некоторые – совсем уж отчаянные – пацифисты, входившие в состав британского и французского правительств, не теряли надежд на то, что уже состоявшаяся агрессия против Польши не перерастет в полномасштабную европейскую войну. В Лондоне и Париже медлили с предъявлением ультиматумов, дипломаты-любители из нейтральных стран метались по Европе в тщетной надежде предотвратить неизбежное, а Муссолини вновь – как и в 1938 году – предлагал посредничество. Германские войска безостановочно продвигались вперед, пытаясь захватить побольше польской территории – до того, как их фюрера «упросят» сесть за стол переговоров, чтобы уладить дело миром. Но упрашивать не стали. Примерно в 9 утра 3 сентября посол Хендерсон появился в здании Рейхсканцелярии и передал переводчику Гитлера, Шмидту (уже знакомый нам историк Пауль Карель) короткий ультиматум с требованием немедленного вывода германских войск с территории Польши. Шмидт поспешил к Гитлеру и Риббентропу и в их присутствии медленно зачитал врученный послом документ. «Когда я закончил, – пишет Шмидт в своих мемуарах, – воцарилось полное молчание. Некоторое время Гитлер сидел неподвижно, уставившись перед собой. Через несколько секунд он повернулся к Риббентропу с диким взглядом и спросил: «Теперь-то чего?..» («1939. Countdown to war», с. 97). «Было видно, – вторит ему пресс-секретарь Гитлера, Отто Дитрих, – насколько он потрясен» (там же). «Гитлер, – пишет Овери, – оказался перед перспективой большой европейской войны, которой он хотел избежать... Он верил многочисленным заверениям Риббентропа о том, что Британия не будет воевать, потому что он хотел им верить» (там же). Даже после объявления войны союзниками, продолжает ту же мысль Овери на последних страницах своей книги, «Гитлер вновь решил, что Британия и Франция не будут серьезно воевать, **как скоро Польша будет разбита и поделена между Германией и Советским Союзом**» (там же, с. 123).

124 страницы книги английского историка посвящены десяти дням, в ходе которых решалось: быть или не быть Второй мировой. На протяжении его интереснейшей работы он тем не менее вспоминает о Советском Союзе и Сталине, по моим приблизительным подсчетам, не более десяти раз. И это при том, что сам же Овери признает: **именно подписание Пакта Молотова – Риббентропа начало отсчет упомянутых десяти дней**. Что именно наличие у Гитлера «в кармане» сего важнейшего документа давало ему основания надеяться на отсутствие у союзников реальных намерений воевать – **даже после объявления ими войны**. И что таким образом один почти не упоминаемый в книге человек – И.В. Сталин – положил начало цепочке событий, которые с неумолимой логикой сумасшествия привели мир к началу очередной мировой бойни. Правда, как мы помним из

предыдущих глав, уже 3 сентября (ставшего в изложении Овери последним актом десятидневной трагедии) у Гитлера появились первые опасения в отношении того, что недавно заключенный союз с СССР оказался сделкой «сатаны с дьяволом». Помните слезную телеграмму Риббентропа Молотову, направленную в тот же день? В которой советских товарищей упрасивали побыстрее заняться «обобществлением» Польши?.. После прочтения книги Ричарда Овери легко представить настроение, которое 3 сентября 1939 года царило в Берлине, Лондоне и Париже, как чувствовали себя такие разные политики, как Гитлер, Деладье и Чемберлен. Думаю, не ошибусь, сказав, что особой гордости и удовлетворения от хорошо проделанной в течение дня работы никто из них не испытывал. Наверняка не ощущали радости и подавляющее большинство простых немцев, англичан и французов. Каждый из них хорошо помнил об ужасах Первой мировой войны, закончившейся каких-то два десятка лет назад.

Но Овери почему-то не заинтересовало то, в каком расположении духа в этот день находились Сталин и Молотов. А зря! Потому что они-то как раз могли испытывать бурную, захватывающую, ни с чем не сравнимую радость торжествующих по поводу удачного суперобмана политических жуликов. Считаю, что десять дней, описанные Овери, являлись одними из самых лучших и светлых в жизни главных «миролюбцев» планеты. В качестве наглядной иллюстрации этого факта я хочу привести полный текст речи Сталина на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 19 августа 1939 года. Долгое время факт произнесения этой речи категорически отрицали как сам Сталин, так и советские историки.

В качестве иллюстрации упомянутого «научного» подхода приведу высказывание на этот счет из **«Истории Второй мировой войны»**, бичующее происки «очернителей» и «клеветников»: «Американский профессиональный антисоветчик Л. Фишер дошел до пределов клеветы, изображая всю историю Советской России как путь «от мира к войне». Говоря о договоре (*речь идет о Пакте Молотова – Риббентропа* . – Прим. авт.), он называет его «свадьбой», а Советский Союз и Германию «молодоженами, вступившими в брак». Английский историк, одно время игравший в объективность (*прим. автора: видимо, какое-то время тот верил кремлевским сказкам*), утверждает, будто договор «сыграл решающую роль в развязывании войны, которая, по твердому убеждению коммунистов, могла быть использована в целях осуществления их революционной стратегии». Этот клеветник игнорирует тот факт, что советско-германский договор был заключен для мира... Западногерманский историк Е. Еккель в одном из журналов ФРГ опубликовал текст якобы найденной им «записи» речи И. Сталина на заседании Политбюро 19 августа 1939 г., в которой содержится призыв к организации войны «между Германией и англо-французским блоком». Фальсификация очень грубая. Достаточно сказать, что Сталину приписаны такие обороты речи и обращения, которые он никогда не употреблял. Кроме того, **в этот субботний день, 19 августа 1939 г., заседания Политбюро вообще не было** » (том 2, с. 284—285). Отметив, что западные «извратители исторической правды» уже в конце 50-х годов прошлого века совершенно корректно оценивали советский вклад в «борьбу за мир», обратим внимание на сам факт горячего отрицания: «Вообще не было!», «Суббота!», «Политбюро отдыхало!». Как выяснилось, Политбюро таки не отдыхало, а напряженно работало. Об этом поведал в газете **«Известия» от 16 января 1993 года** не кто иной, как основной научный оппонент Резуна-Суворова – ныне покойный генерал Волкогонов, лично, по его словам, державший в руках соответствующего заседания. Тайное, как водится, стало явным и текст речи был найден в бывшем Особом архиве российским историком Т. Бушеевой и опубликован в «Новом мире» в 1994 году. И оказалось, что врал как раз советские авторы всяческих «историй» – кандидаты, доктора и академики исторических и идеологических наук...

Речь Сталина 19 августа 1939 года

«Вопрос мира или войны вступает в критическую для нас фазу. Если мы заключим

договор о взаимопомощи с Францией и Великобританией, Германия откажется от Польши и станет искать «модус вивенди» с западными державами. Война будет предотвращена, но в дальнейшем события могут принять опасный характер для СССР. **Если мы примем предложение Германии о заключении с ней пакта о ненападении, она, конечно, нападет на Польшу, и вмешательство Франции и Англии в эту войну станет неизбежным. Западная Европа будет подвергнута серьезным волнениям и беспорядкам. В этих условиях у нас будет много шансов остаться в стороне от конфликта, и мы сможем надеяться на наше выгодное вступление в войну (здесь и далее выделено мною. – Прим. авт.).**

Опыт двадцати последних лет показывает, что в мирное время невозможно иметь в Европе коммунистическое движение, сильное до такой степени, чтобы большевистская партия смогла бы захватить власть. Диктатура этой партии становится возможной только в результате большой войны. Мы сделаем свой выбор, и он ясен. Мы должны принять немецкое предложение и вежливо отослать обратно англо-французскую миссию. Первым преимуществом, которое мы извлечем, будет уничтожение Польши до самых подступов к Варшаве, включая украинскую Галицию. Германия предоставляет нам полную свободу действий в прибалтийских странах и не возражает против возвращения Бессарабии СССР. Она готова уступить нам в качестве зоны влияния Румынию, Болгарию и Венгрию. Остается открытым вопрос с Югославией... В то же время мы должны предвидеть последствия, которые будут вытекать как из поражения, так и из победы Германии. В случае ее поражения неизбежно произойдет советизация Германии и будет создано коммунистическое правительство. Мы не должны забывать, что советизированная Германия окажется перед большой опасностью, если эта советизация явится последствием поражения Германии в скоротечной войне. Англия и Франция будут еще достаточно сильны, чтобы захватить Берлин и уничтожить советскую Германию. А мы не будем в состоянии прийти на помощь нашим большевистским товарищам в Германии.

Таким образом, *наша задача заключается в том, чтобы Германия смогла вести войну возможно дольше, с целью, чтобы уставшие и до такой степени изнуренные Англия и Франция были бы не в состоянии разгромить советизированную Германию. Придерживаясь позиции нейтралитета и ожидая своего часа, СССР будет оказывать помощь нынешней Германии, снабжая ее сырьем и продовольственными товарами.* Но само собой разумеется, наша помощь не должна превышать определенных размеров для того, чтобы не подрывать нашу экономику и не ослаблять мощь нашей армии.

В то же самое время мы должны вести активную коммунистическую пропаганду, особенно в англо-французском блоке и преимущественно во Франции. Мы должны быть готовы к тому, что в этой стране в военное время партия будет вынуждена отказаться от легальной деятельности и уйти в подполье. Мы знаем, что эта работа потребует многих жертв, но наши французские товарищи не будут сомневаться. Их задачами в первую очередь будут разложение и деморализация армии и полиции. Если эта подготовительная работа будет выполнена в надлежащей форме, безопасность советской Германии будет обеспечена, а это будет способствовать советизации Франции.

Рассмотрим теперь второе предположение, т. е. победу Германии. Некоторые придерживаются мнения, что эта возможность представляет для нас серьезную опасность. Доля правды в этом утверждении есть, но было бы ошибочно думать, что эта опасность будет так близка и так велика, как некоторые ее представляют. Если Германия одержит победу, она выйдет из войны слишком истощенной, чтобы начать вооруженный конфликт с СССР по крайней мере в течение десяти лет.

Ее основной заботой будет наблюдение за побежденными Англией и Францией с целью помешать их восстановлению. С другой стороны, победоносная Германия будет располагать огромными территориями, и в течение многих десятилетий она будет занята их «эксплуатацией» и установлением там германских порядков. Очевидно, что Германия будет очень занята в другом месте, чтобы повернуться против нас. Есть и еще одна вещь, которая

послужит укреплению нашей безопасности. В побежденной Франции компартия всегда будет очень сильной. Коммунистическая революция неизбежно произойдет, и мы сможем использовать это обстоятельство для того, чтобы прийти на помощь Франции и сделать ее нашим союзником. *Позже все народы, попавшие под «защиту» победоносной Германии, также станут нашими союзниками. У нас будет широкое поле деятельности для развития мировой революции. Товарищи! В интересах СССР – Родины трудящихся, чтобы война разразилась между Рейхом и капиталистическим англо-французским блоком. Нужно сделать все, чтобы эта война длилась как можно дольше в целях изнурения двух сторон. Именно по этой причине мы должны согласиться на заключение Пакта, предложенного Германией, и работать над тем, чтобы эта война, объявленная однажды, продлилась максимальное количество времени. Надо будет усилить пропагандистскую работу в воюющих странах для того, чтобы быть готовыми, когда война закончится...»*

Источник: Центр хранения историко-документальных коллекций, бывший Особый архив СССР, ф.7, оп.1, д. 1223.

* * *

Впервые эта речь Сталина была напечатана **25 августа 1939 года** в швейцарской газете *Revue de droit internationale* – то есть через шесть дней после того, как тот ее произнес и спустя два дня после подписания Пакта Молотова – Риббентропа. В ноябре того же года Сталин заклеил эту публикацию, сделанную на основе «абсолютно достоверного источника» информационного агентства *Havas*, как «абсолютно лживую» со страниц «Правды». Это, кстати, один из редких случаев, когда советский диктатор удостоил своим личным вниманием ту или иную «фальшивку», появившуюся на Западе. Вот текст сердитого сталинского опровержения:

«Это сообщение агентства Гавас, как и многие другие его сообщения, представляет вранье. Я, конечно, не могу знать, в каком именно кафе-шантане сфабриковано это вранье. Но как бы ни ввали господ из агентства Гавас, они не могут отрицать того, что:

а) не Германия напала на Францию и Англию, а Франция и Англия напали на Германию, взяв на себя ответственность за нынешнюю войну;

б) после открытия военных действий Германия обратилась к Франции и Англии с мирными предложениями, а Советский Союз открыто поддержал мирные предложения Германии, ибо он считал и продолжает считать, что скорейшее окончание войны коренным образом облегчило бы положение всех стран и народов;

в) правящие круги Англии и Франции грубо отклонили как мирные предложения Германии, так и попытки Советского Союза добиться скорейшего окончания войны.

Таковы факты.

Что могут противопоставить этим фактам кафе-шантанные политики из агентства Гавас?»

И. В. Сталин, «Правда»,

30 ноября 1939 года

Несмотря на беспрецедентность этого личного опровержения вождя (обычно он плевать хотел на «инсинуации» западной прессы; в крайнем случае отбрехивался через ТАСС) и использованный в нем откровенно хамский тон потерявшего выдержку человека, можно понять тех, кто ему поверил – а таких, по-видимому, в то время было большинство. Дело в том, что **вероятность утечки подобного документа в тогдашнем СССР была близка к нулю**. Об этом прекрасно знали в спецслужбах Запада, так никогда и не сумевших заполучить постоянный источник информации в окружении большевистского вождя: подробности о советской политической «кухне» сообщали лишь редкие перебежчики. Да и

содержание речи, несмотря на косноязычные «сталинизмы» («вопрос вступает в критическую фазу»), настолько цинично откровенно, что навевает аналогии с «протоколами сионских мудрецов». Но вот в начале 1990-х оригинальный текст речи неожиданно нашли в бывшем Особом архиве СССР. Мало того, он практически совпал со «швейцарской версией»! Удивительно, но эта историческая сенсация, ничуть не меньшая по значению, чем первая публикация секретных приложений к Московским договорам 1939 года или майские 1941 года «Соображения...» Генерального штаба Красной Армии, до сих пор остается в тени. Это тем более странно, поскольку сей документ однозначно свидетельствует о том, кто в действительности держал в своих руках судьбы народов Европы летом 1939 года, а также как он этими судьбами распорядился.

Существует и другой интригующий аспект этой во всех отношениях необычной истории. **Кто в тогдашнем окружении Сталина смог получить доступ к документу подобной важности?** И не просто снял с него копию, а еще и передал в течение двух-трех дней в Швейцарию (еще два-три дня редакции швейцарской газеты наверняка понадобилось, чтобы убедиться в абсолютной надежности источника)! Интернета тогда не существовало, не было и DHL. А все заграничные телефонные звонки, телеграммы и почтовая корреспонденция находились под тотальным надзором НКВД. Неведомый обладатель тайны огромной важности имел только два способа передать материал за рубеж: в ходе личной поездки за границу или по дипломатическим каналам, воспользовавшись помощью тоже пока неизвестных иностранных граждан. В любом случае НКВД мог если не вычислить самого таинственного смельчака, то как минимум выделить группу подозреваемых...

Кто был этот человек? Один из высокопоставленных сталинских опричников, игравший свою – пока непонятную нам – игру? Или чудом затесавшийся в кремлевскую банду «меченосцев» порядочный человек? Из тех, о ком писал Солженицын в «Архипелаге...»? Выжил ли он (или она)? Сумел ли уйти из лап чекистов, которые наверняка устроили настоящую охоту после этого вопиющего для СССР нарушения режима тотальной секретности? Понятно одно: публикация сталинской речи в швейцарской газете 25 августа 1939 года не отвечала интересам самого Сталина. Тот, кто передал материал газетчикам, рассчитывал, что сможет удержать Гитлера от нападения на Польшу, а Запад – от объявления ему войны. Вполне возможно, что когда упоминавшийся мною британский историк Овери писал об отмене Гитлером собственного только что отданного приказа о переходе польской границы **25 августа 1939 года**, он забыл упомянуть о еще одной причине последних колебаний «бесноватого»: в этот день ему могли показать текст сталинской речи...

Речь Сталина настолько откровенна, что не нуждается в особых комментариях. Ключевые постулаты главного коммуниста планеты:

1) мы можем предотвратить начало большой европейской войны, но нам это невыгодно, а потому – «Пусть сильнее грянет буря!»;

2) в ходе войны может возникнуть очередная «революционная ситуация», которая уже раз помогла нашей банде захватить власть в России; теперь же новый европейский катаклизм может привести нас к полному господству на континенте;

3) нам все равно, кто победит, ибо победителями в итоге окажемся мы – большевики; тем не менее более выгодный вариант – всячески поддерживать Германию и сделать все для того, чтобы война, которую мы инициируем, длилась подольше, убила побольше людей и принесла максимум бед Европе, создав «широкое поле деятельности для развития мировой революции».

«Мир – это война»

Как мы видим, начало Второй мировой и Великой Отечественной войны невозможно рассматривать вне контекста международной ситуации и внешней политики СССР в 1938—1941 годах. Основной постулат книги Резуна-Суворова «Ледокол» вообще заключается в том, что Сталин еще в 20-е годы сумел разглядеть «полезный» потенциал

Гитлера и в течение многих лет сознательно помогал тому достичь властных вершин. Напомню читателю, что я сознательно ограничил источники информации для написания книг цикла «Большая война Сталина» личной библиотекой и Интернетом. Соответственно, мне пока не попались факты, однозначно подтверждающие, что большевики ставили на бывшего ефрейтора и его партию уже в начале 20-х.

С другой стороны, не вызывает сомнений то, что советские правители **всегда уделяли Германии особое внимание**. Вот что по этому поводу пишет современный российский историк Юлия Кантор: «Однако, курируя переговоры с официальными германскими лицами об упрочении связей, советское руководство одновременно рассчитывало на революционное выступление германского пролетариата. И не только рассчитывало. Известно, что вплоть до конца 1923 г. (в октябре 1923 г. состоялась попытка вооруженного восстания рабочих в Гамбурге под руководством Э. Тельмана) руководство РКП(б) активно готовило в Германии базу для революционного выступления. Туда была нелегально (!) отправлена советская делегация для организационной подготовки восстания. В ее составе – К.Б. Радек, И.С. Уншлихт, Е.Д. Стасова, Л.М. Карахан, Г.Л. Пятаков, М.Н. Тухачевский и др. Заместитель председателя ОГПУ СССР И.С. Уншлихт осенью 1923 г. находился на конспиративной работе в Германии, где проводил с немецкими коммунистами инструктивные занятия по «организационным вопросам» (ведение разведки, тактика вооруженного захвата власти). Об этом свидетельствуют, в частности, письма-отчеты Уншлихта Дзержинскому от 2 и 20 сентября 1923 г. Более того, советская агентура и активисты КПГ принялись создавать на территории Германии склады оружия и даже формировали боевые дружины и органы «германской ЧК» («Заклятая дружба», с. 22). Впечатляет, не правда ли?.. Представляю, какой вой подняли бы в самом СССР, если бы туда тайно приехал, скажем, заместитель британского министра внутренних дел и целая куча лордов с генералами – чтобы, сидя на конспиративных квартирах в Москве, Питере и Нижнем, готовить свержение незаконно пришедших к власти большевиков... Заметим также, что заговор против демократически избранного правительства Германии советские товарищи готовили чуть ли не в открытую, совершенно безнаказанно, а после неудачи своего мероприятия преспокойно уехали на родину.

«Факты непосредственного участия советского руководства в этих событиях, – продолжает Юлия Кантор, – подтвердил впоследствии и сам Генсек ЦК ВКП(б) И.В. Сталин. Выступая в августе 1927 г. на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), он заявил: «...Я, как и другие члены комиссии Коминтерна, стоял решительно и определенно за немедленное взятие власти коммунистами. Известно, что созданная тогда германская комиссия Коминтерна в составе Зиновьева, Бухарина, Сталина, Троцкого, Радека и ряда немецких товарищей имела ряд конкретных решений **о прямой помощи германским товарищам в деле захвата власти**» (там же). Иными словами, Сталин совершенно не стеснялся говорить о подрывной роли всемирной террористической организации – Коминтерна – и советских государственных деятелей в присутствии десятков людей. Как говорится, «что естественно, то не безобразно»... Похоже, что в те незабвенные времена к «молодому Советскому государству» и его «детским шалостям» на международной арене в Европе подходили примерно так же, как сегодня мировое сообщество относится к Северной Корее. Потопили южно-корейский корвет? Слава богу, что не атомной бомбой... Надо сказать, что в 1923 году подрывная деятельность Советского государства – изгоя в Германии не закончилась. В 1926 году разразился новый скандал, когда, как пишет Юлия Кантор, «влиятельная английская газета «Манчестер Гардиан» 3 декабря 1926 г. выступила с резкой критикой СССР и Германии. Статьи назывались «Грузы боеприпасов из России в Германию» и «Визиты офицеров в Россию»... 5 декабря 1926 г. газета немецких социал-демократов «Форвертс» статьей «Советские гранаты для пушек рейхсвера»... сообщила о публикации в «Манчестер Гардиан». «Форвертс» выступила с упреком в адрес рейхсвера и с обвинениями против Советской России, которая «вооружает германскую революцию». Москва поставляет оружие для подавления в Германии революционного движения, и она же «подстрекает немецких

рабочих на выступления против пулеметов, начиненных русскими боеприпасами! «Братский привет из Москвы!» – писала «Форвертс», адресуя вопрос в КПГ: «не были ли ружья, стрелявшие в рабочих-коммунистов в Саксонии, Тюрингии и Гамбурге, заряжены русскими пулями?» (там же, с. 69).

Что ж, недаром Иосиф Виссарионович так ненавидел этих самых социал-демократов: не понимали они марксистско-ленинской диалектики! Не понимали, а потому постоянно путались под ногами со своими принципами, чуждыми настоящим борцам за благо трудящихся. Момент долгожданной расплаты настал, когда Гитлер оказался на верхушке властной пирамиды. Бывший подручный Гимmlера Вальтер Шелленберг свидетельствует: «Когда в Германии к власти пришли национал-социалисты, руководство германской компартии получило из Москвы указания считать врагом №1 не НСДАП... а социал-демократическую партию» («Мемуары», с. 55). Почему?... Шелленберг отвечает и на этот вопрос: «В политическом руководстве НСДАП Сталин видел тогда своего рода попутчика в достижении собственных революционно-коммунистических целей в Европе, причем он рассчитывал, что в один прекрасный день Гитлер обратит свое оружие против буржуазии Запада, борьба с которой должна истощить его силы» (там же). Таким образом, Шелленберг подтверждает, что Сталин действительно считал Гитлера своеобразным «ледоколом». **Похоже, что Резун-Суворов прав: если он и ошибается, то исключительно в плане временных рамок начала сталинской поддержки политической деятельности «бесноватого».**

В свете приведенной выше информации уже трудно удивляться событиям августа 1939 года. Благо приведенная выше речь Сталина от 19 августа 1939 года кристаллизовала истинные намерения большевиков. В течение нескольких недель летом 1939 года казалось бы принципиальные идеологические противники – коммунистический Советский Союз и фашистская Германия – неожиданно договорились о ненападении, полномасштабном стратегическом сотрудничестве и разделе сфер влияния в Европе. Все это закрепил Договор о ненападении, более известный как Пакт Молотова – Риббентропа, заключенный на десять лет и подписанный в ночь с 23 на 24 августа. К договору прилагался Секретный дополнительный протокол (полный текст документов приведен, например, на с. 146 сборника «Канун и начало войны»), согласно которому ясно обозначалась сфера влияния СССР в Европе. Фактически Сталин получал право делать практически все, что захочет, с Финляндией, Эстонией, Латвией, Литвой и Бессарабией.

Перед подписанием договора Гитлер на совещании с военными 22 августа говорил следующее: «С осени 1938 года... я решил идти вместе со Сталиным... Сталин и я – единственные, которые смотрим только в будущее. Так, я в ближайшие недели на германо-советской границе подам руку Сталину и вместе с ним приступлю к новому разделу мира (*некоторые историки до сих пор считают, что такая встреча действительно имела место; правда, не совсем понятно, почему она была тайной* . – Прим. авт.)... Генерал-полковник Браухич (*Главком сухопутных сил Германии* . – Прим. авт.) обещал мне войну с Польшей закончить в течение нескольких недель... Мы не можем вести длительную войну. Несчастных червей – Даладье и Чемберлена – я узнал в Мюнхене. Они слишком трусливы, чтобы атаковать нас. Они не могут осуществить блокаду. Наоборот, у нас есть автаркия и русское сырье. Польша будет опустошена и заселена немцами. Мой договор с Польшей был только выигрышем во времени. В общем, господа, с Россией случится то, что я сделал с Польшей. После смерти Сталина, он тяжело больной человек, мы разобьем советскую Россию. Тогда взойдет солнце немецкого мирового господства...» (там же, с. 144).

А вот как, по свидетельству Н.С. Хрущева, отреагировал на подписание Пакта Сталин: «...Он буквально ходил гоголем. Он ходил, задравши нос, и буквально говорил: «Надул Гитлера, надул Гитлера»... «Сталин... правильно оценивал значение этого договора и понимал, что Гитлер хочет нас перехитрить. Он считал, что мы его перехитрили, подписав договор... В связи с этим договором получалось, что войну начинает Гитлер. Это нам выгодно с точки зрения и военной, и моральной. Такими действиями он вызовет на войну

против себя Францию и Англию... Мы же останемся нейтральными» (там же, с.153). Теперь приведем свидетельство Г. Димитрова – «верного ученика Сталина» и тогдашнего начальника глобальной террористической организации Коминтерн, говорившего на эту тему с Иосифом Виссарионовичем 7 сентября 1939 г.: «Сталин: «Мы не возражали бы, если бы они (*Германия, Англия и Франция* . – Прим. авт.) сцепились в хорошей драке и ослабили друг друга... Гитлер, не предполагая и не желая того, ослабит и подорвет капиталистическую систему. Мы можем маневрировать, сталкивать одну сторону с другой, так чтобы они лупили друг друга как можно лучше» (там же, с. 138). Такая вот забота о «мире во всем мире»... Как показали события начала сентября, Сталин понимал Англию и Францию лучше, чем Гитлер. Вместо того, чтобы «сдать» Польшу – как перед тем сдали Австрию и Чехословакию, они предъявили ультиматум, а в течение 3 сентября объявили Германии войну. **Напрашивается вывод о том, что заключение Пакта с СССР объективно подтолкнуло Гитлера к нападению на Польшу и началу Второй мировой войны, которая, как мы видим, вполне отвечала стремлениям Сталина.** С другой стороны, я считаю, что, остановись Гитлер в этот раз, европейская война все равно была неизбежной в обозримом будущем вследствие ментальных особенностей двух диктаторов и многочисленных противоречий между ведущими мировыми державами.

Будущее показало, что Пакт не отвечал интересам обороны СССР: страна получила общую протяженную границу с фашистским агрессором и в значительной степени покрывала потребности Германии в ценнейших видах сырья в течение почти двух лет. Не будет преувеличением сказать, что **переворужение Вермахта и успешная война с союзниками были бы невозможны без советской помощи**. Надо сказать, что Сталин и не рассчитывал на то, что Пакт поможет укреплению мира. «История Второй мировой войны» сообщает, что уже «1 сентября 1939 г. Верховный Совет СССР принял Закон о всеобщей воинской обязанности, который закрепил переход армии и флота на кадровый принцип комплектования и организации. Закон установил новые сроки службы для рядового и младшего начальствующего состава: в сухопутных войсках и авиации – до трех лет, на флоте – до пяти лет. Призывной возраст по новому закону понижался с 21 года до 19 лет, а для закончивших полную среднюю школу – до 18 лет» (том 3, с. 416).

Отмечу, что Верховный Совет умудрился принять этот весьма знаменательный закон (страна откровенно готовилась к Большой войне) в день германского нападения на Польшу и всего лишь неделю спустя после подписания Договора о ненападении. А ведь депутатам – передовым пастухам, героям-стахановцам и прочим советским законодателям надо было еще добраться до Москвы и Кремля! Да и текст **такого** закона пишется не день, не неделю и даже не месяц: его принятию должна была предшествовать тщательная и долгая работа Генштаба. В общем, если к началу Второй мировой РККА насчитывала около двух миллионов военнотружеников, то к 22 июня 1941 года в ней служили уже около пяти с половиной миллионов самых здоровых и подготовленных в военном отношении мужчин СССР. Как ни крути, а у властей Страны Советов не было ни малейших иллюзий по поводу мирной жизни. Тем более что они, как могли, сами и раздували пожар новой войны. И даже, как свидетельствуют приведенные высказывания Сталина и прочих советских деятелей той поры, не делали из этого особого секрета...

Основные вехи сталинской «борьбы за мир» в Европе

17 сентября 1939 года части Красной Армии перешли границу и ударили в спину погибающим в неравной борьбе с немецкими агрессорами вооруженным силам «шляхетской Польши». Отметим, что, осудив фашистов и объявив им войну, Англия и Франция по поводу советского вторжения даже не пикнули, а наоборот, отнеслись нему «с пониманием». К 25 сентября были захвачены территории площадью свыше 190 тыс. кв. километров и с населением в 12 млн человек. На «освобожденных» землях тут же началась ускоренная советизация в лучших большевистских традициях: с грабежами,

изнасилованиями, арестами, «экспроприацией» недвижимости, земли и фабрик, расстрелами и ссылками.

26 ноября 1940 года настала очередь «милитаристской Финляндии»: здесь Сталин использовал такую же провокацию, что и Гитлер в отношении Польши, инсценировав обстрел советских войск советскими же войсками. Думаю, в данном случае сыграло роль сталинское «черное» чувство юмора. Также подозреваю, что Гитлер вполне его оценил – так же, как и верный соратник фюрера Геббельс. Последовала трехмесячная война с «белофиннами» (пусть читатель угадает, где была создана, кормилась, а потом была за ненадобностью распущена загадочная нация «краснофиннов»), в ходе которой СССР понес неожиданно большие потери, но заполучил Карелию, острова и полуострова (в том числе и важнейший – Ханко) в Балтийском море. За бомбардировки мирного населения СССР исключили из Лиги Наций. Попавшие в руки финнов «устаревшие» советские танки Т-28 и БТ верой и правдой служили тамошним «милитаристам» вплоть до конца 50-х годов прошлого века.

К лету 1940 года у «оплота мира» дошли руки и до «буржуазных» Латвии, Эстонии и Литвы. Как пишет моя любимая «История Второй мировой войны», «первым покончил с профашистским режимом (*который тем не менее разрешил еще более «профашистскому» СССР создать на своей территории военные базы.* – Прим. авт.) трудовой народ Литвы». Там «народное демократическое правительство» было создано **17 июня 1940 года**. Та же участь затем постигла «профашистов» Латвии, где правительство «народного фронта» появилось **20 июня 1940 года**. Эстонскому «диктатору» Пятсу дали ногой под зад уже **21 июня**. В общем, со всей Прибалтикой разобрались в течение **одной рабочей недели**. Напомню: это «освобождение», за которым последовала полувековая оккупация, произвело на народы трех республик столь сильное впечатление, что они до сих пор считают героями своих соотечественников, служивших в войсках СС.

Следующий раздел «Истории...» озаглавлен «Мирное решение вопроса о Бессарабии и Северной Буковине». До «боярской» Румынии Сталин добрался сразу после Прибалтики. Здесь не стали церемониться с созданием «демократических» правительств «народного фронта». Прочитайте, пожалуйста, следующую изрядно повеселившую меня цитату составителя «Истории...», напряженно искавшего оправдание аннексии значительной части румынской территории: «В период финляндско-советского вооруженного конфликта румынский король Кароль II заявил в Кишиневе, что Румыния обладает сильной армией, которая сможет дойти до Москвы. При этом король разглагольствовал о том, что настало время подумать об «освобождении братьев-молдован» (том 3, с. 370). Вот уж, наверное, испугались Сталин с Ворошиловым! Небось по утрам подбегали к замерзшим кремлевским окнам и тревожно дышали на стекла, пытаясь разглядеть, не заняли ли уже Красную площадь румынские танки FT-17 (для справки: их выпуск закончился в 1919 году, вес – 6,9 тонны, мощность двигателя – 35 л. с., скорость – 7,7 км/час, вооружение – один пулемет или 37-мм «курносая» пушка). Так и представляю себе бравого румынского танкиста, бодро вылезающего из люка антикварной жестянки с двигателем от «горбатого», оглядывающего орлиными глазами аккуратно очищенную от снега дворниками-чекистами брусчатку и бросающего таким же лихо выглядящим подчиненным: «Вы тут пока примите у Сталина безоговорочную капитуляцию, а я – в «Метрополь», позавтракать...» Даже если упомянутая цитата румынского короля правдива (а ссылка дается на работу с подозрительным названием – «Борьба трудящихся Бессарабии за свое освобождение и воссоединение с советской Родиной», изданную в Кишиневе в 1970 году), то могу представить себе степень интоксикации бедного Кароля в тот злополучный день и что ему на следующее утро сказала жена... В общем, не прошло и полгода, как «созрели предпосылки», и 26 июня Советское правительство передало румынам ноту, краткий смысл которой сводился к тому, чтобы те в два дня очистили указанную им территорию.

В этот раз потомки воинственных даков решили не вспоминать про «поход на Москву» и связываться с «оплотом мира» не стали: «После обмена нотами между правительствами

СССР и королевской Румынии, – сообщает юморист из числа составителей «Истории...», – Бессарабия и Северная Буковина были возвращены Советскому Союзу... 28 июня 1940 г. южная группировка войск под командованием генерала армии Г.К. Жукова перешла Днестр и вступила на территорию Бессарабии и Северной Буковины». А уже 2 августа «возвращенные» территории (Северная Буковина никогда Российской империи не принадлежала) вошли в состав Молдавской и Украинской ССР. Окончание боевого похода Ворошилов, Буденный и прочие высокопоставленные «освободители» отпраздновали купанием в бассейне, наполненном молдавским вином, в компании юных особ женского пола, не являвшихся их женами: «Кому война, а кому мать родна...» Немцы отнеслись к очередному «враждебному поглощению» советских друзей без малейшего энтузиазма. Вот что пишет по этому поводу У. Ширер: «В Берлине возникла определенная тревога, которая распространялась и на штаб ОКВ на Западе. Вермахт зависел от румынской нефти, а Германия, кроме того получала из этой балканской страны продовольствие и фураж. Все это будет потеряно, если Красная Армия оккупирует Румынию» («Взлет и падение III рейха», с. 816).

Сборник «Канун и начало войны» приводит содержание донесения посла Шуленбурга в германский МИД от 23 июня 1940 года: «Я сказал Молотову, что такое решение (*предстоящий ультиматум Румынии*. – Прим. авт.) советского правительства является для меня неожиданным. Я считал, что советское правительство будет настаивать на своих претензиях к Бессарабии, нами не оспариваемых, но не предпримет самостоятельных действий для их реализации. Я боюсь, что внешнеполитические трудности Румынии, которая в настоящее время снабжает нас значительным количеством важнейшего для военной и гражданской промышленности сырья (*Румыния являлась единственным крупным европейским источником нефти для Рейха, без нее германские самолеты, машины и танки встали бы уже через два-три месяца*. – Прим. авт.), серьезно затронут германские интересы» (с. 188). В итоге Германия скрипя зубами согласилась «посоветовать румынскому правительству уступить требованиям советского правительства...» (Риббентроп – советнику Шмидту 27 июня 1940 г.), но осадок, как говорится, остался... Да такой, что уже 22 июля 1940 года Гитлер принял решение – готовиться к нападению на СССР.

Я не могу согласиться с утверждениями о том, что это нападение можно оправдать лишь желанием упредить геополитического и идеологического конкурента. Уверен: Гитлер рано или поздно все равно напал бы на Советский Союз в силу логики глобального соперничества со Сталиным и вследствие своего отвращения к большевизму. Разговоры о «чисто» превентивном характере германского удара – это часто свойственное фашистским главарям (и, к сожалению, некоторым современным историкам) желание прикрыть совершенно корыстные и бесчеловечные планы нацистов разговорами о благородных целях – превентивной войны и «спасения Европы от большевизма». Например, любопытно в этом плане изложение Гейдрихом его разговора с Гитлером, приведенное в «Мемуарах» руководителем зарубежной разведки СД Вальтера Шелленберга: «Даже в случае участия в войне Соединенных Штатов нет оснований ожидать вторжения на Европейский материк раньше, чем через полтора года. Этого времени казалось Гитлеру достаточно для нападения на Россию, не подвергаясь опасности войны на два фронта. Если это время не использовать, считал Гитлер, Германия окажется зажатой между двух врагов-союзников, угрожающих вторжением, и Россией, усилившейся настолько, что вряд ли мы сможем отразить удар с Востока. **Военные приготовления в России, он считает, приняли настолько угрожающий характер, что следует ожидать нападения Советов.** Сталин может в любой момент использовать наши затруднения и на Западе, и в Африке. Пока еще мощь нашего Вермахта достаточна, чтобы нанести поражение России во время этой передышки. **Столкновение с Советским Союзом, по мнению Гитлера, рано или поздно неизбежно**, так как этого требует безопасность Европы (*предварительно захваченной и «нацифицированной» фашистами*. – Прим. авт.). Поэтому было бы лучше предотвратить эту опасность, пока мы чувствуем себя вправе полагаться на собственные силы»

(«Мемуары», с. 206).

Как совершенно правильно написал по этому поводу современный австрийский историк **Хейнц Магенхаймер** в книге «Hitler's War. Germany's Key Strategic Decisions. 1940—1945», «решающее влияние на решение Гитлера оказали не советские военные приготовления, поскольку Германия узнала о них **лишь за несколько недель до 22 июня 1941 года** ; скорее это были политические соображения, касавшиеся концепций могущества и безопасности, а также идеологические противоречия, которые рано или поздно должны были неизбежно привести к конфликту между двумя странами» (здесь и далее перевод с английского мой, с. 48). Я разделяю мнение Магенхаймера, считающего, что «восточная кампания 1941 года... может быть описана как **«война двух агрессоров»** , которые оба одновременно готовились к нападению, но не как превентивная война в традиционном понимании смысла этого термина» (там же, с. 57). О глубине ненависти Гитлера к коммунизму (и не только) свидетельствует, в частности, его бывшая секретарь Криста Шредер: «Когда, диктуя свои речи, он касался коммунизма, его порой переполняли эмоции. Его речь становилась прерывистой, он пропускал слова. То же самое происходило, когда он упоминал Черчилля или Рузвельта. В такие моменты он не стеснялся в выборе слов. В том, что касается меня, когда он начинал слишком часто употреблять такие слова, как «алкаш» (в адрес Черчилля) или «ищейка» (в адрес Сталина), то я просто пропускала часть подобных характеристик. Интересно отметить, что проверяя потом текст, он никогда не замечал пропусков – верный признак волнения, которое охватывало его в такие моменты. В подобных ситуациях его голос переходил на фальцет, а руки яростно жестикулировали. Лицо краснело, а глаза сверкали гневом. Он вдруг останавливался – будто готовясь вступить в схватку с тем или иным воображаемым противником. Во время диктовки у меня часто учащалось сердцебиение: так влияло на меня возбуждение Гитлера» («He was my chief», с. 55).

С другой стороны, трудно спорить и с тем, что **«возвращение» Бессарабии и Северной Буковины в значительной степени ускорило это нападение**. Впрочем, как считают некоторые современные историки, на первом этапе (как минимум до 18 декабря 1940 года), планы Гитлера в отношении СССР были, что называется, «на всякий случай». Ведь даже знаменитый план «Барбаросса» являлся «мерой предосторожности» и должен был быть претворен в жизнь лишь в случае продолжения враждебной по отношению к Рейху политики Сталина. Хайнц Магенхаймер считает, что **«пожалуй, лишь югославские события в начале апреля 1941 года – когда Сталин открыто поддержал путчистов в Белграде и выступил против политики Гитлера на Балканах – сделали германское нападение неизбежным в ближайшей перспективе»** («Hitler's War. Germany's Key Strategic Decisions. 1940—1945», с. 47).

Так или иначе, **политика СССР ни перед началом Второй мировой войны, ни после ее начала не имела ничего общего с укреплением обороноспособности страны: укреплялась лишь ее способность к ведению крупномасштабной агрессивной войны** . Это, собственно, наглядно продемонстрировала катастрофа лета и осени 1941 года. В сборнике «Канун и начало войны» можно найти немало занимательных документов из дипломатической советско-германской переписки в 1940—1941 годах. Из них, в частности, становится ясным, что после вышеупомянутых «освобождений» СССР настойчиво подбирался к Болгарии (та смогла отбиться от советских «гарантий» лишь присоединившись к Тройственному пакту), Турции (там СССР и после окончания Второй мировой – до смерти Сталина – настаивал на долгосрочной аренде советским флотом баз в проливах) и Ирана (вплоть до своего развала Советский Союз пытался получить выход к Индийскому океану; Афганская война, ускорившая падение коммунизма, являлась одним из шагов в этом направлении). Это была политика наглого и абсолютно циничного силового давления, шантажа и грабежа всего, что плохо лежало и на что вынужденно соглашался (до поры до времени) другой империалистический хищник – фашистская Германия. Все «освобожденные» и «возвращенные» территории немедленно «советизировались» и

превращались в огромные военные лагеря для исходного сосредоточения моторизованных группировок невиданной в истории силы.

* * *

В заключение данного аналитического исследования хотелось бы констатировать один неоспоримый факт: сталинская внешнеполитическая стратегия, претворявшаяся в жизнь между двумя мировыми войнами, потерпела полное фиаско. Несмотря на весь цинизм советской политики и глубокую аморальность конкретных шагов СССР на международной арене, **произошло именно то, чего пытался избежать Сталин**. В ходе разразившейся при его прямом поощрении Второй мировой войны главные разрушения и неизмеримые (в том числе и в чисто статистическом плане) человеческие потери **понесли не демократические страны Запада, а Советский Союз**. Поражение германского нацизма, несмотря на страдания и жертвы немецкого народа, все же привело к созданию ФРГ, являющейся сегодня «экономическим двигателем» объединенной Европы и одним из самых богатых, влиятельных и процветающих государств мира, живущим – в отличие от современной России – в мире и согласии со своими соседями. Народы же бывшего СССР – кроме разве что стран Прибалтики и Грузии – так до сих пор и не оправились от последствий сталинского авантюризма.

Краткие выводы

Кратко изложу выводы, которые можно сделать в отношении работ Виктора Суворова на основании моих личных аналитических усилий:

1. Начало Великой Отечественной войны никак нельзя назвать неожиданным для руководства СССР, большинства военнослужащих Красной Армии и РКВМФ, а также для огромных масс советских граждан. **«Внезапным» для всех них стало лишь то, что первый удар нанес Гитлер, а не Советский Союз** (причины этого анализируются в других работах цикла «Большая война Сталина»).

2. Германское правительство официально объявило войну Правительству СССР. Для этого у немцев имелись веские основания, а Советский Союз отнюдь не являлся невинной жертвой. **«Необъявленная война» – миф советской пропаганды**.

3. Я не могу согласиться с Резуном-Суворовым в том, что нападение Гитлера было «чисто» превентивным: таковым оно стало более или менее случайно. С другой стороны, совершенно очевидно, что экспансионистские действия СССР летом 1940 года (и особенно аннексия румынских территорий) приблизили германское нападение. Фактически своими действиями Сталин **заставил Гитлера нанести упреждающий удар по Советскому Союзу: военное нападение на СССР не позже лета 1941 года стало единственной стратегической альтернативой, имевшейся в распоряжении фюрера нацистского государства**.

4. Резун-Суворов скорее всего прав, утверждая, что Гитлер рассматривался большевиками в качестве своеобразного «ледокола», призванного расчистить им дорогу к господству на европейском континенте и в значительной части Азии.

*Киев – Березовка – Лондон,
октябрь 2009 – октябрь 2010*

Эпилог

Почему для автора столь важно попробовать докопаться до истины сейчас – спустя семьдесят лет после начала войны? Во-первых, я считаю, что Советская власть и КПСС, исчезнувшие после развала СССР, слишком дешево отделались. Они должны отвечать (в том

числе и путем законодательного запрещения коммунистической идеологии) не только за десятки миллионов сограждан, погибших во время Гражданской войны, коллективизации, голодомора и сталинских репрессий. Они обязаны нести ответственность и за миллионы тех погибших и неродившихся, кто мог бы жить, если бы страной в то время руководили нормальные люди. В.И. Сталин говорил: «Страна должна знать своих героев!» Полностью с ним согласен. Я хочу, чтобы были названы те, кто, помимо Гитлера, несет ответственность за то, что я и мой отец никогда не видели погибшего в 1943-м деда Петра.

Во-вторых, я считаю, что ложь о Второй мировой, рожденная советскими историками, продолжает отравлять народы бывшего СССР, и в первую очередь – российский народ. Недавно Президент РФ Д. Медведев заявил, что «Некоторые вещи не должны являться предметом публичной дискуссии, тем более политической. Именно это произошло с событиями Второй мировой войны, когда отдельные европейские страны начали говорить о том, что СССР и гитлеровская Германия должны нести равную ответственность за начало Второй мировой войны».

Конечно, должны! И это касается всех! Например, Англия с Францией должны признать свою историческую вину за политику «умиротворения Гитлера», за Австрию с Чехословакией, за послевоенную «сдачу» Сталину Восточной Европы, за выдачу Советам бывших белогвардейцев, за свои трусость, недалекость и лицемерие. Тогда, глядишь, научатся вести себя и с сегодняшними властями Китая или России! Попытки нынешнего «чекистского» руководства Российской Федерации втихаря оправдать Сталина и заставить россиян забыть о его преступлениях против собственного народа не просто отвратительны. То, что русский народ лишен возможности увидеть и трезво оценить себя в зеркале исторической правды, означает, что Россию и в будущем будут ждать все те же грабли, на которые она наступала в последние двести лет: иррациональное противостояние с Западом; безответственное заигрывание с будущим агрессором (в этот раз на Востоке) и его вооружение; страх и ненависть соседей; бесконтрольная коррумпированная власть; видимость демократии и искусственные, никогда не приносившие русским людям ничего хорошего, имперские идеалы. Через подобную нелегкую процедуру самооценки прошли Германия и Япония, навсегда отказавшиеся от милитаризма и построившие успешные демократические общества. В результате эти державы, потерпевшие сокрушительное поражение в ходе Второй мировой, сегодня являются образцами для подражания со стороны всего остального мира. Найдутся ли желающие подражать путинской России? Надеюсь, что нет...

В-третьих, я поражен отсутствием широкого публичного интереса к этой теме в Украине – в стране, **БОЛЬШЕ ВСЕХ** пострадавшей во Второй мировой войне. Или кто-то забыл, что коллективизация и голодомор – это «этапы большого пути» Сталина к коммунистическому господству на континенте? Что именно с нашей территории Красная Армия планировала начать свой «освободительный» поход? Что из-за авантюризма большевиков миллионы украинцев погибли или были превращены в рабов?

Историческая правда не должна рассматриваться обществом с точки зрения «удобства», «своевременности», «вреда» или «пользы». Ее не может быть «слишком много». Она не должна «ждать последующих поколений». **Историческая правда – это иммунная система народа, а ложь эту систему подрывает и убивает.** Если нация не может заставить себя заглянуть в зеркало прошлого и увидеть там свое настоящее отражение – уродливое или прекрасное – она обречена на гниение. «Последующих поколений» просто не будет: вернее, они будут говорить на чужом языке...

Приложение

Нота Министерства иностранных дел Германии Советскому правительству от 21 июня 1941 года Меморандум

I

Когда правительство рейха, исходя из желания прийти к равновесию интересов Германии и СССР, обратилось летом 1939 года к Советскому правительству, оно отдавало себе отчет в том, что взаимопонимание с государством, которое, с одной стороны, представляет свою принадлежность к сообществу национальных государств со всеми вытекающими из этого правами и обязанностями, а с другой – будучи руководимой партией, которая как секция КОМИНТЕРНА стремится к распространению революции в мировом масштабе, то есть к уничтожению этих национальных государств, вряд ли будет легкой задачей. Подавляя в себе серьезные сомнения, порожденные этим принципиальным различием в политической ориентации Германии и Советской России и острейшим противоречием между диаметрально противоположными мировоззрениями НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА и БОЛЬШЕВИЗМА, Германское правительство все же предприняло такую попытку. При этом оно руководствовалось тем соображением, что обусловленное взаимопонимание между Германией и Россией, исключение вероятности войны и достижимое, таким образом, удовлетворение новых жизненных потребностей обоих издавна считающихся дружественных народов будет лучшей защитой от дальнейшего распространения коммунистических доктрин международного еврейства в Европе. Эта мысль была подкреплена тем, что определенные события в самой России и некоторые меры русского правительства на международной арене, по меньшей мере, позволяли считать возможным отход от этих доктрин и от прежних методов разложения народов. Реакция Москвы на это предложение немецкого правительства и готовность СССР заключить дружественный пакт с Германией вполне подтверждали вероятность такого поворота.

Таким образом, 23 августа 1939 года был подписан Пакт о ненападении, а 28 сентября 1939 года – Договор о дружбе и границах между обоими государствами.

Суть этих договоров состояла в следующем:

1) в обоюдном обязательстве государств не нападать друг на друга и состоять в отношениях добрососедства;

2) в разграничении сфер интересов путем отказа германского рейха от любого влияния в Финляндии, Латвии, Эстонии, Литве и Бессарабии, в то время как территория бывшего Польского государства до линии Нарев – Буг – Сан по желанию Советской России оставалась за ней.

Действительно, правительство рейха, заключив с Россией пакт о ненападении, СУЩЕСТВЕННО ИЗМЕНИЛО СВОЮ ПОЛИТИКУ ПО ОТНОШЕНИЮ К СССР и с этого дня заняло дружественную позицию по отношению к Советскому Союзу. Оно строго следовало букве и духу подписанных с Советским Союзом договоров. Более того, усмирило Польшу, а это значит, ценою немецкой крови способствовало достижению Советским Союзом наибольшего внешнеполитического успеха за время его существования. Это стало возможным лишь благодаря доброжелательной политике Германии по отношению к России и блестящим победам вермахта.

Поэтому правительство рейха по праву полагало, что оно может надеяться на соответствующее отношение Советского Союза к рейху, особенно во время переговоров министра иностранных дел рейха фон Риббентропа в Москве. Советское правительство и в других случаях неоднократно отмечало, что эти договоры являются основой для длительного уравнивания двусторонних интересов Германии и Советской России и что оба народа, уважая государственный строй каждой стороны и не вмешиваясь во внутренние дела партнера, придут к длительным отношениям добрососедства. К СОЖАЛЕНИЮ, ОЧЕНЬ СКОРО ВЫЯСНИЛОСЬ, ЧТО ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕЙХА СИЛЬНО ОШИБЛОСЬ В СВОИХ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯХ.

II

И действительно, сразу после заключения германо-русских договоров Коминтерн активизировал свою деятельность во всех областях.

Это относится не только к самой Германии, но и дружественным ей или нейтральным государствам и территориям Европы, занятым германскими войсками. Чтобы открыто не нарушать договоры, менялись лишь методы и старательней, утонченней проводилась маскировка. Постоянным разоблачением так называемой «империалистической войны Германии» в Москве, очевидно, надеялись компенсировать результаты заключения пакта с национал-социалистической Германией. В результате предпринятых полицией эффективных контрмер Коминтерн вынужден был проводить свою подрывную и разведывательную деятельность против Германии окружными путями через свои центры в соседних с Германией странах. Для этого прибегали к услугам бывших немецких коммунистических деятелей, которые должны были проводить в Германии ПОДРЫВНУЮ РАБОТУ и подготовку саботажных акций. Комиссар ГПУ Крылов постоянно занимался обучением и подготовкой кадров по этому вопросу. Наряду с этим проводилась подрывная деятельность на занятых Германией территориях, особенно в протекторате и в занятой Франции, а также против Норвегии, Голландии, Бельгии и т. д.

Представительство Советской России, особенно генеральное консульство в Праге, оказывали в этом вопросе эффективную помощь. С использованием радиотехнических средств приема и передачи усердно велась разведка, что является неопровержимым доказательством работы Коминтерна, направленной против рейха. Обо всей прочей подрывной и разведывательной работе Коминтерна имеется обширный документальный материал показаний свидетелей и письменный материал. Кроме этого, создавались диверсионные группы, имевшие собственные лаборатории, в которых производились зажигательные и взрывные устройства для проведения диверсионных акций. Такие диверсии были, к примеру, проведены по меньшей мере против 16 немецких кораблей.

Наряду с этой подрывной диверсионной работой велся ШПИОНАЖ. Так, переселение немцев из Советской России использовалось для того, чтобы самыми грязными средствами склонить этих немецких людей работать на ГПУ. Не только мужчин, но и женщин самым бесстыдным образом принуждали давать согласие на сотрудничество с ГПУ. Даже посольство Советской России в Берлине во главе с советником посольства Кобуловым не постеснялось бесцеремонно использовать право экстерриториальности для шпионских целей. Затем сотрудник русского консульства в Праге Мохов организовал центр русской шпионской сети, охватившей весь протекторат. Другие случаи, в которых полиции удалось своевременно вмешаться, дают ясную и однозначную картину об обширных происках Советской России. Картина в целом ясно свидетельствует о том, что Советская Россия широко проводила против Германии нелегальную подрывную деятельность, диверсии, террор и направленный на подготовку к войне политический, военный и экономический шпионаж.

Что касается подрывной деятельности Советской России за пределами Германии в Европе, то она распространялась почти на все дружественные Германии или занятые ею государства Европы. Так, к примеру, в РУМЫНИИ с целью создания антигерманского настроения коммунистическая пропаганда в листовках, переправленных из России, обвиняла Германию во всех трудностях. С лета 1940 года то же самое отчетливо проявилось в ЮГОСЛАВИИ. Там листовки призывали к протесту против заключения пакта режимом Цветковича с империалистическими правительствами в Берлине и Риме. На собрании деятелей коммунистической партии в Аграме весь юго-восток Европы от Словакии до Болгарии обозначался русским протекторатом в случае, как они надеялись, ослабления Германии в военном отношении. В советской миссии в Белграде германским войскам попало в руки документальное доказательство тому, что эта пропаганда исходила из Советской России. В то время как коммунистическая пропаганда в Югославии использовала националистические лозунги, в Венгрии она действовала прежде всего среди русинского населения, которое она пленила надеждами освобождения Советской Россией. Особенно

активной была антигерманская травля в Словакии, где открыто велась агитация за присоединение к Советской России.

В ФИНЛЯНДИИ действовало пресловутое «Объединение за мир и дружбу с Советским Союзом», которое во взаимодействии с радиостанцией «Петроской» стремилось разложить эту страну и работало в крайне враждебном по отношению к Германии духе.

Во ФРАНЦИИ, БЕЛЬГИИ и ГОЛЛАНДИИ население натравливали на германские оккупационные власти. Такая же травля, только с национальной и панславистской окраской, велась и в ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВЕ. Едва германские и итальянские войска заняли ГРЕЦИЮ, как пропаганда Советской России и здесь принялась за работу. Общая картина свидетельствует о систематической проводимой во всех странах кампании СССР против попыток Германии установить стабильный порядок в Европе. Наряду с этим против усилий германской политики проводится прямая контрпропаганда, которая пытается выдать эти усилия за антирусские и перетянуть различные страны на сторону Советской России, настроив их против Германии. В БОЛГАРИИ велась агитация против вступления в Тройственный пакт и за гарантийный договор с Россией. В РУМЫНИИ 23 января 1941 года была устроена попытка путча, за которым стояли большевистские агенты Москвы, путем внедрения в Железную гвардию и подстрекательства ее руководства, в частности румына Гроза. У правительства рейха имеются соответствующие неопровержимые доказательства.

Что касается ЮГОСЛАВИИ, то правительство рейха располагает документами, свидетельствующими о том, что югославский посланец Георгиевич уже в мае 1940 года после беседы с господином Молотовым пришел к выводу, что там Германию считают «грозным врагом завтрашнего дня». Еще более однозначным было отношение России к изложенным сербскими военными просьбам о поставке оружия. В ноябре 1940 года начальник генерального штаба Советской России заявил югославскому атташе: «Мы дадим все необходимое и немедленно». Право установления цен и порядка оплаты предоставляется белградскому правительству, и ставилось только одно условие: **ДЕРЖАТЬ В ТАЙНЕ ОТ ГЕРМАНИИ**. Позднее, когда правительство Цветковича сблизилось с государствами оси, в Москве начали затягивать поставки оружия: об этом было коротко и ясно заявлено в военном министерстве Советской России югославскому атташе. Организация белградского путча 27 марта этого года была кульминационным моментом этой подрывной деятельности сербских заговорщиков и англо-русских агентов против рейха. Сербский организатор этого путча и руководитель «Черной руки» господин Зимич до сих пор находится в Москве и в тесном контакте с органами пропаганды Советской России и сейчас развертывает там активную деятельность против рейха.

Вышеуказанные факты являются лишь небольшой частью неслыханной широкомасштабной пропагандистской деятельности СССР в Европе против Германии. Правительство рейха решило опубликовать имеющиеся в его распоряжении обширные материалы, чтобы предоставить на суд мировой общественности общую картину деятельности служб Советской России в этом направлении после заключения германо-русских договоров. В целом правительство рейха вынуждено констатировать следующее:

При заключении договоров с Германией Советское правительство неоднократно и недвусмысленно заявляло, что оно не намерено прямо или косвенно вмешиваться в дела Германии. При заключении договора о дружбе оно торжественно заявляло, что будет сотрудничать с Германией, чтобы в соответствии с подлинными интересами всех народов как можно быстрее положить конец войне между Германией с одной стороны и Англией и Францией с другой стороны. В свете вышеуказанных фактов, особенно проявившихся в дальнейшем ходе войны, соглашения и заявления Советской России **ОКАЗАЛИСЬ УМЫШЛЕННЫМ ОБМАНОМ**. Даже все преимущества, достигнутые благодаря дружественной позиции Германии, не смогли побудить Советское правительство к лояльному отношению к Германии.

Более того, правительство рейха пришло к убеждению, что тезис **ЛЕНИНА**, еще раз четко изложенный в «Директиве Коммунистической партии Словакии» от октября 1939 года,

согласно которому «возможно заключение договоров с другими странами, если они служат интересам Советского правительства и обезвреживают противника», использовался и при заключении договоров 1939 года. Таким образом, заключение договоров о дружбе было для Советского правительства лишь тактическим маневром. Единственной целью для России было заключение выгодных ей соглашений и одновременно создание предпосылок для дальнейшего усиления влияния Советского Союза. Главной идеей было ослабление небольшевистских государств, с тем чтобы легче было их разложить и в подходящий момент разгромить. Это было с жесткой ясностью отражено в русском документе, найденном после оккупации в советской миссии в Белграде, в котором говорится: «СССР отреагирует лишь в подходящий момент. Государства оси еще больше распылили свои вооруженные силы, и поэтому СССР внезапно нанесет удар по Германии».

III

Если пропагандистская подрывная деятельность Советского Союза в Германии и Европе вообще не оставляет никакого сомнения в его позиции по отношению к Германии, то **ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ И ВОЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ** Советского правительства после заключения германо-русских договоров носит еще ярче выраженный характер. В Москве во время разграничения сфер влияния правительство Советской России заявило министру иностранных дел рейха, что оно не намеревается занимать, большевизировать или аннексировать входящие в сферу его влияния государства, за исключением находящихся в состоянии разложения областей бывшего Польского государства. В действительности же, как показал ход событий, политика Советского Союза направлена исключительно на одно, а именно: **В ПРОСТРАНСТВЕ ОТ ЛЕДОВИТОГО ОКЕАНА ДО ЧЕРНОГО МОРЯ ВЕЗДЕ, ГДЕ ТОЛЬКО ВОЗМОЖНО, ВЫДВИНУТЬ ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ МОСКВЫ НА ЗАПАД И РАСПРОСТРАНИТЬ БОЛЬШЕВИЗАЦИЮ ВГЛУБЬ ЕВРОПЫ.**

Развитие этой политики характеризуется следующими этапами:

1. Началом развития этой политики явилось заключение так называемых договоров о взаимопомощи с **ЭСТОНИЕЙ, ЛАТВИЕЙ и ЛИТВОЙ** в октябре и ноябре 1939 года и возведение военных баз в этих странах.

2. Следующий ход Советской России был сделан по отношению к **ФИНЛЯНДИИ**. Когда требования Советской России, принятие которых грозило бы потерей суверенитета свободному финскому государству, были отклонены финским правительством, Советское правительство распорядилось о создании коммунистического псевдоправительства Куусинена. И когда финский народ отказался от этого правительства, Финляндии был предъявлен ультиматум, и в ноябре 1939 года Красная Армия вошла на территорию Финляндии. В результате заключенного в марте финско-русского мира Финляндия вынуждена была уступить часть своих юго-восточных провинций, которые сразу подверглись большевизации.

3. Спустя несколько месяцев, а именно в мае 1940 года, Советский Союз начал принимать меры против **ПРИБАЛТИЙСКИХ ГОСУДАРСТВ**. Согласно первому Московскому договору Литва относилась к сфере германских интересов. В интересах сохранения мира, хотя и скрепя сердце, правительство рейха во втором договоре по просьбе Советского Союза отказалось от большей части территории этой страны, оставив часть ее в сфере интересов Германии. После предъявления ультиматума от 15 июня Советский Союз, не уведомив об этом правительство рейха, занял всю Литву, т. е. и находившуюся в сфере влияния Германии часть Литвы, подойдя таким образом непосредственно к границе Восточной Пруссии. Позднее последовало обращение к Германии по этому вопросу, и после трудных переговоров, пойдя на еще одну дружескую уступку, правительство рейха отдало Советскому Союзу и эту часть Литвы. Затем таким же способом, в нарушение заключенных с этими государствами договоров о помощи, были оккупированы Латвия и Эстония. Таким образом, вся Прибалтика вопреки категорическим заверениям Москвы была

большевизирована и спустя несколько недель после оккупации сразу аннексирована. Одновременно с аннексией последовало сосредоточение первых крупных сил Красной Армии во всем северном секторе плацдарма Советской России против Европы.

Между прочим, Советское правительство в одностороннем порядке расторгло экономические соглашения Германии с этими государствами, хотя по Московским договоренностям этим соглашениям не должен был бы наноситься ущерб.

4. По вопросу о разграничении сфер влияния на территории бывшего Польского государства Московскими договорами было ясно согласовано, что о границах сфер влияния не будет вестись никакая политическая агитация, а деятельность обеих оккупационных властей ограничится исключительно вопросами мирного строительства на этих территориях. У правительства рейха имеются неопровержимые доказательства того, что, несмотря на эти соглашения, Советский Союз сразу же после занятия этой территории не только разрешил антигерманскую агитацию в польском генерал-губернаторстве, но и одновременно поддержал ее большевистской пропагандой в гебернаторстве. Сразу же после оккупации и на эти территории были переброшены крупные русские гарнизоны.

5. В то время как германская армия на Западе вела боевые действия против Франции и Англии, последовал удар Советского Союза на БАЛКАНАХ. Тогда как на Московских переговорах Советское правительство заявило, что никогда в одностороннем порядке не будет решать бессарабский вопрос, правительство рейха 24 июня 1940 года получило сообщение Советского правительства о том, что оно полно решимости силой решить бессарабский вопрос. Одновременно сообщалось, что советские притязания распространяются и на Буковину, то есть на территорию, которая была старой австрийской коронной землей, никогда России не принадлежала и о которой в свое время в Москве вообще не говорилось. Германский посол в Москве заявил Советскому правительству, что его решение является для правительства рейха совершенно неожиданным и сильно ущемляет германские интересы в Румынии, а также приведет к нарушению жизни крупной немецкой колонии и нанесет ущерб немецкой нации в Буковине. На это господин Молотов ответил, что дело исключительной срочности и что Советский Союз в течение 24 часов ожидает ответ правительства рейха. И на этот раз правительство Германии во имя сохранения мира и дружбы с Советским Союзом решило вопрос в его пользу. Оно посоветовало румынскому правительству, обратившемуся за помощью к Германии, пойти на уступку и рекомендовало ему отдать Советской России Бессарабию и Северную Буковину. Наряду с положительным ответом румынского правительства Германия передала Советскому правительству просьбу румынского правительства о предоставлении ему времени для эвакуации населения с этих больших территорий и для обеспечения жизни и сохранности имущества местных жителей. Однако Советское правительство снова предъявило Румынии ультиматум и еще до истечения его срока – 28 июня – начало оккупацию части Буковины, а затем и всей Бессарабии до Дуная. И эти территории были тотчас аннексированы Советским Союзом, большевизированы и этим самым фактически разорены.

Оккупация и большевизация Советским правительством территорий Восточной Европы и Балкан, переданных Советскому Союзу правительством рейха в Москве в качестве сферы влияния, полностью ПРОТИВОРЕЧАТ МОСКОВСКИМ ДОГОВОРЕННОСТЯМ. Несмотря на это, правительство рейха даже тогда заняло по отношению к СССР более чем лояльную позицию. Оно проявило полный нейтралитет в финской войне и прибалтийском вопросе, поддержало позицию Советского правительства по отношению к румынскому правительству и смирилось, хотя и скрепя сердце, с реалиями, сложившимися в результате действий Советского правительства. Кроме того, чтобы с самого начала исключить возможность разногласия между обоими государствами, оно предприняло широкую акцию по переселению в Германию всех немцев с занятых СССР территорий. Правительство рейха считает, что вряд ли можно было представить более веское доказательство своего желания к длительному примирению с СССР.

IV

Экспансия России на Балканах вызвала территориальные проблемы в этом районе. Летом 1940 года Румыния и Венгрия обратились к Германии с целью урегулирования их спорных территориальных вопросов, после того как в конце августа из-за этих разногласий, разжигаемых английскими агентами, возник острый кризис. Румыния и Венгрия находились на грани войны между собой. Германия, которую Венгрия и Румыния неоднократно просили о посредничестве в их споре с целью сохранения мира на Балканах, совместно с Италией пригласили оба государства на конференцию в Вену, и по их просьбе 30 августа 1940 года состоялось решение Венского арбитража. В результате этого была установлена новая румынско-венгерская граница, а Германия с Италией, стремясь помочь румынскому правительству разъяснить своему народу причины понесенных им территориальных жертв и исключить в будущем любые столкновения в этом районе, приняли на себя обязательства ГАРАНТОВ румынского государства в теперешних его границах. Так как русские претензии в этом районе были удовлетворены, эти гарантии никак не могли быть направлены против России. Несмотря на это, Советский Союз обжаловал это решение и вопреки своим прежним заявлениям о том, что с присоединением Бессарабии и Северной Буковины его претензии на Балканах удовлетворены, заявил о своих дальнейших интересах на Балканах, не определив их пока конкретно.

С этого момента все четче вырисовывается направленная против Германии политика Советской России. Правительство рейха получает теперь все более конкретные сообщения о том, что переговоры английского посла Криппса в Москве, тянущиеся уже очень долго, развиваются в благоприятной атмосфере. Одновременно правительство рейха овладело документами, свидетельствующими об интенсивных военных приготовлениях Советского Союза во всех областях. Эти документы подтверждаются и найденным недавно в Белграде отчетом югославского военного атташе в Москве от 17 декабря 1940 года, в котором, между прочим, дословно говорится: «По данным, полученным из советских кругов, полным ходом идет перевооружение ВВС, танковых войск и артиллерии с учетом опыта современной войны, которое в основном будет закончено К АВГУСТУ 1941 ГОДА. ЭТОТ СРОК, ОЧЕВИДНО, ЯВЛЯЕТСЯ И КРАЙНИМ (ВРЕМЕННЫМ) ПУНКТОМ, ДО КОТОРОГО НЕ СЛЕДУЕТ ОЖИДАТЬ ОЩУТИМЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ».

Несмотря на недружественную позицию Советского Союза в балканском вопросе, Германия прилагает новые усилия к улучшению взаимопонимания с СССР, и министр иностранных дел рейха в письме к господину Сталину дает широкое изложение политики правительства рейха после Московских переговоров. В письме особенно подчеркивается следующее: при заключении Тройственного пакта Германия, Италия и Япония единодушно исходили из того, что этот пакт никоим образом не направлен против Советского Союза, а дружественные отношения трех государств и их договоры с СССР вообще не должны затрагиваться этим соглашением. В Тройственном пакте, подписанном в Берлине, это зафиксированно и документально. Одновременно в письме выражается желание и надежда государств Тройственного пакта на дальнейшее улучшение дружественных отношений с Советским Союзом и придание им конкретной формы. С целью дальнейшего обсуждения этих вопросов министр иностранных дел рейха приглашает господина Молотова в Берлин.

Во время визита господина Молотова в Берлин правительство рейха вынуждено было установить, что Россия действительно готова к дружественному сотрудничеству с государствами Тройственного пакта, и в особенности с Германией, лишь в том случае, если она готова выполнить поставленные Советским Союзом условия. Эти условия заключаются в дальнейшем проникновении Советского Союза на Север и Юго-Восток Европы. В Берлине и на последующих дипломатических переговорах с германским послом в Москве господин Молотов выдвинул следующие требования:

1. Советский Союз хочет предоставить Болгарии гарантии и в добавление к этому

заключить с этим государством договор о взаимопомощи по образцу договоров о взаимопомощи в Прибалтике, т. е. с военными базами, в то время как господин Молотов заявляет, что это не коснется внутреннего режима Болгарии. С этой целью русский комиссар Соболев посетил в это время Софию.

2. Советский Союз требует заключения договора с Турцией с целью создания базы для сухопутных и военно-морских сил на Босфоре и Дарданеллах на основе долгосрочной аренды. В случае если Турция не согласится с этим, Германия и Италия должны присоединиться к русским дипломатическим мероприятиям по принуждению ее к выполнению этих требований. Эти требования сводятся к господству СССР на Балканах.

3. Советский Союз заявляет, что он вновь ощущает угрозу со стороны Финляндии и поэтому требует полного отказа Германии от Финляндии, что практически означает оккупацию этого государства и истребление финского народа.

Естественно, Германия не могла принять эти русские требования, выполнение которых Советское правительство считало предварительным условием присоединения к государствам Тройственного пакта. Этим самым усилия государств Тройственного пакта по достижению взаимопонимания с Советским Союзом потерпели фиаско. В результате этой германской позиции Россия усилила уже более открыто направленную против Германии политику, а ее все более тесное сотрудничество с Англией становилось очевидным. В январе 1941 года эта отрицательная русская позиция впервые проявилась и в дипломатической сфере. Когда в этом месяце Германия предприняла в Болгарии определенные контрмеры против высадки британских войск в Греции, русский посол в Берлине в официальном демарше указал на то, что **СОВЕТСКИЙ СОЮЗ СЧИТАЕТ ТЕРРИТОРИЮ БОЛГАРИИ И ЗОНУ ОБОИХ ПРОЛИВОВ ЗОНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР И ЧТО ОН НЕ МОЖЕТ РАВНОДУШНО ОТНОСИТЬСЯ К СОБЫТИЯМ В ЭТИХ РАЙОНАХ, УГРОЖАЮЩИМ ЕГО БЕЗОПАСНОСТИ. ПОЭТОМУ СОВЕТСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ПРЕДОСТЕРЕГАЕТ ОТ ПОЯВЛЕНИЯ ГЕРМАНСКИХ ВОЙСК НА ТЕРРИТОРИИ БОЛГАРИИ И В ЗОНЕ ОБОИХ ПРОЛИВОВ.**

В ответ на это правительство рейха дало Советскому правительству исчерпывающие разъяснения причин и целей военных мер Германии на Балканах. Оно указало на то, что Германия всеми силами и средствами будет препятствовать закреплению Англии в Греции, но она не намеревается занимать проливы, а будет уважать суверенитет Турции. Проход германских войск через территорию Болгарии не может считаться ущемлением интересов безопасности Советского Союза, правительство рейха, напротив, полагает, что эти операции служат и советским интересам. После проведения операций на Балканах Германия выведет оттуда свои войска.

Несмотря на это заявление правительства рейха, Советское правительство в свою очередь сразу же после ввода германских войск опубликовало в адрес Болгарии заявление **ЯВНО ВРАЖДЕБНОГО АНТИГЕРМАНСКОГО ХАРАКТЕРА**, смысл которого сводился к тому, что присутствие германских войск в Болгарии служит не делу мира на Балканах, а интересам войны. Объяснение этой позиции дали правительству рейха участвовавшие к этому времени сообщения о все более тесном сотрудничестве между Советской Россией и Англией. Несмотря на это, Германия и на этот раз не отреагировала. К этой же категории относится и обещанное в марте 1941 года Советским Союзом Турции прикрытие с тыла в случае, если она вступит в войну на Балканах. Это было, как стало известно правительству рейха, результатом англо-русских переговоров во время визита Британского министра иностранных дел в Анкару, усилия которого были направлены на то, чтобы таким путем глубже втянуть Россию в английскую игру.

V

С возникновением Балканского кризиса в начале апреля этого года усиливающаяся с этого времени агрессивная политика Советского правительства по отношению к

германскому рейху и до сих пор в некоторой степени завуалированное сотрудничество между Советским Союзом и Англией становятся очевидными всему миру. Сегодня однозначно установлено, что путч, затеянный в Белграде после присоединения Югославии к Тройственному пакту, был устроен Англией с согласия Советской России. Уже давно, а именно с 14 ноября 1940 года, Россия тайно вооружала Югославию против государств оси. Бесспорным доказательством этому являются документы, попавшие в руки правительства рейха после занятия Белграда, которые раскрывают каждую фазу этих русских поставок оружия Югославии. После удавшегося путча РОССИЯ 5 АПРЕЛЯ ЗАКЛЮЧАЕТ С НЕЗАКОННЫМ СЕРБСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ СИМОВИЧА ДРУЖЕСТВЕННЫЙ ПАКТ, который должен был укрепить позиции путчистов и помочь своим весом сплочению совместного англо-югославо-греческого фронта. 6 апреля 1941 года помощник государственного секретаря господин САМНЕР УЭЛС, неоднократно встречавшийся до этого с советским послом в Вашингтоне, с явным удовлетворением констатирует в связи с этим: «ПРИ ИЗВЕСТНЫХ УСЛОВИЯХ РУССКО-ЮГОСЛАВСКИЙ ПАКТ МОЖЕТ ИМЕТЬ ОГРОМНОЕ ЗНАЧЕНИЕ, ОН ЗАТРАГИВАЕТ МНОГОСТОРОННИЕ ИНТЕРЕСЫ, И ИМЕЮТСЯ ОСНОВАНИЯ ПОЛАГАТЬ, ЧТО ОН ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ НЕЧТО БОЛЬШЕЕ, ЧЕМ ТОЛЬКО ПАКТ О ДРУЖБЕ И НЕНАПАДЕНИИ».

Итак, в то время, когда германские войска были сосредоточены на территории Румынии и Болгарии против массовой высадки английских войск в Греции, Советский Союз, теперь уже в явном сговоре с Англией, пытается нанести Германии удар в спину, а именно:

1) открыто поддерживает Югославию, политически и тайно оказывает ей военную помощь;

2) заверяя Турцию в поддержке, пытается побудить ее к занятию агрессивной позиции по отношению к Болгарии и Германии и к вводу турецких войск во Фракию в весьма неблагоприятной военной обстановке;

3) сам сконцентрировал крупные военные силы на румынской границе, в Бессарабии и у Молдовы;

4) внезапно в начале апреля заместитель народного комиссара иностранных дел Вышинский в беседах с румынским посланником Гафеску в Москве предпринимает попытку начать политику быстрого сближения с Румынией с целью побудить ее к отходу от Германии. Английская дипломатия при посредничестве американцев в Бухаресте предпринимает усилия в этом же направлении.

Согласно англо-русскому плану по германским войскам в Румынии и Болгарии планировалось нанесение удара с трех сторон, а именно: из Бессарабии, Фракии и Сербии – Греции. Лишь благодаря лояльности генерала Антонеску, реалистической позиции турецкого правительства и прежде всего оперативному вмешательству Германии и решающим победам германской армии этот англо-русский план был сорван. Как стало известно правительству рейха из сообщений, почти 200 югославских самолетов с советскими и английскими агентами, а также с сербскими путчистами под руководством господина Зимича, частично отправлены в Россию, где эти офицеры служат сегодня в русской армии, а частично – в Египет. Уже один этот факт представляет в особом свете тесное сотрудничество Англии и России с Югославией.

Советское правительство напрасно пыталось всячески замаскировать истинные цели своей политики. Советское правительство, поддерживая в последнее время экономические отношения с Германией и предприняв ряд отдельных мер, хотело продемонстрировать всему миру якобы нормальные или даже дружественные отношения с Германией. Сюда следует отнести высылку им несколько недель тому назад норвежского, бельгийского, греческого и югославского посланников, обход молчанием британской прессой германо-русских отношений, организованный британским послом Криппсом по согласованию с Советским правительством, и, наконец, опубликованное недавно опровержение ТАСС, изображавшее отношения между Германией и Советской Россией вполне корректными. Эти отвлекающие

маневры, находящиеся в вопиющем противоречии с действительной политикой Советского правительства, не смогли ввести в заблуждение правительство рейха.

Враждебная по отношению к Германии политика Советского правительства в военной области сопровождалась ПОСТОЯННО УСИЛИВАЮЩЕЙСЯ КОНЦЕНТРАЦИЕЙ ВСЕХ РАСПОЛАГАЕМЫХ РОССИЕЙ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ НА ШИРОКОМ ФРОНТЕ ОТ БАЛТИЙСКОГО ДО ЧЕРНОГО МОРЯ.

Уже в то время, когда Германия основное внимание уделяла французской кампании на Западе и когда на Востоке находилось лишь незначительное количество германских войск, русское Верховное командование начало систематическую переброску крупных контингентов войск к восточной границе рейха, причем сосредоточение основных сил было установлено у границ Восточной Пруссии и генерал-губернаторства, а также на границе с Румынией в Бессарабии и Буковине. Постоянно усиливались и русские гарнизоны на границе с Финляндией. Дальнейшими мероприятиями в этом направлении была переброска все новых русских дивизий из Восточной Азии и с Кавказа на территорию Европейской части России. После того как Советское правительство в свое время заявило, что, к примеру, в Прибалтику оно введет лишь небольшое количество войск, только в этом районе после его оккупации оно постоянно увеличивало там концентрацию своих войск, насчитывающих сегодня 22 дивизии. Этим самым складывается впечатление, что русские войска все ближе подходили к германской границе, хотя с германской стороны не предпринимались никакие военные меры, которыми можно было бы мотивировать такие действия русских. И лишь эти действия русских вынудили германские вооруженные силы к принятию контрмер. Кроме этого, отдельные части русских сухопутных сил и ВВС выдвинулись вперед, а на аэродромах вдоль германской границы сконцентрированы крупные части ВВС. Следует также отметить неоднократные нарушения в начале апреля границы и участвовавшие случаи пролета русских самолетов над территорией германского рейха. По сообщениям румынского правительства такие же случаи имели место и в румынских приграничных районах Буковины, Молдовы и Дуная.

Верховное главнокомандование вермахта с начала года неоднократно указывало внешнеполитическому руководству рейха на возрастающую угрозу территории рейха со стороны русской армии и при этом подчеркивало, что причиной этого стратегического сосредоточения и развертывания войск могут быть только агрессивные планы. Эти сообщения Верховного главнокомандования вермахта со всеми подробностями будут доведены до общественности.

Если и было малейшее сомнение в агрессивности стратегического сосредоточения и развертывания русских войск, то они были полностью развеяны сообщениями, полученными Верховным главнокомандованием вермахта в последние дни. После проведения всеобщей мобилизации в России против Германии развернуто не менее 160 дивизий.

Результаты наблюдения за последние дни свидетельствуют о том, что созданная группировка русских войск, в особенности моторизованных и танковых соединений, позволяет Верховному главнокомандованию России в любое время начать агрессию на различных участках германской границы. Донесения об усилившейся разведывательной деятельности, а также ежедневные сообщения о происшествиях на границе и стычках между сторожевыми охранениями обеих армий дополняют картину крайне напряженной, взрывоопасной военной обстановки. Поступающая из Англии информация о переговорах английского посла Криппса с целью дальнейшего укрепления сотрудничества между политическим и военным руководством Англии и Советской России, а также воззвание бывшего всегда врагом Советов лорда Бивербрука о всемерной поддержке России в будущей борьбе и призыв к Соединенным Штатам сделать то же самое неопровержимо свидетельствует о том, какую судьбу уготовили немецкому народу.

ОСНОВЫВАЯСЬ НА ИЗЛОЖЕННЫХ ФАКТАХ, ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕЙХА ВЫНУЖДЕНО ЗАЯВИТЬ:

СОВЕТСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ВОПРЕКИ СВОИМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ И В

ЯВНОМ ПРОТИВОРЕЧИИ СО СВОИМИ ТОРЖЕСТВЕННЫМИ ЗАЯВЛЕНИЯМИ ДЕЙСТВОВАЛО ПРОТИВ ГЕРМАНИИ, А ИМЕННО:

1. ПОДРЫВНАЯ РАБОТА ПРОТИВ ГЕРМАНИИ И ЕВРОПЫ БЫЛА НЕ ПРОСТО ПРОДОЛЖЕНА, А С НАЧАЛОМ ВОЙНЫ ЕЩЕ И УСИЛЕНА.

2. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СТАНОВИЛАСЬ ВСЕ БОЛЕЕ ВРАЖДЕБНОЙ ПО ОТНОШЕНИЮ К ГЕРМАНИИ.

3. ВСЕ ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ НА ГЕРМАНСКОЙ ГРАНИЦЕ БЫЛИ СОСРЕДОТОЧЕНЫ И РАЗВЕРНУТЫ В ГОТОВНОСТИ К НАПАДЕНИЮ.

ТАКИМ ОБРАЗОМ, СОВЕТСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ПРЕДАЛО И НАРУШИЛО ДОГОВОРЫ И СОГЛАШЕНИЯ С ГЕРМАНИЕЙ. НЕНАВИСТЬ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ МОСКВЫ К НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМУ ОКАЗАЛАСЬ СИЛЬНЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗУМА. БОЛЬШЕВИЗМ – СМЕРТЕЛЬНЫЙ ВРАГ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА.

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ МОСКВА ГОТОВА НАНЕСТИ УДАР В СПИНУ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ГЕРМАНИИ, ВЕДУЩЕЙ БОРЬБУ ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВО ГЕРМАНИИ НЕ МОЖЕТ БЕЗУЧАСТНО ОТНОСИТЬСЯ К СЕРЬЕЗНОЙ УГРОЗЕ НА ВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЕ. ПОЭТОМУ ФЮРЕР ОТДАЛ ПРИКАЗ ГЕРМАНСКИМ ВООРУЖЕННЫМ СИЛАМ ВСЕМИ СИЛАМИ И СРЕДСТВАМИ ОТВЕСТИ ЭТУ УГРОЗУ. НЕМЕЦКИЙ НАРОД ОСОЗНАЕТ, ЧТО В ПРЕДСТОЯЩЕЙ БОРЬБЕ ОН ПРИЗВАН НЕ ТОЛЬКО ЗАЩИТИТЬ РОДИНУ, НО И СПАСТИ МИРОВУЮ ЦИВИЛИЗАЦИЮ ОТ СМЕРТЕЛЬНОЙ ОПАСНОСТИ БОЛЬШЕВИЗМА И РАСЧИСТИТЬ ДОРОГУ К ПОДЛИННОМУ РАСЦВЕТУ В ЕВРОПЕ.

Берлин 21 июня 1941 года

Краткая и развернутая таблицы с информацией о механизированных корпусах Красной Армии на 22.06.1941

Округ дислокации (напр. передислокации) на 22 июня 1941 г.	Номер мехкорпуса	Командир мехкорпуса	Армейская принадлежность	Количество танков на 1 июня 1941 года или более ранние даты
Ленинградский военный округ	1	Генерал-майор Чернявский М.Л.	14А	1,039
	10	Генерал-майор Лазарев И.Г.	23А	474
	21	Генерал-майор Лелюшенко Д.Д.	МО (27А с 25.06.194)	120
Прибалтийский Особый военный округ	3	Генерал-майор Куркин А.В.	11А	672
	12	Генерал-майор Шестопапов Н.М.	8А	806
				Итого Сев.-Зап.: 3,111
Западный Особый военный округ	11	Генерал-майор Мостовенко Д.К.	3А	414
	6	Генерал-майор Хаскилевич М.Г.	10А	1,131
	13	Генерал-майор Ахлюстин П.Н.	10А	295
	14	Генерал-майор Оборин С.И.	4А	534
	17	Генерал-майор Петров М.П.	резерв округа	63
	20	Генерал-майор Никитин А.Г.	резерв округа	100
				Итого: мин. 2,537
Киевский Особый военный округ	4	Генерал-майор Власов А.А.	6А	979
	8	Генерал-лейтенант Рябышев Д.И.	26А	932
	9	Генерал-майор Рокоссовский К.К.	5А	300

	15	Генерал-майор Карпезо И.И.	резерв округа	749
	19	Генерал-майор Фекленко Н.В.	резерв округа	450
	22	Генерал-майор Кондрусев С.М.	5А	746
	16	Комдив Соколов А.Д.	12А	681
	24	Ген.-майор Чистяков В.И.	резерв округа	185
	5	Генерал-майор Алексеенко И.П.	16А	974 («около 1,300»?)
				Итого: мин. 5,996
Одесский военный округ	2	Генерал-лейт. Новосельский Ю.В.	ПШ (9А)	527
	18	Генерал-майор Волох П.В.	9А	457
				Итого: мин. 984
Прочие мехкорпуса	7	Генерал-майор Виноградов В.И.	МВО (20А)	959
	23	Генерал-майор Мясников М.А.	ОрВО (24А)	413
	25	Генерал-майор Кривошеин С.М.	ХВО (21А)	185
	26	Генерал-майор Кириченко Н.Я.	СКВО (19А)	184
	27	Генерал-майор Петров И.Е.	САВО (28А)	356
	28	Генерал-майор Новиков В.В.	ЗакВО	869
	29 (расформирован 7.05.41)	Генерал-майор Повелкин М.И.	ЗабВО	1,000 (57 тд 385)
	30	Генерал-лейт Голубовский В.С.	ДальВО	1,000
				Итого: мин. 4,996
Общий итог танков в мехкорпусах:				мин. 16,594 без 29 мк

Округ дислокации (направление передислокации) на 22 июня 1941 года	Номер мехкорпуса	Командир мехкорпуса Номера танковых и моторизованных дивизий и их командиры	Армейская или окружная принадлежность на 22 июня 1941 года	Количество танков и другой техники на 22 июня 1941 года и более ранние данные в механизированных корпусах и входивших в их состав танковых и моторизованных дивизий
Ленинградский военный округ	1	Ген.-м. Чернявский М.Л.	14А	1,039 (Е. Дриг, М. Солонин)
		1 тд, г.-м. Баранов В.И.	С 17.06.41 1-я тд перебрасывалась к финской границе (Алакурти)	377 (6 КВ, 89 БТ-5, 176 БТ-7, 3 Т-26, 50 ХТ-26)
		3 тд, п-к Андреев К.Ю. 163 мд, ген.-м. Кузнецов И.М.		340 (40 Т-28, 232 БТ, 68 Т-26) 290 (251 Т-26, 25 БТ-5, 14 Т-27) (25.10.1940) Всего в корпусе: л/с 31,348 (1.06.41) 4,730 автомашин (22.06.1941) 211 ров, 211 мотоциклов (25.10.1940) система (гаубицы: 28 122-мм, 30 ПТ: 28 76-мм, 43 45-мм; минометы (25.10.1940)
	10	Ген.-м. Лазарев И.Г. 21 тд, п-к Бунин Л.В. 24 тд, п-к Чесноков М.И. 198 мд, г.-м. Крюков В.В.	23А	474 (Е. Дриг, М. Солонин) 191 (121 Т-26, 39 Т-26 (2 башни ты), 6 Т-26 (2 башни, 37-мм), 22 ХТ-26, 3 Т-38) 281 (139 БТ-2, 142 БТ-5) ? Всего в корпусе: л/с 26,065 (1.06.41) 1,090 автомашин, 34 трактора, 450 мотоциклов, 86 бронемашин

	21	Ген.-м. Лелюшенко Д.Д. 42 тд, п-к Воейков Н.И. 46 тд, п-к Копцов В.А. 185 мд, г.-м. Рудчук П.Л.	МВО (27А с 25.06.1941) С 15.06.41 корпус готовился вы- двинуться на направление Даугавпилс	120 (225 с 24.06.1941) ? ? ?
Прибалтийский Особый военный округ	3	Ген.-майор Куркин А.В. 5 тд, п-к Федоров Ф.Ф. 2 тд, г.-м. Солянкин Е.Н. 84 мд, г.-м. Фоменко П.И.	11А 18.06.1941 корпус поднят по тревоге и переброшен к гра- нице (леса возле Алитус)	672 (Е. Дриг, М. Солонин) 268 (50 Т-34, 30 Т-28, 170 БТ-7, 18 252 (32 КВ-1, 19 КВ-1, 27 Т-28, 180 (23 Т-26, 12 ХТ-26, 145 БТ- Всего в корпусе: л/с 31,975 (1.0 3,897 автомашин, 308 тракт-ров, лов (20.10.40), 224 бронеавтомо БА-10, 58 БА-20), 312 артсистем (20.10.40) (гаубицы: 20 122-мм, 205 м/метов; ПТ: 12 45-мм; зен 37-мм)
	12	Ген.-м. Шестопалов Н.М. 23 тд, п-к Орленко Т.С 28 тд, п-к Черняховский И.Д. 202 мд, п-к Горбачев В.К.	8А 18.06.1941 корпус поднят по тревоге и переброшен к границе (леса воз- ле Каркленай, По- кражанус)	806 (Е. Дриг) 381 (353 Т-26, 17 Vickers, 9 ХТ-2 314 (236 БТ-7, 68 Т-26, 1 ХТ-26, 105 (66 Т-26, 16 Vickers, 6 FT-1 3000, 11 танкеток) Всего в корпусе: л/с 30,436 (22. 2,945 автомашин, 199 тракторов, дий и м/метов, 73 бронеавтомо БА-10, 23 БА-20)
				Итого в ЛВО и ПриОВО: мин.

Округ дислокации (направление передислокации) на 22 июня 1941 года	Номер мех- корпуса	Командир мехкорпуса Номера танковых и моторизованных дивизий и их командиры	Армейская или окружная принадлежность на 22 июня 1941 года	Количество танков и другой техни- ки июня 1941 года и более ранние д в механизированных корпу и входивших в их состав тан и моторизованных дивиз
Западный Особый военный округ	11	Ген.-м. Мостовенко Д.К. 29 тд, п-к Студнев Н.П. 33 тд, п-к Панов М.Ф. 204 мд, п-к Пиров А.М	3А Перед войной кор- пус дислоцировал- ся в районе Грод- но-Вылковск (примерно в 50 км от границы)	414 (Р. Иринархов) 239 (2 КВ, 26 Т-34, 26 Т-26, 16 118 (1 КВ, 2 Т-34, 44 БТ, 65 Т-26 57 (56 Т-26, 1 ХТ-26) Всего в корпусе: 30,734 л/с (22. 540 автомобилей; 110 мотоцикло бронемашин (45 БА-20, 96 БА- артсистем (ПТ: 36 45-мм, 21 76- цы: 36 122-мм, 16 152-мм; мино 124 50-мм, 38 82-мм; зенитные: 4 76-мм)
	6	Ген.-м. Хацкилевич М.Г. 4 тд, г.-м. Потатурчев А.Г. 7 тд, г.-м. Борзилов С.В. 29 мд, г.-м. Бикжанов И.П.	10А Перед войной кор- пус был перебро- шен к границе (Белосток); 20.06 комкор приказал повысить боевую готовность, загрузи- ть боезапас и установить радио- связь между соеди- нениями и штабом корпуса	1,131 (Р. Иринархов, Е. Дриг) 436 (63 КВ-2, 88 Т-34, 64 Т-26, 24 ХТ-26) 368 (51 КВ, 150 Т-34, 125 БТ-5, 275 (183 БТ-5,7, 17 ХТ-26, 22 Т 16 Т-37/38/40) Всего в корпусе: 32,527 л/с (22. 4,779 автомашин, 294 трактора, тоцикла, 247 бронемашин (127 Б 102 БА-20) 13 самолетов, 335 ар (ПТ: 36 45-мм, 24 76-мм; гауби 36 152-мм, 40 122-мм; м/меты: 49 82-мм; зенитные: 32 37-мм, 4

	13	Ген.-м. Ахлюстин П.Н. 25 тд, п-к Никифоров Н.М. 31 тд, п-к Калихович С.А. 208 мд, п-к Ничипорович В.И.	10А Перед войной корпус дислоцировался в районе Бельцы (примерно в 30 км от госграницы)	295 (Р. Иринархов, Е. Дриг) 228 (205 Т-26, 18 ХТ-26, 5 Т-37/38/40) 40 (39 Т-26, 1 ХТ-26) 27 (15 БТ, 1 Т-26, 11 Т-37) Всего в корпусе: 29,314 л/с (22.06.1941) 34 бронемашин (29 БА-10 и 5 БА-20) артсистемы (ПТ: 36 45-мм, 20 76-мм; гаубицы: 36 152-мм, 36 122-мм; минометы: 121 50-мм, 27 82-мм; зенитные: 4 76-мм)
	14	Ген.-м. Оборин С.И. 22 тд, г.-м. Пуганов В.П. 30 тд, г.-м. Богданов С.И. 205 мд, п-к Кудюров Ф.Ф.	4А С середины июня корпус строил новый КП на ст. Тевли (недалеко от Бреста). 22-я тд дислоцировалась в 2—3 км от границы. 22.06 некоторые танковые подразделения должны были участвовать в показательных учениях на Брестском полигоне	534 (Р. Иринархов, Е. Дриг) 256 (251 Т-26, 5 Т-37/38/40) 243 (211 Т-26, 5 Т-37/38/40) 35 (35 Т-26) Всего в корпусе: 29,667 л/с (22.06.1941) 44 бронемашин (21 БА-10 и 23 БА-20) 325 артсистем (ПТ: 36 45-мм, 20 76-мм; гаубицы: 36 152-мм, 40 122-мм; минометы: 127 50-мм, 38 82-мм; зенитные: 24 37-мм, 4 76-мм)
	17	Ген.-м. Петров М.П. 36 тд, п-к Мирошников С.З. 27 тд, п-к Ахманов А.О. 209 мд, п-к Муравьев А.И.	Резерв округа	63 (Р. Иринархов, Е. Дриг) 15 БТ, 1 Т-26, 11 Т-37/38/40 9 БТ, 27 других типов? —

Округ дислокации (направление передислокации) на 22 июня 1941 года	Номер мехкорпуса	Командир мехкорпуса Номера танковых и моторизованных дивизий и их командиры	Армейская или окружная принадлежность на 22 июня 1941 года	Количество танков и другой техники на 22 июня 1941 года и более ранние даты в механизированных корпусах и входивших в их состав танковых и моторизованных дивизий
	17			Всего в корпусе: 30,877 л/с (22.06.1941) 480 авт. бронемашин (4 БА-20, 31 БА-10) артсистем (ПТ: 41 45-мм, 51 76-мм; гаубицы: 42 122-мм, 12 152-мм; минометы: 138 50-мм, 37 82-мм; зенитные: 12 37-мм, 4 76-мм)
	20	Ген.-м. Никитин А.Г. 26 тд, ген.-м. Обухов В.Т. 38 тд, п-к Капустин С.И. 210 мд, комбриг Пархоменко Ф.А.	Резерв округа	100 (Р.Иринархов, Е. Дриг) 51 (13 БТ, 31 Т-26, 3 КВ, 4 Т-34) 43 (43 Т-26) 6 (6 Т-26) Всего в корпусе: 28,856 л/с (22.06.1941) 11 бронемашин (5 БА-20, 6 БА-10) 302 артсистемы (ПТ: 36 45-мм, 48 76-мм; гаубицы: 44 122-мм; м/меты: 109 50-мм, 27 82-мм; зенитные: 12 37-мм, 4 76-мм)
Киевский Особый военный округ	4	Ген.-м. Власов А.А. 8 тд, п-к Фотченков П.С. 32 тд, п-к Пушкин Е.Г. 81 мд, п-к Варыпаев П.М.	6А 20.06.1941 корпус поднят по тревоге и вышел в	Итого ЗапОВО: мин. 2,537 979 (Е. Дриг, Р. Иринархов, М. Дриг) 333 (50 КВ, 141 Т-34, 31 БТ, 75 Т-26) 361 (49 КВ, 173 Т-34, 31 БТ, 70 Т-34) 270 (БТ и Т-26)

		район сосредоточения у границы (западнее Янув)	Всего в корпусе: л/с 28,097 (1.2,854 автомашины, 274 тракторов, 393 артсистемы (27.10.40) (гаубицы: 36 152-мм, 40 122-мм, 100 45-мм; 181 минометов, 17 БА-20)
8	Ген.-л-т Рябишев Д.И. 12 тд, г.-м. Мишанин Т.А. 34 тд, п-к Васильев И.В. 7 мл, п-к Герасимов А.В.	26А Накануне войны корпус находился в 70—100 км от границы (Дрогобыч, Стрый), 19 — 20.06.41 выведен в р-н сосредоточения	932 (Е. Дриг, Р. Иринархов и М. 383 (90 Т-34, 83 КВ, 61 Т-26, 147 383 (6 КВ, 10 Т-34, 49 Т-35, 26 БТ-135 (19 Т-37, 1 Т-26, 115 БТ-7) Всего в корпусе: л/с 31,927 (1.03,237 автомашин, 376 тракторов, 211 броневых автомобилей (27.10.40) 211 мотоциклов (27.10.40), 163 (27.10.40) (гаубицы: 40 152-мм, ПТ: 31 76-мм, 42 45-мм)
9	Ген.-м. Рокоссовский К.К. 35 тд, п-к Новиков Н.А. 20 тд, п-к Катухов М.Е. 131 мд, п-к Калинин Н.В.	5А С мая 1941 года корпус готовился к действиям с 5-й армией на направлении Ровно — Луцк — Ковель	300 (Р. Иринархов, Е. Дриг, 142 (141 Т-26, 1 ХТ-26) 36 (30 БТ-5,7, 6 Т-26) 122 (104 БТ-5,7, 18 Т-37) Всего в корпусе: л/с 26,833 (1.01,027 автомашин, 114 тракторов, 37 броневых автомобилей (32 БА-5 БА-20), 252 артсистемы (гаубицы: 24 152-мм, 34 122-мм, зенитные: 20 76-мм, 12 37-мм, меты: 114 50-мм, 48 82-мм)

Округ дислокации (направление передислокации) на 22 июня 1941 года	Номер мех- корпуса	Командир мехкорпуса Номера танковых и моторизованных дивизий и их командиры	Армейская или окружная принадлежность на 22 июня 1941 года	Количество танков и другой техн июня 1941 года и более ранние д в механизированных корпу и входивших в их состав тан и моторизованных дивизи
	15	Ген.-м. Карпезо И.И. 37 тд, п-к Аникишкин Ф.Г. 10 тд, г.-м. Огурцов С.Я. 212 мд, г.-м. Баранов С.В.	Резерв округа Накануне войны корпус базировал- ся в районе Бро- ды-Кременец (100—135 км от госграницы)	749 (Р. Иринархов, Е. Дриг и М. 316 (1 КВ, 34 Т-34, 258 БТ-7, 22 Т-2 368 (63 КВ, 38 Т-34, 51 Т-28, 1 27 Т-26, 8 ХТ-26) 37 (32 БТ-7, 5 Т-26) Всего в кор 33,935 (1.06.41) 2,035 автомашин тракторов, 152 бронеавтомобиля 10, 46 БА-20)
	19	Ген.-м. Фекленко Н.В. 40 тд, п-к Ширококов М.В. 43 тд, п-к Цибин И.Г. 213 мд, п-к Осьминский В.М.	Резерв округа 19 — 20.06.1941 корпус поднят по тревоге и со- средоточен в за- пасных районах со всеми запаса- ми	450 (Р. Иринархов, Е. Дриг 158 (19 Т-26, 139 Т-37 и Т-38) 237 (5 КВ, 2 Т-34, 230 Т-26) 55 (42 Т-26, 13 Т-37/38) Всего в корпусе: л/с 22,654 (1 927 автомашин (+200 22.06. 67 тр-ров, 8 м/циклов, 205 а (ПТ: 12 76-мм; гаубицы: 16 1 122-мм; м/меты: 32 82-мм, 1 мм; зен-ые: 12 37-мм)
	22	Ген.-м-р Кондрусев С.М. 41 тд, п-к Павлов П.П. 19 тд, г.-м. Семенченко К.А. 215 мд, п-к Барабанов П.А.	5А Накануне войны корпус находился рядом с границей в районе Ровно, Владимир-Волын- ский	746 (Р. Иринархов, Е. Дриг) 415 (31 КВ-2, 342 Т-26, 41 ХТ-5 163 (122 Т-26, 7 ХТ-26, 34 БТ) 129 (129 БТ) Всего в корпусе: л/с 28,623 (22. 1,382 автомашины, 129 трактор тоциклов, 232 артсистемы (гауби 152-мм, 48 122-мм; ПТ: 16 76-м ты: 48 82-мм, 104 50-мм)

	16	<i>Комдив Соколов А.Д.</i> 15 тд, п-к Полозков В.И. 39 тд, п-к Старков Н.В. 240 мд, п-к Горбенко И.В.	12А Накануне войны корпус находился рядом с границей в районе Станислав, Черновцы, Каменец-Подольск	681 (Р. Иринархов, Е. Дриг) 347 (75 Т-28, 4 КВ) 209 (196 Т-26, 13 ХТ-26) 112 Всего в корпусе: л/с 26,380 (1.0 1,777 автомашины, 193 трактора
	24	<i>Ген.-м. Чистяков В.И.</i> 45 тд, к-г Соломатин М.Д. 49 тд, п-к Шевцов К.Ф. 216 мд, п-к Саркисян А.С.	Резерв округа (26А с 4.07.1941)	185 (Е. Дриг) (10 БТ, 165 Т-26, 3 ХТ ? ? ? Всего в корпусе: л/с 21,556 (1.0 На 30.06.41: 484 автомашины, 2 403 артсистемы (ПТ: 153 45-мм; 16 37-мм, 23 76-мм; гаубицы: 28 12 152-мм пушек; м/мегты: 114 5 57 82-мм)
	5	<i>Ген.-м. Алексеев И.П.</i> 13 тд, п-к Грачев Ф.У. 17 тд, п-к Корчагин И.П. 109 мд, п-к Краснорецкий Н.П.	16А С 4.06.1941 корпус перебрасывался из Забайкалья на Украину в район Изяслав, Бердичев, Шепетовка	974 («около 1,300»?) (Е. Дриг) 441 (7 КВ, 10 Т-34, 238 БТ, 112 26 ХТ, 48 Т-37) 413 (237 БТ, 130 Т-26, 35 ХТ, 1 113 (113 БТ) Всего в корпусе (на 1.11.1940): 3,918 автомашин, 223 тр-ров, 274 м/циклов, 93 б/автом., 93 артсистемы (ПТ: 16 76-мм; га 40 122-мм, 12 152-мм; зенитны установки 25)
				Итого в КОВО: мин. 5,996

Округ дислокации (направление передислокации) на 22 июня 1941 года	Номер мех- корпуса	<i>Командир мехкорпуса</i> Номера танковых и моторизованных дивизий и их командиры	Армейская или окружная принадлежность на 22 июня 1941 года	Количество танков и другой техни- ки июня 1941 года и более ранние д в механизированных корпу и входивших в их состав тан и моторизованных дивиз
Одесский военный округ	2	<i>Г.-л-т Новосельский Ю.В.</i> 11 тд, п-к Кузьмин Г.И. 16 тд, п-к Мындро М.И. 15 мд, ген.-майор Белов Н.Н.	ГШ (с 14.06.1941 вошел в состав 9А) 20.06.1941 (или ранее) корпус поднят по тревоге вместе с 9А и под видом учений вы- веден к границе	527 (Е. Дриг) 50 Т-34, 10 КВ ? ? Всего в корпусе: л/с 32,396 (1.0 На 20.11.1940: 3,458 автомашин торов, 242 мотоциклов, 315 артс бицы: 48 152-мм, 40 122-мм; ПТ мм; 189 м/метов)
	18	<i>Ген.-м. Волох П.В.</i> 44 тд, п-к Крымов В.П. 47 тд, п-к Родин Г.С. 218 мд, г.-м. Шылов Ф.Н.	9А Накануне войны корпус находился в районе Аккерман — Тарутино — Березино (примерно в 100 км от госграницы)	457 (12.07.1941) (В. Дайнес) 208 (208 Т-26) 63 (7 Т-26, 14 БТ, 42 танков друг 186 (93 Т-26, 93 танков других м Всего в корпусе: л/с 26,879 (1.0 На 12.07.41: 1,329 автомашин, 1 107 м/циклов, 119 артсистем (га 152-мм, 4 122-мм; пушки: 16 12 107-мм; ПТ: 34 76-мм, 45 37-мм ные: 8 76-мм)
				Итого в ОдВО: мин. 984
		Общий итог по приграничным округам:		Минимум 12,628

Прочие мехкорпуса	7	Ген.-м. Виноградов В.И. 14 тд, г.-м. Штевнев А.Д. 18 тд, г.-м. Ремизов Ф.Т. 1 мд, п-к Крейзер Я.Г.	МВО (20А с июня 1941) Корпус был при- веден в полную боевую готов- ность до начала войны и гото- вился к перебро- ске на рубеж р. Днепр вместе с 20-й армией	959 (Е. Дриг, В. Дайнес) 363 (24 КВ, 29 Т-34, 58 Т-26, 226 БТ, 26 ХТ-2, 337 (10 КВ, 234 Т-26, 11 Т-37, 35 БТ, 47 ХТ-26) 229 (205 БТ, 24 Т-37/38) Всего в корпусе (1.11.1940): 3,567 автомашин, 258 тракт. 730 мотоциклов, 15 самолет (6.06.1941) 32 152-мм, 34 122- 28 76-мм, 30 45-мм
	23	Ген.-м. Мясников М.А. 48 тд, п-к Яковлев Д.Я. 51 тд, п-к Чернов П.Г. 220 мд, г.-м. Хоруженко Н.Г.	Орловский ВО (24А с июня 1941) корпус предназначался к переброске в приграничные округа	413 (Е. Дриг, В. Дайнес) 104 (3 Т-34, 101 Т-26) ? 19 танков
	25	Ген.-м. Кривошеин С.М. 50 тд, п-к Бахаров Б.С. 55 тд, п-к Баданов В.М. 219 мд, г.-м. Корзун П.П.	Харьковский ВО (21А с июня 1941) корпус предназначался к переброске в приграничные округа	185 (В. Дайнес) (16 БТ, 157 (57 Т-34 с 16.07.1941) ? ? ?
	26	Ген.-м. Кириченко Н.Я. 52 тд, п-к Михайлов Г.М. 56 тд, п-к Илларионов И.Д. 103 мд, г.-м. Тимофеев Г.Т.	Северо-Кавказ- ский ВО (19А с июня 1941) кор- пус предназна- чался к перебро- ске в пригранич- ные округа	184 (Е. Дриг, В. Дайнес) ? ? ?

Округ дислокации (направление передислокации) на 22 июня 1941 года	Номер мех- корпуса	Командир мехкорпуса Номера танковых и моторизованных дивизий и их командиры	Армейская или окружная принадлежность на 22 июня 1941 года	Количество танков и другой техн. июня 1941 года и более ранние д. в механизированных корпу- с и входивших в их состав тан- ки и моторизованных дивизи-
	27	Ген.-м. Петров И.Е. 9 тд, п-к Бурков В.Г. 53 тд, п-к Белоглазов А.С. 221 мд, п-к Ройтенберг	Среднеазиат- ский ВО (28А с 10.07.1941) корпус предназначался к переброске в приграничные округа	356 (Е. Дриг, В. Дайнес) 203 (50 БТ-7, 19 БТ-5, 3 БТ-2, ? ?
	28	Ген.-м. Новиков В.В. 54 тд, п-к Синенко М.Д. 6 тд, п-к Алексеев В.М. 236 мд, п-к Мороз В.К.	Закавказский ВО (участие в оккупации Ира- на в 1941 году)	869 (Е. Дриг, В. Дайнес) ? ? ?
	29*	Ген.-м. Павелкин М.И.	Забайкальский ВО	свыше 1,000 (Е. Дриг, В. Дайнес)
		57 тд, п-к Мишулин В.А.	57 тдк 23.06.41 была переброшена в КОВО (Шегетовка)	300?
		61 тд, п-к Скворцов Б.М. 82 мд, п-к Карамышев Г.П.		? 240 БТ (1.11.1940)
	30	Ген.-л-т Голубовский В.С. 58 тд, г.-м. Котляров А.А. 60 тд, г.-м-р Попов А.Ф. 239 мд, п-к Мартиросян Г.О.	Дальневосточный ВО	свыше 1,000 (Е. Дриг, В. Дайнес) ? ? ?

		Общий итог по прочим округам		Минимум 4,996
		ВСЕГО в мехкорпусах:		Минимум 16,594 (без учета 1,0 бывшего 29-го мк)

Примечания:

Цифры наличия танков и техники по мехкорпусам приведены по следующим источникам: «Механизированные корпуса РККА в бою» (Е. Дриг, АСТ, Москва, 2005); «Бронетанковые войска Красной Армии» (В. Дайнес, Яуза-ЭКМО, Москва, 2009); «Киевский особый» (Р. Иринархов, Харвест, Минск, 2006); «Пропущенный удар» (Р. Иринархов, Яуза-ЭКМО, Москва, 2011); сборник документов «Канун и начало войны» (составитель Л. Кишнер, Лениздат, 1991); «22 июня. Анатомия катастрофы» (М. Солонин, Яуза-Эксмо, Москва, 2009); «23 июня – «День М» (М. Солонин, Яуза-Эксмо, Москва, 2010); «25 июня: Глупость или агрессия?» (М. Солонин, Яуза-Эксмо, Москва, 2011); «Сухопутные линкоры Сталина» (М. Коломиец, Яуза-Эксмо, 2009).

Черным цветом отмечены корпуса и дивизии, которые прямо перед войной находились «в движении»: т. е. перебрасывались в приграничные округа СССР или, уже находясь в них, были 17—19 июня подняты по тревоге и выдвинулись/выдвигались в районы, непосредственно прилегающие к госгранице; **серым цветом** – те, что уже к началу войны находились в непосредственной близости от границы; **полужирным курсивом** – те, что еще до начала войны планировались к переброске в приграничные округа.

Ряд мехкорпусов (7-й, 23-й, 25-й, 26-й, 27-й) оставались в местах постоянной дислокации до начала войны – несмотря на то, что входили в состав армий, которые уже были переброшены или перебрасывались в приграничные округа (19-я, 20-я, 21-я, 24-я и 28-я армии).

Некоторые из мехкорпусов после начала войны были переброшены на другой фронт (например, 5-й мехкорпус – с Юго-Западного на Западный фронт, 16-й мехкорпус – с Юго-Западного на Южный, а потом обратно на Юго-Западный фронт).

НЕ УЧТЕНЫ танки в отдельных частях и соединениях бронетанковых войск (кроме бывших дивизий 29-го мехкорпуса, расформированного накануне войны), а также кавалерийских и стрелковых (45, 87, 124 и 135 сд) соединений. Так, в 6-м кавалерийском корпусе Западного фронта имелось 100 танков БТ.

НЕ УЧТЕНЫ броневые автомобили.

*29-й мехкорпус был полностью сформирован в марте 1941 года в ЗабВО (на территории Монголии). Но 7 мая его управление было расформировано и использовано для создания новых воздушно-десантных корпусов, а входившие в его состав танковые и моторизованная дивизии стали отдельными.

Библиография

1. **Родимцев А.И.** Твои, Отечество, сыны. Изд-во политической литературы Украины, 1974.
2. **Советская Военная Энциклопедия.** Т. 2. М.: Воениздат, 1976.
3. **Иринархов Р.С.** Красная Армия в 1941 году. М.: ЭКСМО, 2009.
4. **Крылов Н.И.** Не померкнет никогда. Военное издательство, 1984.
5. **Батов П.И.** В походах и боях. Издательство ДОСААФ СССР, 1984.
6. **Кузнецов Н.Г.** Накануне, Курсом к победе. М.: Воениздат, 1991.
7. **Азаров И.И.** Осажденная Одесса. Одесса: Маяк, 1975.
8. **Людников И.И.** Дорога длиною в жизнь. Высшая школа, 1985.
9. **Горбатов А.В.** Годы и войны. ЗАО «Центрполиграф», 2008.
10. **Судоплатов П.А.** Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930—1950 годы. М.: Олма-Пресс, 1998.

11. **Крайников К.В.** Оружие особого рода. Мысль, 1984.
12. **Шатилов В.М.** На земле Украины. Военное издательство, 1980.
13. **Федюнинский И.И.** На Востоке. Военное издательство, 1985.
14. **Рокоссовский К.К.** Солдатский долг. М.: Воениздат, 1984.
15. **Лелюшенко Д.Д.** Москва – Сталинград – Берлин – Прага. М.: Наука, 1987.
16. **Дриг Е.** Механизированные корпуса РККА в бою. М.: АСТ, 2005.
17. **Ротмистров П.А.** Стальная гвардия. М.: Воениздат, 1984.
18. **Коломиец М.** Сухопутные линкоры Сталина. Яуза-ЭКСМО, 2009.
19. **Москаленко К.С.** На південно-західному напрямі. Киев: Издательство политической литературы, 1984.
20. **Муратов В., Городецкая (Лукина) Ю.** Командарм Лукин. Киев: Воениздат, Киевский филиал, 1990.
21. **Иринархов Р.С.** РКВМФ перед грозным испытанием. Минск: Харвест, 2008.
22. **Дениц Карл.** Десять лет и двадцать дней. М.: АСТ, 2007.
23. **Ширер У.** Взлет и падение III Рейха. М.: ЭКСМО, 2003.
24. **Hoffmann Joachim,** Stalin's War of Extermination. 1941—1945. Thesis & Dissertations Press, Capshaw (Alabama), 2001, ISBN 0-9679856-8-4.
25. **Захаревич С.** Босфорский поход Сталина. Минск: Харвест, 2007.
26. **Бунич И.** Операция Гроза. Кровавые игры диктаторов. Фатальная ошибка Сталина. М.: ЭКСМО, 2010.
27. **Дональд Д.** Боевые самолеты Люфтваффе. М.: АСТ, 2002.
28. **Rees Laurence** , World War II. Behind Closed Doors. Stalin, the Nazis and The West. The Random House, 2009, London, ISBN 978 1846077944.
29. **Гальдер Ф.** Военный дневник. Т. 2. М.: Воениздат, 1969.
30. **«The Goebbels Diaries. 1939—1941»**, translated and edited by Fred Taylor, Sphere Books Limited, London, 1983.
31. **Bergstrom Christer** , Barbarossa – The Air Battle: July-December 1941. Midland, 2007, ISBN (13) 978 1 85780 270 2.
32. **Головко А.Г.** Вместе с флотом. М.: Воениздат, 1979.
33. **Солонин Марк.** Три плана товарища Сталина, Правда Виктора Суворова. Окончательное решение. Сборник. М.: Яуза-Пресс, 2009.
34. **New York Times**, архив.
35. **«История второй мировой войны».** Т. 3, Военное издательство, 1974.
36. **Суворов Виктор** , Who was Planning to Attack Whom in June 1941, Hitler or Stalin? «Journal of the Royal United Services for Defence Studies», 1985.
37. **Василевский А.М.** Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1974.
38. **Баграмян И.Х.** Так начиналась война. М.: Воениздат, 1971.
39. **«История Краснознаменного Уральского Военного Округа»**, М.: Воениздат, 1983.
40. **Симонов К.** 100 суток войны. Смоленск: Русич, 1999.
41. **Канун и начало войны** / Сборник, составитель Л.А. Киршнер. Лениздат, 1991.
42. **Невежин В.А.** Речь Сталина 5 мая 1941 года и апология наступательной войны. <http://gkaf.narod.ru/kirillov/ref-liter/nevezhin-95.html>
43. **Ортенберг Д.** Июнь-декабрь сорок первого. М.: Советский писатель, 1986.
44. **Мерецков К.А.** На службе народу. М.: Высшая школа, 1984.
45. **Никулин Ю.** Почти серьезно. М.: АСТ – Владимир: ВКТ, 2008.
46. **Петров В.С.** Прошлое с нами. Украины: Политиздат, 1977.
47. **Огневой вал** / Сборник, составитель А. Драбкин. М.: ЭКСМО-Яуза, 2009.
48. **Широкоград А.Б.** Гений советской артиллерии. М.: АСТ, 2002.
49. **Хазанов Д.** Сталинские соколы против Люфтваффе. М.: Яуза-ЭКСМО, 2010.
50. **Покрышкин А.И.** Небо войны. М.: Воениздат, 1975.
51. **Штеменко С.М.** Генеральный штаб в годы войны. Воениздат, 1989.

52. **Жуков Г.К.** Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1969.
53. **Карель Пауль**, Восточный фронт. ЭКСМО, 2003.
54. **Драбкин А., Михин П.** Мы дрались с тиграми. М.: ЭКСМО, 2010.
55. **Драбкин А.** Я дрался на Т-34. М.: Яуза-ЭКСМО, 2010.
56. **Драбкин А.** Мы дрались на ИЛ-2. М.: ЭКСМО, 2010.
57. **Драбкин А.** Я дрался на бомбардировщике. М.: Яуза-ЭКСМО, 2010.
58. **Зефиоров М. и Дегтев Д.** Все для фронта? М.: АСТ, 2009.
59. **Winston Churchill** , The Second World War, Pimlico, London, 2002, ISBN 978-071-2667029.
60. **Иринархов Р.С.** Киевский особый. Минск: Харвест, 2006.
61. **Шелленберг Вальтер.** Мемуары. Минск: Родиола-плюс, 1998.
62. **Краткая история. Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945.** М.: Воениздат, 1965.
63. **История Второй мировой войны.** Т. 4. Военное издательство, 1975.
64. **Пронин А.** Советско-польские события. Сверхновая правда Виктора Суворова / Сборник. М.: Яуза-Пресс, 2010.
65. **Reinhard Gehlen** , «The Service», World Publishing, New York, 1972, ISBN 0-529-04455-2.
66. **Schroeder Christa** . He was my chief. Frontline Books, London, 2009, ISBN 978-1-84832-536-4.
67. **Магенхаймер Х.** Стратегия Советского Союза: наступательная, оборонительная, превентивная? Правда Виктора Суворова-2 / Сборник. М.: Яуза-Пресс, 2008.
68. **David E. Murphy** , «What Stalin knew. The Enigma of Barbarossa», Yale University Press, 2005, ISBN 0-300-10780-3.
69. **Richard Overy** , «1939. Countdown to war», Allen Lane (an imprint of Penguin Books), London, 2009, ISBN: 978-1-846-14264-2.
70. **Стенографический отчет XVIII съезда ВКП(б).** ОГИЗ, Государственное издательство политической литературы, 1939.
71. **Кантор Ю.** Заклятая дружба. Питер Пресс, 2009.
72. **История второй мировой войны.** Т. 2, Военное издательство, 1974.
73. **Волкогонов Д.** Эту версию уже опровергла история // «Известия» от 16 января 1993 года.
74. **Heinz Magenheimer** , «Hitler's War. Germany's Key Strategic Decisions. 1940—1945», Barnes & Noble Books, New York, 2003, ISBN 0-7607-3531-X.

Об авторе

Настоящее имя киевского писателя Андрея Мелехова – Терехов Андрей Михайлович. Родился в 1965 г. в Северном Казахстане. Жил в Донецке, Туле и Киеве. В 1989 г. закончил Киевский университет по специальности переводчик. Четыре года служил в Советской Армии, два из них – в Анголе, в составе группы советских военных советников.

После возвращения из Африки работал менеджером. В 1996 г. получил научную степень в бизнес-школе университета Миннесоты (США). В середине 90-х стал одним из соучредителей компании по управлению фондами прямых инвестиций Бэринг Восток (Россия), где трудился в течение семи лет. В 2001 г. учился в Гарвардской школе бизнеса. Затем работал в американской Carlyle Group, а в 2005—2008 гг. являлся управляющим директором в компании А1 (Альфа групп), где отвечал за проекты в России и Турции.

Автор романов *Analyste*, *Mon Agent*, *Malaria* и *Vox Populi*. С 2008 г. Андрей Терехов занимается исключительно литературой и историей.